АКВИЛОН

Британские исследования

Выпуск VII

МОСКВА
2022

British Studies

Issue VII

MOSCOW
2022

УДК 94(41)
ББК 63.3(4Вел)
Б 879

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

С.Н. Гаврилов
(кандидат исторических наук,
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

В.Ю. Апрыщенко (доктор исторических наук, доцент, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону); *Р.С. Айриян* (кандидат исторических наук, доцент, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону); *Т.Л. Лабутина* (доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН, Москва); *Н.А. Лагошина (ответственный секрета*рь, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону); *Н.В. Ласкова* (кандидат исторических наук, доцент, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону); *А.В. Мирошников* (доктор исторических наук, профессор, Воронежский государственный университет, Воронеж)

БРИТАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ / С.Н. Гаврилов (Ред.).
М.: Аквилон, 2022. Вып. VII. 342 с.

Седьмой выпуск альманаха «Британские исследования» продолжает традиции и содержит статьи как наших постоянных авторов, так и тех исследователей, которые присоединились к нам впервые. В этом выпуске авторы, опираясь на широкий круг исторических источников, исследуют политические, военные, дипломатические и этнокультурные аспекты истории Великобритании.

BRITISH STUDIES / Sergey Gavrilov (Ed.).
Moscow: Aquilo-Press, 2022. Issue VII. 342 p.

The seventh issue of the “British Studies” Almanac continues the tradition and contains articles written by both our regular authors and those researchers who have joined us for the first time. In this issue, the authors, relying on a wide range of historical sources, explore the political, military, diplomatic and ethno-cultural aspects of the history of Great Britain.

Научное издание

ISBN 978–5–906578–85–3

© Коллектив авторов, 2022
© Южный федеральный университет, 2022
© Издательство «Аквилон», 2022

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания или его части любым способом без письменного соглашения с издателем запрещается

ОТ РЕДАКЦИИ

Седьмой выпуск альманаха «Британские исследования» продолжает уже устоявшуюся серию научного издания. Новый выпуск выходит в отнюдь не самых благоприятных условиях, за два прошедших года произошло довольно много событий, порожденных, прежде всего, охватившей весь мир эпидемией. Она, к сожалению, нанесла удар как по рядам наших преданных авторов и членов редколлегии, так и по всему научному сообществу в целом. И, тем не менее, альманах живет, свои статьи нам предлагают и те, кто вместе с нами чуть ли не с момента рождения издания, и те, кто решил к нам присоединиться впервые. Среди последних есть и довольно молодые исследователи, что, безусловно, является хорошим знаком, — сообщество британоведов постоянно пополняется, любовь к истории Туманного Альбиона не утихает.

Одной из устоявшихся традиций нашего альманаха стал перечень постоянных рубрик, присутствовавших в предыдущих шести выпусках. И хотя некоторые из этих рубрик иногда пропадают, но, подобно фениксу, возрождаются в новых выпусках, ведь наши авторы продолжают свои исследования.

Новый выпуск альманаха, который уважаемый читатель держат в руках, сохраняет традиционную структуру, в основе которой проблемно-хронологическое деление. Мы остаемся приверженными традиции разделения статей по рубрикам, посвященным тому или иному направлению исследований истории Британии. Внутри же самих рубрик работы наших авторов строятся по хронологическому принципу.

«Правь, Британия, морями» — одна из наших традиционных рубрик. Она неоднократно появлялась на страницах издания. Впрочем, это и не удивляет. Само островное положение страны предопределяет неутихающий интерес к ее морскому прошлому, ведь во многом именно это положение закладывало как особенности развития, так и специфику менталитета жителей страны. Неслучайно известный французский историк Жюль Мишле более полутора столетий назад начинал свои лекции по истории Британии в Коллеж де Франс такими словами: «Англия — это остров. А теперь вы знаете о ней ровно столько, сколько о ней знаю я сам». Неутихающий интерес к морском прошлому Туманного Альбиона подтверждают и статьи наших авторов. Первая из них — исследование А. Киселева «Себастьян Кабот и организация английских морских экспедиций в середине XVI века» — посвящена до сих пор не привлекшему большое внимание в историографии вкладу Себастьяна Кабота в подготовку и проведение английских морских экспедиций середины XVI века. И действительно, опыт знаменитого венецианского исследователя и предпринимаемые им усилия способствовали как плаванию Х. Уиллоби и Р. Ченслера, в ходе поисков северо-восточного прохода в Азию открывших морской путь в Россию, так и в целом внесли вклад в становление Англии как морской державы.

Иную грань морской тематики затрагивает в своей статье «Вы видите в нас не людей, а зверей»: моряки английского королевского флота в конце XVI века» С. Гаврилов. Его работа посвящена исследованию положения английских военных моряков конца тюдоровской эпохи. Социальная история флота этого времени на сегодняшний день довольно слабо исследована, ведь интерес историков долгое время был преимущественно сосредоточен на героической истории военно-морских сил эпохи правления династии Тюдор, а также на институциональной истории военного флота. Между тем, без простого моряка не было бы и «морских стен

Англии», что и заставляет современных специалистов все чаще обращать внимание на простого матроса.

В чем-то близка по своей направленности и рубрика «Британия и мир», впервые появившаяся в предыдущем выпуске нашего альманаха. И действительно, трудно представить себе Британию, ее историю в отрыве от остального мира. Даже будучи островом, Британия не являлась изолированной территорией, но особенно взаимосвязь и взаимовлияние усиливается с рождением империи и превращением Туманного Альбиона в ее центр. Причем эта взаимосвязь оказывала значительное влияние как на сам центр, так и на периферию, обогащая их жизнь, с одной стороны, с другой — усиливая или даже порождая комплекс проблем и противоречий. Эти причудливые взаимоотношения, восприятие обеими сторонами друг друга не могли укрыться и от внимания исследователей.

Статья нашего постоянного автора Т. Лабутиной «Женщины екатерининской России глазами британских дипломатов» в определенной мере является продолжением исследования восприятия британскими дипломатами второй половины XVIII века придворного мира России. От внимания дипломатов не ускользнули характерные черты, манеры поведения, внешность аристократок российского императорского двора, в первую очередь самой Екатерины Великой и ее ближайшей сподвижницы Екатерины Дашковой. Анализ дипломатической переписки и мемуары дипломатов позволил автору сделать вывод, что в глазах представителей Туманного Альбиона эти дамы практически не уступали европейским женщинам, что не могло не изменить и ранее бытовавшее восприятие русского народа как «нецивилизованной нации».

О визите лидера британской парламентской оппозиции Чарльза Джеймса Фокса в Париж в 1802 г. рассказывается в исследовании И. Дайнеко. Анализируя дневник личного секретаря политика, в котором подробно описываются встречи с самим Наполеоном Бонапартом и ведущими ключевыми

фигурами в политике Франции, автор прослеживает как обстановку в Париже в годы бурных событий, восприятие ее, а также и восприятие представителей французской элиты британцем, так и изменение личной позиции лидера вигов в ходе контактов с первым консулом Франции.

Еще одной возрожденной рубрикой является «Urbi et orbi». Историю Британии практически невозможно представить себе без города. Город — место, где многие процессы протекают гораздо быстрее, в сравнении с сельскою местностью его повседневная жизнь более разнолика. Будучи одним из самых интересных объектов исследований, как конкретные города Британии, так и город как явление всегда являлись и будут являться тем полем, на котором профессиональные исследователи, образно говоря, скрещивают свои мечи в ходе многочисленных дискуссий. И страницы нашего альманаха дают авторам возможность показать результаты своих исследований.

В седьмом выпуске альманаха особый интерес исследователей вызвал Лондон. Свою статью «Лондонский портной XV века Ральф Холланд и попытки реформирования городского управления» Л. Чернова посвятила выявлению роли «простого человека» Ральфа Холланда в экономической и политической жизни столицы. Будучи ремесленником-портным, он сумел продвинуться по карьерной лестнице в городском самоуправлении и стал выразителем чаяний и лидером оппозиции, сыгравшей определенную роль в «демократизации» городского самоуправления города. В модели его оппозиционного поведения, как считает автор, отразились глубинные противоречия в городском социуме английской столицы.

Иная грань жизни Лондона раскрывается в статье Н. Лагошиной. Столица Туманного Альбиона всегда привлекала жителей периферии возможностями, как многие из них полагали, лучшей жизни. Автор рассказывает об особенностях адаптации ирландских переселенцев в лондонском обществе в конце XVII–XVIII вв., а именно ирландской

знати, джентри и низших слоев населения. На материале различных источников прослеживаются стратегии и механизмы вполне успешной ассимиляции высших и средних слоев ирландцев и выявляются причины, ведущие к усилению общинного самосознания и маргинализации представителей низшего слоя, испытывавших значительные трудности в процессе приспособления к жизни в британской столице.

Еще одной ставшей традиционной является рубрика «Социально-политические практики и институты». Без сомнения, затрагиваемая в данном разделе сфера жизни общества является одной из самых изменчивых. Устоявшиеся нормы и практики со временем устаревают и часто превращаются в тормоз развития общества и государства. В таких случаях власть сама или под давлением снизу вынуждена реагировать и осуществлять целенаправленное реформирование устаревающих практик и институтов. Пример тому — исследование Е. Скляровой, рассматривающей особенности социального развития Ливерпуля в контексте его роли во внутренней политике Великобритании в эпоху королевы Виктории.

С другой стороны, изменчивость социально-политической сферы жизни общества может являться и следствием идей политиков и стоящих вне власти мыслителей, воплощенных в реальных действиях по изменению существующих порядков. Довольно часто эти политические деятели, мыслители становились выразителями недовольства сложившимися политическими практиками и ратовали за переустройство устоявшихся норм. Взгляды одного из таких мыслителей рассматриваются в статье М. Ковалева «Политическая полемика в Великобритании в 90-е годы XVIII века по материалам памфлета Дж. Ривза «Мысли об английском правительстве»». Тщательно проведенный анализ взглядов Ривза, консервативного памфлетиста, выступавшего в защиту «высокой церкви» и королевской власти и подвергшегося мощной критике со стороны влиятельных представителей вигов, обогащает наше понимание политической ситуации, сложившейся в Британии в рассматриваемый период.

Конечно не могла остаться в стороне и столь острая для британцев проблема как национализм и Брексит. Казалось бы, обострение национальных чувств, способное порождать отнюдь не однозначные по своим результатам последствия, на данный момент является уже широко изученной проблемой, но ее актуальность не падает. Национальные чувства используют как орудие в своей борьбе политики, к проблеме всплеска национализма по-прежнему обращаются профессиональные исследователи. И именно в контексте обострения национальных чувств Е. Атапин рассматривает итоги британского референдума о членстве в Европейском союзе 2016 г.

Идеи и ценности играют в нашей жизни огромную роль. Они задают границы, ставят ориентиры, закладывают смыслы в действия как человека, так и общества в целом. И в этом отношении исследование истории вне контекста идей и ценностей не дало бы возможностей увидеть всей полноты картины развития общества. Не удивительно, что на страницах альманаха эта рубрика традиционно является одной из популярных у наших авторов, среди которых и М. Мухин, анализирующий взгляды и политические идеи шотландского историка Уильяма Робертсона и ставящий под сомнение довольно популярную в историографии точку зрения о принадлежности Робертсона к «юнионистскому национализму», представители которого испытывая гордость от принадлежности к шотландской нации, но будучи носителями шотландской идентичности, одновременно не являлись и противниками единого с Англией государства.

Известный британский публицист и теоретик лейборизма Э.Д. Стрэчи стал объектом внимания О. Рудой, подробно рассматривающей его взгляды и деятельность в 1924–1931 годы. С одной стороны, как показывает автор, его идеи, в первую очередь мысли, связанные с вариантами экономического развития, трансформировались под влиянием довольно бурных событий межвоенного периода, с другой же, его идеологические поиски внесли и свой вклад в разработку социально-экономической концепции лейбористского дви-

жения этого времени, а также и оказали значительное влияние на разработку программы «Новой партии» Освальда Мосли.

В этом выпуске мы решили продолжить заложенную два года назад практику расширения рубрики за счет добавления исследований образов. К этой сфере обращается Н. Ласкова, изучающая формирование нового визуального образа Ричарда III в XXI веке, тему очень популярную в последние годы не только в научных кругах, но и среди самых обычных жителей Британии, об интересе которых свидетельствует довольно большое количество публикуемых в прессе статей. Близок к исследованию образов и В. Клочков, посвятивший свою работу изучению Роберта Пиля в британской историографической ретроспективе и в восприятии современников.

Редколлегия альманаха «Британские исследования» выражает большую благодарность всем наших авторам, среди которых как те, кто постоянно нам доверяет для публикации свои исследования и во многом является лицом нашего издания, так и те, кто решил присоединиться к нам впервые. Мы надеемся на продолжение сотрудничества со всеми, а также ожидаем и появления новых участников, ведь профессиональные британоведы и простые любители истории Туманного Альбиона, несмотря ни на какие потери и трудности, по-прежнему представляют собой одно из самых сплоченных и многочисленных научных сообществ.

Сергей Гаврилов

ПАМЯТИ
АНДРЕЯ ГЕРМАНОВИЧА ГЛЕБОВА

АНДРЕЙ ГЕРМАНОВИЧ ГЛЕБОВ
2 СЕНТЯБРЯ 1956 – 22 ИЮЛЯ 2021

2 сентября 2021 года наша кафедра истории зарубежных стран и востоковедения Воронежского университета готовилась торжественно отметить 65-летие дорогого Андрея Германовича Глебова. Мы готовили статью в честь этой

знаменательной даты для «Вестника ВГУ», выдвинули инициативу о награждении профессора Глебова памятным знаком университета…

Но в тот день мы с горечью отсчитывали сороковой день с момента его гибели. Какой-то нелепый казус судьбы… Андрей ждал своё шестидесятипятилетие. Как известно, пандемия заставила сотрудников в возрасте 65+ перейти на дистанционное ведение занятий. Шутил он, когда же я буду как все «нормальные люди»?

Нет смысла говорить сейчас о том, как мы восприняли известие о кончине Андрея Германовича. Боль от этой утраты до сих пор внутри нас. И как не хватает нам его поныне. Даже не о профессиональных качествах Глебова, это разумеется, идёт речь. Не хватает ДРУГА, утрачена изрядная часть кафедральной и факультетской атмосферы, которая была с ним связана. До сих пор ловим себя на мысли, надо бы позвонить Андрею, поговорить с ним… Увы.

В начале июля прошлого года после выпускных экзаменов практически весь коллектив нашей кафедры заболел ковидом. По-разному он протекал у коллег, но очень скоро стало понятно, что Глебов находится в тяжёлом состоянии. Положили в больницу. Там он пробыл неделю, все попытки врачей были тщетны, и Андрей Германович ушёл из жизни.

Я переписывался с ним, когда он лежал в больнице. Настораживало то, что сдвигов к лучшему не наступало. Между тем, несмотря ни на что, я был уверен, поправится Андрей.

Пожалуй, только на факультете знали, что с 2013 года Андрей Германович каждый нечётный год попадал в больницу на операции. И он бывал в таких передрягах. Всегда выходил из них. Я говорил ему, мол, отоперировался в 2019 году, хватит, лимит исчерпал. Шутили.

Поэтому и думал, сдюжит Андрей. Не сдюжил. И вирус оказался смертельным, и, видимо, те операции подкосили его здоровье. А ведь, казалось, генетика у Глебова была чудесная, отец его, Герман Иванович, прожил до 80 с лишним лет, а мама, Анна Степановна, жива до сих пор и ей за 90 лет.

Андрей никогда не жаловался на жизнь, на своё здоровье. Хотя было видно, что оно далеко не блестящее. Он был оптимистическим человеком.

Первые мои воспоминания о Андрее очень ранние. Потом мы пытались их реконструировать. Дело в том, что мы оба, несмотря на разницу в возрасте, закончили одну и ту же школу. Это была школа № 1 имени А.В. Кольцова. Особенная или, как тогда писали, образцовая школа. Особенность её заключалась в том, что ещё с 1959 года в ней впервые в регионе стали преподавать английский язык со второго класса. Вот мой класс и стал таким пионерским в этом направлении. Когда Глебов пришёл в школу, курс на детальное изучение языка, англистики вообще был уже отлажен. Шутка сказать, у нас в Аттестатах прописано 4 предмета, связанных с англистикой. И учителя у нас были одни и те же. И я вспоминал, как мы, в выпускном классе, видели шустрого мальчишку, Андрюшку, который, мотаясь по коридорам, свободно общался со старшеклассниками. Потом наши дороги разошлись, пока в 1974 году я не увидел Андрея уже в качестве студента истфака ВГУ. Он сразу стал выделяться среди студенческой массы не только шевелюрой а-ля Анжела Дэвис, но активностью, знаниями. И с тех пор наша дружба никогда не прерывалась.

Андрей прекрасно знал мою маму, а я был вхож в дом к его родителям.

Карьера А.Г. Глебова в ВГУ была довольно типичной для выпускника той поры. Он закончил истфак с красным дипломом в 1979 году. Оставили работать на истфаке в должности лаборанта кафедры историографии и источниковедения, потом он старший лаборант кафедры истории нового и новейшего времени. С 1989 года началась его преподавательская деятельность на кафедре историографии и источниковедения. В 1990 в МГУ защитил под руководством проф. В.В. Гусева кандидатскую диссертацию «Проблемы истории английского средневекового крестьянства в творчестве П.Г. Виноградова». Андрей горделиво повество-

вал, что пришлось сдавать в МГУ кандидатский экзамен по латыни! Да уж такие суровые требования были в главном вузе СССР. Помню, как наши латинисты натаскивали Глебова к экзамену. Долго ещё существовала легенда о том, каким знатоком латинского языка он стал.

В 1999 году уже в ВГУ Андрей Германович защитил докторскую диссертацию на тему «Становление и развитие раннеклассового общества в англосаксонской Британии (V–IX века). В 2000 году Глебов стал профессором кафедры истории средних веков и зарубежных славянских народов ВГУ.

На мой взгляд, докторская диссертация стала своеобразным официальным итогом многолетней специализации Андрея Германовича, но не была некой новацией в его научных изысканиях потому, что имя Глебова и его труды уже были хорошо известны научной общественности. Но в таком резюмирующем виде докторская являла собой важное явление в англистике, бесспорно.

Мы хотя и работали с ним на разных кафедрах, естественно, много общались. Однако в 2016 году решением ректората кафедра средних веков была расформирована, и её сотрудники перешли на другие кафедры. Больше всего бывших медиевистов пришли на нашу кафедру истории нового и новейшего времени. А поскольку к этому времени мы уже открыли на базе нашей кафедры новое направление «востоковедение и африканистика», то и кафедра стала называться истории зарубежных стран и востоковедения.

С приходом Андрея новоиспечённая кафедра получила новый импульс. Фактически он вернулся в родную обитель. Без преувеличения профессор Глебов создал атмосферу активной жизни, предлагал новые и новые инициативы по улучшению работы кафедры. Его громогласный голос раздавался по коридору, и истфак знал, на нашей кафедре идёт заседание.

Вспоминаем часто классические слова Андрея Германовича, которые он регулярно произносил на кафедре, когда речь шла об очередных шаблонах Рабочих Программ Дисциплин и новых указаний Минобрнауки. «Пошли к чёрту!

Ничего делать не буду!», такова была его первая фраза. И через пару минут: «Если заведующий скажет, сделаю». И делал! И как тщательно! И как толково.

Меня всегда поражали разносторонние знания Андрея. Уверен, он был лучшим специалистом в Воронеже по проблематике зарубежной историографии, по методологии исторических исследований. Я уже не говорю о том, каким авторитетом он пользовался среди медиевистов и англоведов. Андрей Германович прекрасно разбирался в истории России, новом и новейшем времени.

Вокруг него всегда роились студенты, даже первокурсники, которые вообще ещё не окунались в таинства Средневековья. Читал он курсы и по проблемам востоковедения. Вся сложность, кроме всего прочего, заключалась в том, что для арабистов нужно было «впихнуть» курс средних веков в один семестр. И тут без проблемных лекций было не обойтись. Я как-то посетил его лекцию и был поражён высокой квалификацией лектора Глебова.

Андрей Германович воспитал много талантливых выпускников, одна из его учениц, Катя Комарова сейчас постигает магистратуру в Южном федеральном университете. Андрей мечтал, чтобы она закончила там и аспирантуру.

Под его руководством было защищено порядка двадцати кандидатских диссертаций.

Андрей был ключевой фигурой на факультете. При этом никогда не кичился своим статусом профессора, не выделял себя среди коллег. А мы знаем много примеров такой фанаберии, которая свойственна профессуре.

Он работал, писал монографии, выступал с докладами на конференциях. Он был настоящим исследователем. При этом его мало интересовали какие-то официальные должности или стремление к наградам. С другой стороны, обидно, что профессор Глебов так при жизни и не получил, кроме обычных грамот, какой-либо награды от руководства университета, а уж он-то заслуживал её и благодаря высокой квалификации, и по стажу работы.

Конечно, не только научная деятельность или организационная работа способствовала нашему сближению и сотрудничеству.

Обладая прекрасным голосом, Андрей принимал участие в студенческой самодеятельности и как руководитель, и как певец, выступая со сцены.

Колхозы… Отдельная история. Сколько раз мы, включая нашего близкого друга доктора наук Олега Владимировича Скобелкина, ездили со студентами. Если вспоминать то время, то считаю его одним из самых интересных в жизни. Работа со студентами на поле и вечерние дискуссии обо всём на свете «под чай». И мы часто сожалеем, что те времена ушли. Мы были молоды, не отягощены ни степенями, ни званиями, но планы научные уже роились в головах.

Вспоминаю 90-е годы. Невзирая на разлом привычной жизни, колоссальные трудности коллектив факультета был спаян, един, мы стали ещё ближе друг к другу. Тогда и круг коллег стал сплочённым. Андрей был среди наиболее активных друзей. Мы постигали навыки работы на компьютерах, потом Интернета. Глебов загорался мгновенно, был жаден до новых знаний.

Андрей Германович жил неподалёку от меня, и мы частенько возвращались с работы домой вместе. Оба замечали, как и наши коллеги отмечали у нас, что с возрастом стали по-стариковски ворчливы и занудны. Обязательно ругали погоду, по принципу «а помнишь, в наше время…». И такая ностальгия грела души. Нам было что вспомнить.

А сколько раз мы в кафедральном чате в Ватсапп поднимали вопросы разного свойства, как рабочие, так и дискуссионно научные. И Андрей Германович непременно был в первых рядах при дебатах. Это не было просто сотрясение атмосферы, но обсуждение важных проблем.

Мы созванивались практически ежедневно и обменивались в Ватсапп приватно разными разностями.

И вот с Андреем ушла важная, значительная часть моей, кафедральной жизни. Жизни факультета.

Друзья уходят как-то невзначай,
Они уходят в прошлое как в память.
А мы смеёмся с новыми друзьями,
А старых вспоминаем по ночам.

Всё написанное лишь штрихи к портрету нашего дорогого Андрея Германовича, моего самого близкого друга, прекрасного товарища. Только штрихи…

Но цельный образ Андрея Германовича в наших сердцах и в нашей памяти. Там он навсегда.

Вечная память, наш дорогой Андрей!

А.В. Мирошников

Проф., зав. кафедрой истории зарубежных стран и востоковедения Воронежского государственного университета

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ ПРОФЕССОРА А.Г. ГЛЕБОВА

22 июля 2021 года в Воронежский государственный университет пришла страшная новость — после непродолжительной болезни скончался доктор исторических наук, профессор кафедры истории зарубежных стран и востоковедения Андрей Германович Глебов.

Всю свою научную деятельность Андрей Германович посвятил изучению истории раннесредневековой Англии. Результатом его деятельности стали: успешно защищенные кандидатская и докторская диссертации, сотни научных статей, ряд учебных и учебно-методических пособий, несколько монографий, а также почти два десятка учеников, защитивших в разные годы кандидатские диссертации под руководством Андрея Германовича. Именно о научных достижениях профессора Глебова и пойдет речь в данной статье.

Свою научную деятельность на историческом факультете Воронежского университета Андрей Германович начал в 1970-е годы, еще будучи студентом. Уже со студенческой скамьи его привлекла история раннесредневековой Англии, которой он будет заниматься свыше 40 лет. Свою дипломную работу будущий профессор посвятил изучению значения термина «йомен» в отечественной историографии.

После окончания исторического факультета в 1979 году А.Г. Глебов вскоре вернулся в знакомые стены уже в роли преподавателя. Его преподавательская деятельность началась на кафедре историографии и источниковедения, где Андрей Германович читал курсы по историографии зарубежной истории. Неслучайно А.Г. Глебов начал свою трудовую деятельность именно на этой кафедре, ведь тема его кандидатской диссертации была напрямую связана с историографией и звучала как «Проблемы английского средневекового крестьянства в творчестве П.Г. Виноградова». Эту диссертацию Андрей Германович писал под руководством профессора В.В. Гусева и блистательно защитил в МГУ в 1990 г. Это была важнейшая работа, поскольку в ней рассматривались труды дореволюционного историка П.Г. Виноградова, который после революции уехал из России, и на долгие десятилетия был забыт в родной стране. После этого Глебов вошел в число наиболее видных англоведов России.

Широта знаний Андрея Германовича касалась не только средних веков, но и как казалось вообще всей зарубежной истории. Сам он вспоминал, что за годы работы на факультете он вел занятия и по новой и новейшей истории, и по истории стран Азии и Африки. По словам Глебова, из всего курса всеобщей истории он не вел занятий только по истории Античности.

Вскоре после защиты кандидатской будущий профессор перешел на кафедру истории средних веков и зарубежных славянских народов, которую возглавлял в 1993–1994 гг. На новой кафедре Глебов, находясь в должности доцента, блестяще освоился, подтверждением чего является

защита им в 1999 году докторской диссертации на тему «Становление и развитие раннеклассового общества в англо-саксонской Англии (V–IX вв.)». Эта работа стала конституированием всех научных изысканий Андрея Германовича, которые он вел на протяжении 1990-х гг. В данный момент эта работа является опорной для всех, кто занимается историей раннесредневековой Англии. А уже через год после защиты докторской Глебову было присвоено звание профессора.

Но и после защиты докторской Андрей Германович не забросил занятие наукой. Он активно стал набирать аспирантов, которые под его руководством прекрасно защищали диссертации. Спектр научных тем был крайне широк – от положения английской женщины в раннее средневековье до социально-экономического развития Финляндии в средние века, что свидетельствует о невероятной эрудиции Андрея Германовича, который не позволял брать себе учеников по тем темам, в которых не обладал обширными знаниями.

За 20 лет профессор Глебов выпустил более 20 аспирантов, из которых большинство успешно защитили кандидатские диссертации. Сегодня его ученики работают в вузах Воронежской области и за ее пределами.

Основной учебной дисциплиной, которую на протяжении долгих лет читал профессор Глебов, была «История западноевропейского Средневековья». По отзывам многих студентов и выпускников истфака, благодаря выдающейся манере чтения лекций Андреем Германовичем, его прекрасной подаче, знания по этому курсу оставались на долгие годы. Глебов строил свой курс на изучении основных проблем истории средних веков и благодаря своим профессиональным навыкам выстраивал работу таким образом, что даже самый средний студент мог прийти на экзамен и сдать его без проблем.

В годы существования системы подготовки специалистов в вузах, Андрей Германович читал спецкурсы по кафедре истории средних веков и зарубежных славянских на-

родов. К таким курсам относились: «Западноевропейский средневековый город», «Папство и католическая церковь в Средние века», «Исторические знания и историческая культура средневекового Запада» и многие другие. Все эти спецкурсы прекрасно вписывались в учебный план и дополняли основной курс.

После перехода на двухуровневую систему подготовки специалистов Глебову выпало читать у магистрантов курс по методологии исторической науки. Этот курс является одним из важнейших в процессе подготовки будущих магистров, но и здесь Андрей Германович прекрасно продемонстрировал свои широчайшие знания, которые, как иногда казалось, были практические безграничны. Он помогал студентам проникать в «мастерскую историка», прослеживать формирование основных концепций. Многие выпускники отмечали, что профессор Глебов давал знания, без которых невозможно разобраться в исторической науке, а его курс по праву является одним из самых полезных за все годы обучения.

Профессор Глебов был известен среди всех англоведов России. По раннему английскому средневековью, пожалуй, он был главным специалистом в стране. Недаром, когда где-то защищалась кандидатская или докторская по истории раннесредневековой Англии, почти всегда Андрей Германович выступал в качестве оппонента. Другим показателем его всероссийской известности среди медиевистов и англоведов является список вузов, где публиковались его работы — от Дальневосточного университета до МГУ. Кажется, что нет ни одной сферы развития англосаксонского общества, о которой не написал бы работу профессор Глебов. Его имя знали по всей стране, если на конференцию приезжал Андрей Германович, это всегда было праздником для принимающей стороны, поскольку приезд специалиста такого уровня неизменно свидетельствовал о значимости данного мероприятия.

Особенно близкие отношения у профессора Глебова сложились с коллегами из Саратовского университета. Он

находился с ними в постоянной переписке, привозил в Саратов защищаться своих аспирантов. Андрей Германович был неизменным рецензентом почти всех трудов по медиевистике, выходивших в этом городе.

Огромное значение Андрей Германович на протяжении всей жизни придавал работе со студентами. К нему всегда выстраивались очереди из курсовиков и дипломников, каждый из которых хотел получить совет или консультацию от признанного мастера. И, конечно же, все эти работы выполнялись на высочайшем уровне. Темы этих работ также были невероятно широки — от раннего Средневековья в Уэльсе до зарождения национализма в Шотландии в XVIII в. Каждый год у профессора Глебова было огромное количество студентов, писавших работу под его руководством, причем это зачастую могли быть и студенты 1 курса, которые еще не приступили к изучению средних веков, но которые придя на истфак, слышали сразу про крупнейшего специалиста в этой сфере.

Важнейшими следствиями научных изысканий Глебова послужили его монографии — «Англия в раннее средневековье» (1998 г.) и «Альфред Великий» (2003 г.). В этих монографиях суммируются все важнейшие идеи и предположения, которые Андрей Германович вынес из работы с источниками и англоязычной историографией. До сих пор на русском языке по данному периоду не вышло ничего, что могло бы встать в один ряд с этими прекрасными трудами.

Считаю нужным поподробнее остановиться на монографии «Англия в раннее средневековье». Этот труд является квинтэссенцией научных изысканий профессора Глебова. Он остается актуальным и сегодня, а подтверждением этому является переиздание данной работы в 2015 году московским издательством «Евразия».

Также, считаю важным упомянуть последнее учебное пособие, которое вышло из-под пера Андрея Германовича – «Западная Европа в раннее новое время» (2020 г.). Этот труд является научно-популярным, что не отменяет его ценности,

а напротив, делает доступным для восприятия любым желающим. Этот период в истории Западной Европы является одним из самых сложных для изучения, поскольку тогда происходит ряд процессов, коренным образом изменивших облик мира — это и складывание абсолютизма, и Реформация и последовавшая за ней Контрреформация, это и начало складывания капитализма. В данном труде без ненужных деталей описываются политические, социальные, экономические и культурные процессы и изменения, происходившие в Западной Европе в XVI – нач. XVII вв.

Труды Андрея Германовича были известны и в самой Великобритании. Еще с советских времен он состоял в переписке с целым рядом английских исследователей, которые присылали в Воронеж книги, столь необходимые для научной работы.

Еще одним показателем научных достижений Глебова служит то, что его работы публиковались за рубежом в англоязычных журналах, входящих в международные базы Web of science и Scopus. Так, в 2018 году статья Андрея Германовича была опубликована в Оксфордском университете.

Хочу также отметить значение Андрея Германовича как видного историографа зарубежной истории. В нашей стране он был одним из крупнейших специалистов по англоязычной историографии, причем он знал, как историографию XVIII века, так и труды, вышедшие уже в XXI веке. Многие из научных публикаций Глебова были посвящены проблемам именно историографии. Андрей Германович долгие годы читал курс по историографии всеобщей истории, который в магистратуре всеми студентами признавался одним из лучших и наиболее актуальных.

В последние годы профессор Глебов осваивал новые дисциплины, которые не вполне укладывались в его профиль, но он как всегда прекрасно усваивал новые знания и передавал их студентами. Это были курсы по истории Византии и истории арабских стран в средние века.

Когда началась пандемия в 2020 году, и вузы перешли на дистанционный формат обучения, Андрей Германович прекрасно приспособился к новым условиям. Им были созданы электронные курсы по каждой из преподаваемых дисциплин, в которые было вложено огромное количество учебной информации — лекции видных ученых, ссылки на литературу и многое другое. Недаром, все эти электронные курсы были приравнены по своему значению к учебно-методическим пособиям.

Также считаю важным сказать о библиотеке, которую за свою жизнь удалось собрать профессору Глебову. Эта библиотека была поистине огромной и уже не помещалась в квартире. Некоторые книги Андрей Германович передал в дар библиотеке ВГУ. Среди тех книг, которые попали в его сокровищницу, были такие, которые было невозможно найти в нашей стране. И этими книгами профессор щедро делился со студентами, друзьями и коллегами, для которых это был бесценный опыт.

Светлая память о профессоре Глебове будет всегда жить среди его учеников, коллег и друзей!

Е.А. Коган
Преп. кафедры истории
зарубежных стран и востоковедения
Воронежского государственного университета

А.А. Киселев
(Волгоград)

СЕБАСТЬЯН КАБОТ И ОРГАНИЗАЦИЯ АНГЛИЙСКИХ МОРСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ В СЕРЕДИНЕ XVI ВЕКА

Несмотря на то, что о деятельности географа, картографа и путешественника Себастьяна Кабота написано много работ[1], лишь малая часть из них посвящена его вкладу в английское мореплавание и, в частности, в создание Московской торговой компании[2]. В отечественной историографии активность итальянца в этом контексте и вовсе не являлась предметом исследования.

---

[1] Beazley C.R. John and Sebastian Cabot. L., 1898; Ruddock A. The Reputation of Sebastian Cabot // Bulletin of the Institute of Historical Research. Vol. 47. Issue 115. May 1974. P. 95-99; Dalton H. Merchants and explorers. Roger Barlow, Sebastian Cabot and networks of Atlantic Exchange, 1500–1560. Oxford, 2016; Skelton R.A. Sebastian Cabot // Dictionary of Canadian Biography Online. — http://www.biographi.ca/en/bio/cabot_sebastian_1E.html (апрель, 2022).

[2] Willan T.S. The Early History of the Russia Company, 1553–1603. Manchester, 1956; Sandman A., Ash E.H. Trading Expertise: Sebastian Cabot between Spain and England // Renaissance Quarterly. Vol. 57. №. 3 (Autumn, 2004); Evans J. Merchant Adventurers. The voyage of discovery that transformed Tudor England. L., 2013.

Жизнь Себастьяна Кабота всегда была наполнена загадками, многие из которых он порождал сам. Так, например, неизвестны дата и место его рождения. Кабот рассказывал своим итальянским друзьям-дипломатам Гаспаро Контарини и Пьетро Мартире д'Ангьера, что родился в Венеции, а английскому писателю Ричарду Идену называл местом своего рождения английский Бристоль. Британский исследователь Дж. Уильямсон установил, что С. Кабот родился не позднее 1484 г. и, вероятнее всего, это произошло в Венеции, где тогда жил его отец — знаменитый генуэзский инженер и купец Джованни Кабот (или Кабото)[1].

К тому времени, когда Дж. Кабот вместе с женой и тремя детьми покинул Венецию, он уже имел за плечами опыт путешествий по венецианским факториям на Крите и Ближнем Востоке, и даже, вероятно, добирался до арабской Мекки[2]. В 1488–1495 гг. Дж. Кабот работал инженером в Испании, где узнал об открытиях своего соотечественника Х. Колумба. Разработав проект собственного путешествия в азиатские страны через северные широты, итальянец пытался получить поддержку у испанских и португальских монархов, но ему везде было отказано. Тогда в середине 1495 г. Дж. Кабот переехал в развивающийся английский портовый город Бристоль.

Очевидно, что место нового жительства было выбрано генуэзским предпринимателем не случайно. Во-первых, между Англией и регионами Испании после окончания Столетней войны установились тесные торговые контакты, а в Севилье, где жил Кабот, возникла целая диаспора английских купцов. «В последние два десятилетия XV века, в те знаменательные годы, когда Колумб отправился в свое пер-

[1] Williamson J.A. The Cabot Voyages and Bristol Discovery under Henry VII. Cambridge, 1962. P. 33-36.

[2] Raimondo de Raimondi de Soncino, Milanese Ambassador in England, to Ludvico Maria Sforza, Duke of Milan, 18 December 1497 // Calendar of State Papers, Milan. Vol. I. L., 1912. P. 337.

вое путешествие, в Нижней Андалусии вели дела десятки, если не сотни английских торговцев», отмечал исследователь Г. Унгерер[1]. Значительная их часть происходила из Бристоля. Джованни и Себастьян Каботы будут тесно связаны с севильскими англичанами.

Во-вторых, в течение XV в. именно бристольские моряки активно осваивали атлантические морские пути к северо-западу от Англии, добираясь до исландских вод, где шла добыча трески. Среди них были и те, кто рискнул направиться западнее Исландии в поисках мифического острова Бразил. Известно о путешествиях бристольцев Дж. Джея и Т. Ллойда (1480 г.), Т. Крофта (1481 г.), Р. Торна и Х. Эллиота (1494 г.)[2]. И хотя новые земли так и не были открыты англичанами, попытки постоянно продолжались. Об этом докладывал испанский посол Педро де Айяла в 1498 г., сообщая, что «бристольцы в течение последних семи лет ежегодно отправляли два, три или четыре легких корабля (каравеллы) на поиски острова Бразил и Семи городов»[3].

Таким образом, Дж. Кабот специально отправился в Бристоль, чтобы найти там подходящих моряков и корабли для своего проекта поиска северного пути в Азию. В 1496 г. итальянцу и его сыновьям был дарован патент короля Генриха VII Тюдора, дающий им право «плавать во все части, регионы и побережья восточного, западного и северного моря, под нашими знаменами… чтобы найти, открыть и исследовать любые острова, страны, регионы или провинции язычников и неверных, в какой бы части света они ни находились,

[1] Ungerer G. The Mediterranean Apprenticeship of British Slavery. Madrid, 2008. P. 41.

[2] Towns L. The Opening of the Atlantic World: England’s transatlantic interests during the reign of Henry VIII. PhD Thesis, Arlington, 2019. P. 47-49.

[3] The Prothonotary, Don Pedro De Ayala, to Ferdinand and Isabella, 25 July 1498 // Calendar of State Papers, Spain. Vol. 1. 1485–1509. L., 1862. P. 177.

неизвестных до этого времени всем христианам»[1]. При поддержке итальянских банкиров и бристольского купечества в 1497–1498 гг. Дж. Кабот вместе с сыновьями совершил несколько путешествий на запад, где открыл побережье американского Ньюфаундленда. Новости об этом разлетелись по Европе, и уже в 1500 г. на карте испанского навигатора Хуана де ла Косы появились «моря, открытые англичанами»[2].

Смерть Дж. Кабота около 1500 г. не остановила заморские путешествия бристольцев. В 1501–1508 гг. несколько экспедиций, получив поддержку короля Генриха VII, отправились к американским берегам. В них в качестве штурмана участвовал молодой Себастьян Кабот, которому английский король в 1505 г. установил ежегодное жалование в 10 ф.ст. «для поисков по нашему велению новых земель и для их дальнейшего освоения»[3]. Вернувшись в 1509 г. в Бристоль из очередной экспедиции, Кабот узнал, что его патрон Генрих VII скончался. Новый король Англии Генрих VIII в тот момент не был заинтересован в плаваниях в Америку. Во-первых, приоритетом его внешней политики стало возвращение земель короны во Франции. Во-вторых, активность англичан в Новом Свете вызывала раздражение Испании, с которой Англия тогда состояла в тесном союзе.

В 1512 г. Кабот отправился работать корабельным штурманом в испанскую Севилью, откуда когда-то приехал вместе с отцом. Там с 1503 г. находилась Торговая палата Испании (*Casa de Contratación*), где опытные моряки были востребованы. Любопытно, что в те же годы в Севилью переехали и некоторые бристольцы, исследовавшие вместе с Каботами побережье Северной Америки: Торны, Барлоу и др. Эти англичане продолжили заниматься англо-

[1] Williamson J.A. Op. cit. P. 204-205.

[2] Подр.: Jones E.T., Condon M.M. Cabot and Bristol's Age of Discovery: The Bristol Discovery Voyages, 1480–1508. Bristol, 2016.

[3] Ruddock A. Op. cit. P. 95-99.

испанской торговлей[1]. В 1518 г. итальянец получил важное назначение на пост Главного штурмана (*piloto mayor*) Торговой палаты Испании. Кабот стал третьим в этой должности после Америго Веспуччи и Хуана де Солиса. «Под их руководством возникла мореходная школа — первая школа такого рода в Европе, где не только экзаменовали лоцманов для выдачи им лицензий, но и обучали их искусству трансатлантической навигации», — отмечал исследователь Дж. Перри. — «Специалисты палаты вели систематические и тщательные записи всех открытий... а также гидрографическую карту — padron real и изучали карты, выданные торговым кораблям, чтобы убедиться, что они соответствуют padron real»[2]. Таким образом, главный штурман королевства обладал самой актуальной (и секретной) информацией о новейших географических открытиях.

Созданием огромной колониальной империи в первой половине XVI в. Испания во многом обязана Каботу, ведь тот годами готовил мореплавателей, способных совершать длительные заморские экспедиции. Походы Э. Кортеса, Ф. Писарро и многих других конкистадоров состоялись только потому, что у них были капитаны, обученные в Севилье. Кроме того, значительную роль Торговая палата сыграла и в создании Флота Индий, перевозившего через Атлантику в Европу тонны американского золота и серебра.

Однако Каботу хотелось отправиться в дальнее плавание. В 1519–1522 гг. его пытались переманить на службу власти Венеции и Англии. Английский кардинал Т. Уолси даже подготовил флотилию для экспедиции, но Кабот не смог покинуть службу у императора Карла V[3]. Вскоре он и

---

[1] Подробнее об английской диаспоре в Севилье: Dalton H. Op. cit. P. 40-55.

[2] Перри Дж. Завоевания в Центральной и Южной Америке XV–XIX веков. Под властью испанской короны. М., 2018. С. 45-46.

[3] Calendar of State Papers Relating To English Affairs in the Archives of Venice. Vol. 3. 1520–1526. L., 1869. P. 294-295.

вовсе осел в Севилье, женившись на испанке Каталине де Медрано, вдове губернатора кубинской Гаваны.

Тем не менее в 1526 г. ему представился шанс выйти в море: итальянец был назначен генерал-капитаном испанской экспедиции, которой следовало идти через Магелланов пролив в Тихий океан — к Молуккским островам, а оттуда — «к другим островам и землям Тарсиса и Офира, Восточного Катая и Сипанго»[1]. Планировалось, что Кабот станет вторым после Магеллана мореплавателем, совершившим кругосветное путешествие под испанским флагом.

Но судьба этого похода оказалась печальной. Вместо того чтобы направиться в Тихий океан, как было приказано императором, Кабот сосредоточился на исследовании побережья Бразилии и устья реки Ла-Плата в надежде найти легендарное инкское королевство «Белого касика», полное золота и серебра. Однако почти все корабли флотилии разбились, а офицеры устроили бунт против итальянского генерал-капитана. Экспедиция закончилась в 1530 г. полным провалом. Вернувшийся в Испанию Кабот был осужден, оштрафован и отправлен в ссылку в алжирский Оран.

Неудачный поход надолго испортил репутацию итальянца как мореплавателя. Его считали хорошим картографом, но не более того. Капитан Диего Гарсия, который помог Каботу вернуться из Южной Америки в Севилью, утверждал, что тот «не моряк и не способен к навигации из-за своей астрологии»[2]. Тем не менее, Кабота поддержал сам император Карл V, и уже в 1532 г. итальянец снова был назначен Главным штурманом Торговой палаты Испании. Здесь ему тоже пришлось столкнуться с проблемами.

Пока Кабот отсутствовал в Севилье, его должность занимал Фернандо Колумб, сын первооткрывателя Америки и известный космограф, который привел в Торговую палату целую команду ученых. Они пересмотрели систему подго-

[1] Sandman A., Ash E.H. Op. cit. P. 818.
[2] Ibidem. P. 825.

товки штурманов, усилив теоретическую часть. Вернувшийся из ссылки Кабот и его помощник Диего Гутьеррес протестовали против нововведений, требуя делать основной упор на практических занятиях. Но испорченная репутация «не способного к навигации» Кабота не позволила ему отменить образовательную систему Колумба. В результате этот спор «теоретиков» и «практиков» испанской мореходной школы затянулся на долгие годы[1]. Итальянец всё больше чувствовал себя ущемленным в Испании.

В отсутствие Кабота случилось еще одно важное событие, повлиявшее на будущее. В январе 1527 г. Севилью посетил английский дипломат и ученый Ли, который встретился с диаспорой местных англичан. По его просьбе купец Роберт Торн-младший, сын бристольского исследователя Северной Америки, написал для короля Генриха VIII Тюдора письмо, в котором он сообщал об открытых испанцами и португальцами землях и о возможностях, которыми могут, по его мнению, воспользоваться английские мореплаватели.

Р. Торн, подобно отцу и сыну Каботам, был убежден, что англичанам не нужно следовать за испанцами и португальцами в южные моря. Вместо этого важно сосредоточиться на поисках северного морского пути, который, согласно расчетам космографов, сокращал путь в Азию на 2000 лиг. В отличие от своего отца, Торн-младший предлагал искать этот путь не на северо-западе, а на северо-востоке. «Если бы мы могли пройти через Север (северные моря. — *А. К.*), мы бы наслаждались навигацией всей Тартарии, что было бы не менее выгодно для [продажи] наших тканей, чем специи для императора и короля Португалии», — писал Торн Генриху VIII. — «Но по общему мнению всех космографов, море там сковано льдом, а холод такой сильный, что никто не может его выдержать. Однако еще недавно они были убеждены, что из-за сильной жары

[1] Подробнее об участии С. Кабота в борьбе космографов в Испании см.: Ibid. P. 819-829.

земля на экваторе непригодна для жизни. Как оказалось (и это подтверждено опытным путем), нет земель, более подходящих для обитания. Следовательно, то же может быть найдено и на Севере, если искать. Ведь если считается, что в природе нет пустоты, то я убежден, что нет ни земель необитаемых, ни морей непроходимых»[1].

К письму прилагалась карта, нарисованная Р. Торном для подтверждения своей теории. Англичанин просил короля Генриха VIII хранить её в тайне, поскольку он не имел права разглашать подобную информацию: «Карту и то, о чем я пишу… не следует обсуждать при местном дворе... Это может стать причиной боли для её создателя как потому что никто не может делать такие карты, кроме специально назначенных и лицензированных мастеров, так и потому что для них (испанцев. — *А. К.*) будет неприятно узнать, что иностранец оказался в курсе их секретов, а станет еще хуже, если они поймут, что я пишу о коротком пути к Островам пряностей по нашим морям»[2].

Через некоторое время Р. Торн вместе с другом и севильским капитаном Р. Барлоу отправили королю Генриху VIII другое письмо, в котором конкретизировали свой про-

---

[1] The whole letter to King Henry the Eight… written AD 1527 by Mr. Robert Thorn // British Library. Cotton MS Vitellius C VII. f. 339v. Оригинал письма Р. Торна сохранился в коллекции документов выдающегося английского ученого Дж. Ди, также участвовавшего в поиске северного морского пути. Впоследствии письмо Торна было опубликовано под другим названием («книга») Р. Хаклюйтом и вошло в собрание писем Генриха VIII. См.: Hakluyt R. The principal Navigations Voyages Traffiques and Discoveries of the English Nation. Vol. I. L., 1599. P. 212-220; Letters and Papers, Foreign and Domestic, Henry VIII. Vol. 4. 1524–1530. L., 1875. P. 1255-1256.

[2] The whole letter to King Henry the Eight… written AD 1527 by Mr. Robert Thorn // British Library. Cotton MS Vitellius C VII. f. 341r. Оригинал карты Р. Торна был утрачен, а копия опубликована Р. Хаклюйтом в 1582 г.

ект. По мнению авторов, английской экспедиции следовало отправляться летом, когда на севере продолжается полярный день и морякам не нужно «идти в темноте, нащупывая свой путь». Торн и Барлоу утверждали, что как только корабли пройдут через этот регион солнечных ночей и спустятся в теплую тропическую зону, «они найдут там самые богатые земли и острова мира», изобилующие «золотом, драгоценными камнями, бальзамами, специями и другими вещами, которые мы здесь ценим больше всего»[1].

К несчастью для севильской диаспоры англичан, король Генрих VIII не услышал их призывов. В 1527 г. он был погружен в бракоразводный процесс с королевой Екатериной Арагонской, который, как известно, закончился разрывом Англии с Римом и началом Реформации. Англо-испанские отношения также резко испортились. В 1532 г., когда С. Кабот вернулся в Севилью из алжирской ссылки, Р. Торн и Р. Барлоу покинули Испанию и переехали в родной Бристоль.

Тем временем в Англии назревали важные перемены. Один из королевских фаворитов, молодой вице-адмирал Джон Дадли, начал активно выступать с предложениями укрепления морской мощи государства и коммерческой экспансии на океанских просторах. Короля Генриха VIII флот интересовал исключительно как средство обеспечения безопасности английского побережья. Дадли же принадлежал к новому поколению государственных деятелей, которые стремились сделать протестантскую Англию конкурентом католических Испании и Португалии в борьбе за открытие

[1] British Library. Cotton MS Vitellius C VII. ff. 342r — 345r. Опубликовавший данное письмо Р. Хаклюйт назвал его «декларацией» и датировал 1527 г., однако оригинальный документ, хранящийся в Британской библиотеке, не имеет названия и даты. Исследователи Е. Тейлор и Х. Далтон убеждены, что он был написан Р. Торном в соавторстве с Р. Барлоу не ранее 1528 г., когда последний вернулся из экспедиции в Южную Америку. См.: Taylor E.G.R. Tudor Geography, 1485–1583. L., 1930. P. 50-51; Dalton H. Op. cit. P. 134.

новых земель и преобладание на иностранных рынках. Осенью 1537 г. он был направлен в составе дипломатической миссии в Испанию ко двору императора Карла V, где, как считается, мог познакомиться с Главным штурманом страны С. Каботом и обсуждать с ним свои идеи[1].

Итальянец же в тот период, чувствуя себя ущемленным на испанской службе, думал о возвращении в Англию. В ноябре 1538 г. он обратился к послу Т. Уайету с просьбой «если не служить [английскому] королю, то хотя бы увидеться с ним, как со своим прежним господином»[2]. Генрих VIII, вероятно при участии Дж. Дадли, предоставил Каботу такую возможность[3]. Из письма имперского посла Ю. Шапюи, написанного в мае 1541 г., известно, что «около двух месяцев назад в Тайном совете обсуждался вопрос о целесообразности отправки двух кораблей в северные моря для обнаружения прохода между Исландией и Гренландией к северным регионам, где, как считалось, из-за сильного холода английские шерстяные ткани окажутся очень востребованы и будут продаваться по хорошей цене. С этой целью король некоторое время держал при себе штурмана из Севильи, хорошо сведущего в морских делах, хотя в конце концов затея была прекращена из-за того, что король не захотел согласиться с условиями штурмана»[4]. В результате Кабот вернулся на службу императора Карла V и задержался еще на несколько лет в Испании. В 1544 г. он даже опубликовал в Нюрнберге собственную карту мира, которая получила популярность среди космографов.

---

[1] Loades D.M. John Dudley, Duke of Northumberland, 1504–1553. Oxford, 1996. P. 37, 244; Evans J. Op. cit. P. 37.

[2] Williamson J.A. Maritime Enterprise, 1485–1558. Oxford, 1913. P. 308.

[3] Towns L. Op. cit. P. 300.

[4] Chapuys to the Queen of Hungary, 26 May 1541 // Letters and Papers, Foreign and Domestic, Henry VIII. Vol. 16. 1540–1541. L., 1898. P. 409-410.

В 1547 г. произошли два события, способствовавшие возвращению итальянца в Англию: в Лондоне скончался король Генрих VIII, а в Севилье — вторая жена Кабота Каталина де Медрано. Новый английский монарх Эдуард VI был слишком юным и сразу оказался во власти Тайного совета, которым руководил дядя короля, Лорд-Протектор Э. Сеймур. Правой рукой Сеймура стал его друг Дж. Дадли, увидевший в полученной власти возможность для реализации своих давних планов заморской экспансии Англии. Очевидно, именно он предложил нанять Кабота как наиболее опытного специалиста. В октябре 1547 г. актом Тайного совета было предписано выделить 100 ф.ст. «на переезд штурмана Шабота из Испании для службы и проживания в Англии»[1].

Известно, что Кабот тщательно подготовился к эмиграции. В марте 1548 г. он передал обязанности Главного штурмана своим заместителям Э. Бласу и Д. Гутьерресу, в мае составил завещание, а в июле получил пятимесячный отпуск «для поездки в Германию». Очевидно, что итальянец скрыл от императора Карла V истинную причину отъезда из Испании. Доставку Кабота в Англию осенью 1548 г. осуществил его зять, севильский купец английского происхождения Генри Острич[2].

Приехав в Лондон, итальянец узнал, что его покровитель Дж. Дадли, ставший графом Уориком, уже не командует флотом. Лордом-адмиралом был назначен Томас Сеймур, брат Лорда-Протектора, «мало заинтересованный в морской экспансии, и совсем никак — в услугах Кабота»[3]. Ему пришлось отправиться в Бристоль, хотя Дадли заверил его, что ненадолго. В январе 1549 г. король Эдуард VI даровал своему новому знаменитому служащему ежегодное жалование в 166 ф.ст. «в связи с... услугами, которые были и будут нам оказаны»[4].

---

[1] Acts of the Privy Council of England. Vol. 2. 1547–1550. L., 1890. P. 137.

[2] Skelton R.A. Op. cit.

[3] Evans J. Op. cit. P. 38.

[4] Williamson J.A. Maritime Enterprise, 1485–1558. Oxf., 1913. P. 308.

Тем временем император Карл V обнаружил, что его Главный штурман, который, несмотря на скандальную репутацию, тридцать лет создавал морскую мощь Испанской империи и владел самой секретной информацией о новейших географических открытиях, бежал во вражескую протестантскую Англию. В течение нескольких последующих лет имперские послы пытались вернуть Кабота. Карл V писал своим дипломатам об итальянце, который юридически еще состоял на испанской службе: «Он должен ясно понимать, что мы нуждаемся в его услугах и требуем права на них»[1]. Однако Кабот упорно отказывался возвращаться в Севилью, хотя и периодически давал понять имперским дипломатам, что готов рассмотреть интересные предложения, если они будут выгодными[2].

В октябре 1549 г. в Англии закончилось правление Лорда-Протектора Э. Сеймура, который был заключен в Тауэр по обвинению в государственной измене, а через несколько лет казнен. Власть сразу же оказалась в руках у Дж. Дадли, ставшего лордом-президентом Тайного совета. Для него это была уникальная возможность реализовать свою стратегию английской морской экспансии. Дадли собрал вокруг себя талантливых выходцев из Кембриджского университета, взявшихся за подготовку морских плаваний — государственного секретаря Уильяма Сесила, известного ученого Джона Ди, картографа Клемента Адамса. К ним присоединились французский космограф Жан Рибо, работавший еще при дворе Генриха VIII, и Себастьян Кабот.

Основные две проблемы, с которыми столкнулись Дж. Дадли и его команда — отсутствие в Англии картографии и мореходов. Несмотря на внушительный флот, созданный за

[1] The Emperor to Van der Delft, 18 Jan. 1550 // Calendar of State Papers, Spain. Vol. 10. 1550–1552. L., 1914. P. 12.

[2] Calendar of State Papers, Spain. Vol. 10, 1550–1552. L., 1914. P. 21, 66-67.

годы правления Генриха VIII[1], в нем не хватало опытных штурманов-англичан. Французский посол Марийяк отмечал, что в основном эти позиции занимали выходцы из Рагузы (нынешнего Дубровника), Венеции, Генуи и Франции[2]. Еще будучи лордом-адмиралом, Дж. Дадли поощрял прием на службу умелых иммигрантов. В частности, когда в 1530–1540-х гг. во Франции начались преследования гугенотов, английский флот стал пополняться моряками из Бретани и Нормандии[3]. Однако английские корабли редко выходили дальше Ла-Манша и Фландрии. Немногочисленные купцы из Лондона, Бристоля или Халла добирались проверенными маршрутами до Исландии, Норвегии, Испании и Польши, но плавания в Америку, Африку или Азию требовали иных знаний и умений, которых у англичан не было. К середине XVI в. Кабот остался едва ли не единственным моряком на службе английского короля, который лично бывал в Северной и Южной Америке и мог организовать океанскую экспедицию[4].

У большинства английских мореходов отсутствовал даже интерес к заморским путешествиям. Как отмечал исследователь Дж. Паркер, в Англии первой половины XVI в. «не было книг по океанской навигации. Ни португальская империя на Востоке, ни испанская в Вест-Индии не были описаны ни в одном английском издании. Ни одна значительная карта, ни труды классических географов, ни попу-

[1] Konstam A. Tudor warships. Henry VIII's Navy. Oxford, 2008. P. 36-37; Гаврилов С.Н. Английский флот эпохи Тюдоров как государственный институт. Ростов-на-Дону, 2014. С. 42-86.

[2] Taylor E.G.R. Op. cit. P. 64.

[3] Evans J. Op. cit. P. 34-35.

[4] В 1532 г. Р. Торн скончался в Бристоле. Р. Барлоу, участвовавший в испанской экспедиции С. Кабота в Южную Америку, в том же году переехал в свое поместье в Пембрукшире и занялся научными исследованиями. Вероятно, путешествия подорвали его здоровье. Он умер от тяжелой болезни в 1553 г. Об этом см.: Dalton H. Op. cit. P. 130-191.

лярные космографии Сакро Боско или Петра Апиана не были опубликованы в Англии. История только одного из популярных средневековых путешественников, сэра Джона Мандевиля, была рассказана на английском языке. О Марко Поло не знали. На уровне общественного интереса познание мира в Англии еще не началось»[1].

Когда Кабот прибыл в 1548 г. в Англию, он обнаружил английскую картографию в ужасном состоянии. Капитаны пользовались преимущественно «путеводителями» (*rutters*), которые подробно описывали пути до ближайших гаваней и портов, время приливов и отливов, ориентиры компаса и т.п. Но в основном это были итальянские или французские «портуланы». Первый английский морской путеводитель, посвященный навигации из Англии в Нидерланды, появился только в 1539 г. по указанию короля Генриха VIII[2].

Еще хуже обстояла ситуация с картами мира и картографами, которых в Англии до 1540-х гг. почти не было. В 1547 г. Лондоне побывал португальский географ Диого Хомем, который отметил «необходимость и нехватку опытных ученых людей для изготовления карт, а также скудость... таких карт в английском королевстве»[3]. В 1549 г. Кабот при помощи молодого картографа К. Адамса опубликовал в Англии второе издание своей нюрнбергской карты мира 1544 г., ставшее весьма популярной в стране. Эта карта была размещена в Вестминстере, а её копии видели в домах многих известных купцов. Считается, что работа Кабота повлияла на картографию пьемонтца Дж. Гастальдо и фламандца А. Ортелия[4].

---

[1] Parker J. Richard Eden, Advocate of Empire // The James Ford Bell Lectures. № 29. 1991. P. 4-5.

[2] Ruddock A. The Earliest Original English Seaman's Rutter and Pilot's Chart // The Journal of Navigation. Vol. 14. Issue 4. October 1961. P. 409-431.

[3] Waters D.W. The Art of Navigation in England in Elizabethan and Early Stuart Times. L., 1955. P. 78-79, 84.

[4] Beazley C.R. Op. cit. P. 253.

Вместе с Каботом картографией занимался французский протестант Ж. Рибо, нанятый Дж. Дадли. О нем сообщал имперский посол Йохан Шейфв: «У Совета есть морская карта, составленная неким Жаном Рибо, французом... и с ним работает штурман Кабот»[1]. Наконец, в 1550 г. к ним присоединился молодой талантливый ученый Дж. Ди, учившийся в Европе космографии у знаменитых теоретиков своего времени Педру Нуньеша и Герарда Меркатора. П. Нуньеш создал концепцию «локсодромы» («линии румба») — траектории движения через меридианы под постоянным углом, ориентируясь на Полярную звезду или компас. Г. Меркатор перенес эту идею на свои карты. Обучившись у них, Дж. Ди «привез с собой книги, глобусы и инструменты, которых никогда ранее не видели в Англии, и которые посеяли семена интереса к астрономии и созданию карт»[2]. Близкое знакомство с Дж. Дадли сделало Дж. Ди «навигационным и географическим консультантом при дворе Эдуарда»[3]. Объединив усилия под руководством лорда-президента Тайного совета, три картографа, используя свои передовые знания и навыки, готовились вывести английское судоходство на совершенно новый уровень.

В 1550–1552 гг. группой Дж. Дадли были подготовлены и отправлены две торговые заморские экспедиции: корабль «Лев Лондона» совершил путешествие в Марокко, а «Ошер» — в левантийские порты Кандии и Хиоса. Судами руководили бристольские капитаны Дж. Олдей и Р. Боденхэм, хорошо знавшие Кабота. Обе плавания оказались успешными, но только англо-марокканские контакты получили дальнейшее развитие[4]. Среди моряков, отправившихся в

[1] Advices from Jehan Scheyfve, January 1551 // Calendar of State Papers, Spain. Vol. 10. 1550–1552. L., 1914. P. 216.

[2] Evans J. Op. cit. P. 46.

[3] Parry G. The Arch-Conjuror of England John Dee. New Haven and L., 2013. P. 24.

[4] Sandman A., Ash E.H. Op. cit. P. 832; Towns L. Op. cit. P. 397. По мнению французского историка Ф. Броделя плавание Р. Боден-

Левант, был Ричард Ченслер, который отлично себя проявил в морском деле.

Однако торговля в африканских или турецких владениях не могла принести англичанам той баснословной прибыли, которую сулила коммерция в Азии. Поэтому в те же годы С. Кабот, Дж. Ди и другие специалисты, нанятые Дж. Дадли, занимались подготовкой своей главной экспедиции — поисками Северо-Восточного прохода в Китай. Почему было выбрано именно это направление?

Идея использования северного морского пути в Евразии основывалась на географических представлениях двух авторитетных теоретиков прошлого: римского писателя Гая Плиния Секунда Старшего (I в. н.э.) и арабского географа Абу-ль-Фиды (XIV в.)[1]. Однако считалось, что северные моря скованы льдом и непроходимы[2]. Тем не менее, в 1541 г. известный немецкий космограф Г. Меркатор, находившийся под влиянием Плиния и Абу-ль-Фиды, создал глобус, на котором изобразил северный морской путь у берегов Евразии. Очевидно, что мнение Меркатора повлияло на Кабота, который также изобразил Северо-Восточный проход на своей нюрнбергской карте 1544 г. Увидевший её в 1560-х гг. английский мореплаватель Х. Гилберт был впечатлен и отметил, что «Себастьян Кабот... описал этот [Северо-Восточный] проход в своей карте… Любой человек нашей

хэма в Восточное Средиземноморье завершило эпоху английской торговли в Леванте, расцвет которой исследователь относил к 1511–1534 гг. Из-за усилившегося турецкого влияния в регионе английские корабли не будут появляться в Леванте до 1573 г. См.: Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч. 2. М., 2003. С. 380-384.

[1] Плиний Секунд Старший, Г. Естествознание // Древний Восток в античной и раннехристианской традиции: (Индия, Китай, Юго-Вост. Азия). М., 2007. С. 101-102; Марков С.Н. Земной круг. М., 1976. С. 58.

[2] Quinn D.B. England and the Discovery of America, 1481–1620. L., 1974. P. 64.

страны, который сделает попытку... может с минимальными трудностями попасть в Катай»[1]. Другим человеком, на которого оказали влияние идеи Меркатора, был его английский ученик Дж. Ди.

Однако группа Дж. Дадли опиралась не только на теоретические предположения, занимаясь также поиском информации об опыте плаваний в северных полярных водах. Ученым удалось найти средневековое сообщение о путешественнике Оттаре, посетившем в IX в. Англию и рассказавшем королю Альфреду Великому о своем плавании в Белое море вокруг Скандинавии[2]. Другим важным шагом в поисках стала информация о возможности использования северного морского пути, полученная от дипломатов Московского государства, бывших в Европе в первой половине XVI века[3]. Несомненно, и Кабот, и Ди знали о ней.

Однако настоящим прорывом стала публикация в 1549 г. книги имперского дипломата Сигизмунда Герберштейна «Записки о Московии», в которой тот подробно опи-

---

[1] Gilbert H. A New Passage to Cataia // The Voyages and Colonising Enterprises of Sir Humphrey Gilbert. L., 1940. P. 139-140, 147.

[2] The Old English Orosius // British Library. Add MS 47967. ff. 9r – 9v. Рассказ Оттара стал частью англосаксонского перевода «Истории против язычников» Павла Орозия, выполненного по приказу Альфреда Великого в IX в. В середине XVI в. этот манускрипт был приобретен Дж. Ди. Примечательно, что оригинальные страницы книги, на которых излагалась именно история Оттара, оказались изъятыми и замененными копией, сделанной в эпоху Возрождения. Однако утверждать, что к этому имел отношение Дж. Ди, невозможно.

[3] Ramusio G.B. Primo volume delle navigationi et viaggi. Venetia, 1550. P. 401; Павла Йовия Новокомского книга о посольстве Василия, великого князя Московского, к папе Клименту VII // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. М., 1997. С. 270; Хотимский Д.А., Булатов А.М. Первая печатная карта Московии: историография и сравнительный анализ её экземпляров из РГАДА и библиотеки Св. Марка // Отечественные архивы. 2021. № 5. С. 29-40.

сал («как слышал от него») морское путешествие московского «толмача» Григория Истомы из России в Данию вокруг Скандинавского полуострова, совершенное в 1496 г. По мнению московита, это был «более длинный, зато и более безопасный» путь[1]. «Трудно поверить, чтобы Кабот не выписал себе эту книгу с картой [Дж. Гастальдо] из Венеции», отмечал российский исследователь И. Гамель[2]. Влияние «Записок о Московии» на окончательный выбор Каботом и группой Дж. Дадли именно Северо-Восточного прохода в качестве возможного морского пути в Азию не вызывает никаких сомнений в историографии[3].

Помимо теоретических исследований в Лондоне шла активная подготовка экспедиции. Прежде всего, нужны были финансовые средства. Государственная казна не могла взять на себя огромные расходы на отправку кораблей в северные моря, да и такого опыта в Англии, в отличие от Испании, не было. Дадли, ставший в 1551 г. герцогом Нортумберлендом, нуждался в поддержке английского бизнеса. Как раз в это самое время деловой мир лондонского Сити, в свою очередь, нуждался в поисках новых рынков, поскольку продажи английского сукна, как и курс английских векселей, в Антверпене в 1550–1552 гг. упали в два раза и экономика

---

[1] Герберштейн С. Записки о Московии. М., 2008. Т. 1. С. 509-523.

[2] Гамель И. Англичане в России в XVI и XVII столетиях. Ст. 1. СПб., 1865. С. 34.

[3] Самойло А.С. Первые попытки английской компании захватить русский рынок в XVI — первой половине XVII в. // Ученые записки Московского областного педагогического института. Т. XX. М., 1955. С. 8; Baron S.H. Herberstein and the English “Discovery” of Muscovy // Terra Incognita. 18. 1986. P. 43-54; Dukes P. The Humanist and Diplomat Sigismund of Herberstein’s “Rerum Moscoviticarum Commentarii” in the Context of the Foreign Descriptions of Muscovy in the Sixteenth Century. Hakluyt and the Reception of Herberstein in Great Britain // 450 Jahre Sigismund von Herbersteins Rerum Moscoviticarum Commentarii, 1549–1999. Wiesbaden, 2002. P. 351-360.

страны погрузилась в кризис[1]. Лондонские купцы, заинтересованные в коммерческой экспансии Англии, такие как Дж. Барн, У. Гаррард и др., решили основать для этой цели в 1552 году новое торговое товарищество с общим капиталом, которое получило название «Компания купцов-предпринимателей в целях открытия регионов, доминионов, островов и неизвестных мест» (*Merchant Adventurers for the discovery of regions, dominions, islands and places unknown*).

Это товарищество отличалось от другой известной «Компании купцов-предпринимателей» (*Company of Merchant Adventurers of London*), основанной в 1407 г. для торговли сукном во Фландрии, не только названием[2], но и организационной формой. Члены старой компании, созданной подобно средневековым гильдиям в виде «регламентированного» уставом сообщества (*regulated company*), торговали каждый на свой страх и риск, тогда как члены нового сообщества были связаны общим капиталом и запретом на самостоятельную торговлю (*joint stock company*). Такая новая форма называлась «акционерной компанией» и, что примечательно, в том или ином виде уже существовала в XIII–XV вв. в городах Италии[3]. Наиболее вероятно, что именно сын венецианского купца С. Кабот предложил англичанам использовать её. Помимо

---

[1] Fisher F.J. Commercial Trends and Policy in Sixteenth Century England // The Economic History Review. 1940. Vol. 10. № 2. P. 105-107.

[2] Французский историк Ф. Бродель отмечал, что термином «предприниматели» (*adventurers*) в Англии называли всех купцов, участвовавших во внешней торговле. См.: Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. Т. 2. Игры обмена. М., 2006. С. 455. Примечательно, что первые свои плавания к американским берегам в качестве штурмана в начале XVI в. С. Кабот совершал на службе «Компании предпринимателей новой обнаруженной земли» (*Company Adventurers to the New Found Land*). См.: Jones E.T., Condon M.M. Op. cit. P. 64.

[3] Ле Гофф Ж. Средневековье и деньги. Очерк исторической антропологии. СПб., 2010. С. 107-110.

торговцев свой вклад (по 25 ф.ст.) в новое предприятие сделали ведущие государственные деятели Англии: Дж. Дадли, его зять и фаворит короля Г. Сидней, лорд-казначей У. Полетт, лорд-хранитель королевской печати Дж. Рассел, государственный секретарь У. Сесил и др.[1].

Следующим шагом стала постройка новых кораблей для экспедиции, поскольку старые суда не подходили для далекого плавания. Под руководством Кабота были созданы три самые современные каракки, названные на смеси испанского и итальянского языков — «Эдвард Бонавентуре» (водоизмещением 160 тонн), «Бона Эсперанца» (120 тонн) и «Бона Конфиденция» (90 тонн). Для постройки использовались английский дуб, скандинавское мачтовое дерево, прибалтийские снасти и французская парусина. Впервые в английской практике Кабот применил испанскую технику защиты судов от тропических корабельных червей посредством обшивки килей свинцовыми листами. Это была дорогостоящая процедура, но инвесторы «Компании купцов-предпринимателей» имели серьезные намерения и были готовы вложить деньги в подготовку плавания[2].

С самого начала подготовка экспедиции была окружена завесой тайн и дезинформации. Имперский посол Й. Шейфв через свою агентуру в Лондоне безуспешно пытался получить детали. В 1550 г. он сообщал, что «англичане ищут дорогу в Индии, [но] я ничего не смог выяснить. Говорят, что король хочет отправить два своих больших корабля на Восток, но никто не знает, когда… Более того, некоторые говорят, что король намеревался отправить несколько кораблей в направлении Исландии по северному маршруту, чтобы открыть какой-то остров, который, как говорят, богат золотом»[3]. Спустя полгода посол выяснил, что «[картограф Жан]

---

[1] Willan T.S. Op. cit. P. 41.

[2] Evans J. Op. cit. P. 66-69.

[3] Jehan Scheyfve to the Queen Dowager, 24 June 1550 // Calendar of State Papers, Spain. Vol. 10. 1550–1552. L., 1914. P. 108-118.

Рибо, сопровождаемый некоторыми англичанами, имеющими опыт навигации, которые были с Каботом, должен отправиться открывать какие-то острова или искать путь в Индии через Арктический полюс. Для этой цели оборудуется пять или шесть кораблей; и два из них почти готовы»[1]. Наконец, когда маленькая флотилия Кабота была построена и уже стояла в Лондонском порту, Й. Шейфв доложил императору Карлу V о том, что «[корабли] отправляют в плавание с целью открытий, и они должны взять курс на Исландию, а затем на восток, сделав несколько остановок. Их снабжают провизией на два года за счет некоторых лондонских купцов и некоторых членов Совета. Капитаном, командующим тремя кораблями, является джентльмен по имени Уиллоби, который служил королю Англии на море во время последней войны с шотландцами. Экипажи смешанные, моряки и английские джентльмены, всего около 150 человек»[2].

Действительно, к началу плавания были сформированы команды, а руководителем экспедиции назначен военный офицер сэр Хью Уиллоби. Он не имел никакого морского опыта, зато отличился в англо-шотландской войне 1543–1551 гг. Как верно заметил британский исследователь Дж. Эванс, «назначение Уиллоби стало еще одним признаком того, что это было не обычное коммерческое путешествие. Торговые поездки, как правило, не возглавлялись дворянами»[3]. Все три судна, по словам организаторов, были «хорошо оснащены разнокалиберной артиллерией», а также «доспехами и боеприпасами всех видов»[4]. Корабельные команды

[1] Advices from Jehan Scheyfve, January 1551 // Ibid. P. 203-219.

[2] Jehan Scheyfve to the Emperor, 7th March 1553 // Calendar of State Papers, Spain. Vol. 11, 1553. L., 1916. P. 14.

[3] Evans J. Op. cit. P. 71.

[4] The true copie of a note found written in one of the two ships, to wit, the Speranza, which wintred in Lappia, where Sir Hugh Willoughby and all his companie died, being frozen to death. Anno 1553 // Hakluyt R. The principal Navigations Voyages Traffiques and Discoveries of the English Nation. Vol. I. L., 1599. P. 234; The new Naviga-

помимо руководства состояли из «моряков и офицеров», включая 7 артиллеристов. В дальний путь отправились 16 купцов новой торговой компании. Главным штурманом флотилии назначили опытного моряка Р. Ченслера, ранее участвовавшего в плаваниях в Восточное Средиземноморье.

Основываясь на своем 30-летнем опыте подготовки испанских экспедиций конкистадоров, Кабот разработал подробнейшую инструкцию для всех членов экипажей, обращая их внимание на необходимость строгого подчинения генерал-капитану флотилии. В документе обозначалось требование «описывать и запечатлевать в памяти плавание каждого дня и ночи с отметками и наблюдениями над землями, приливами и отливами, стихиями, высотой солнца и движением луны и звезд». Также «должны записываться названия народов каждого острова, как и его сырьевые и несырьевые продукты, характер, качества и обычаи населения, местность, где они живут, какие вещи они более всего желают получить и какие продукты наиболее охотно продадут, и какие металлы есть в их холмах, горах, потоках, реках, на поверхности земли или под ней».

Для установления контактов с местным населением инструкция разрешала «заманить или же захватить на ваши корабли» их представителей, однако категорически запрещала насилие по отношению к ним. Наоборот, «с человеком, захваченным таким образом, следует хорошо обращаться, хорошо кормить и хорошо его одеть и затем высадить на берег». Кабот требовал от членов экспедиции «не раздражать народы надменностью, насмешками и презрением или чем-нибудь подобным; следует обращаться с ними осторожно и осмотрительно со всяческой вежливостью и любезностью». При этом Кабот призывал руководство флотилии «не задерживаться долго на одном месте, пока вы не достигнете

tion and discoverie of the kingdome of Moscovia, by the Northeast, in the yeere 1553: Enterprised by Sir Hugh Willoughbie knight, and perfourmed by Richard Chancelor Pilot major of the voyage: Written in Latine by Clement Adams // Ibid. P. 243.

наиболее важного места, какое вами может быть открыто (т.е. Китая или Островов пряностей. — *А. К.*)»[1].

Интересно, что хотя в первой половине XVI века в Европу из Португалии уже поступала информация о Китае в виде географических карт, лоций и сообщений торговцев и путешественников[2], текст инструкции демонстрирует отсутствие у организаторов экспедиции знаний о странах и народах Евразии, которые могли бы встретиться мореплавателям на северном морском пути. Кабот описывал их представителей носящими «львиные или медвежьи шкуры», или «нагими, с луками и дротиками» каннибалами, что выдает его собственный опыт встреч с индейцами Северной и Южной Америки.

Поскольку у Дж. Дадли и его ученой команды отсутствовала информация о восточной части Евразии, то Х. Уиллоби имел с собой письмо короля Эдуарда VI Тюдора, адресованное «всем королям, государям, правителям, судьям и губернаторам земель, и всем, имеющим подобный сан, во всех местах под небесами», в котором монарх просил разрешить пропуск английской экспедиции для поисков того, «чего мы не имеем»[3]. Письмо было написано на латинском, греческом и английском языках.

---

[1] Ordinances, instructions, and advertisements of and for the direction of the intended voyage for Cathay, compiled, made, and delivered by the right worshipfull M. Sebastian Cabota Esquier // Hakluyt R. The principal Navigations Voyages Traffiques and Discoveries of the English Nation. Vol. I. L., 1599. P. 226-230.

[2] Фишман О.Л. Китай в Европе: миф и реальность (XIII–XVIII вв.). СПб., 2003. С. 76.

[3] The copie of the letters missive, which the right noble Prince Edward the sixt sent to the Kings, Princes, and other Potentates, inhabiting the Northeast partes of the worlde, toward the mighty Empire of Cathay, at such time as Sir Hugh Willoughby knight, and Richard Chancelor, with their company, attempted their voyage thither in the yeere of Christ 1553 and the seventh and last yeere of his raigne // Hakluyt R. The principal Navigations Voyages Traffiques and Discoveries of the English Nation. Vol. I. L., 1599. P. 231-232.

В мае 1553 г. экспедиция отправилась в путь. Через несколько месяцев, обогнув Скандинавию и пройдя датскую пограничную крепость Вардехус, флотилия попала в жесточайший шторм и оказалась разделена. Два корабля («Бона Конфиденция» и «Бона Эсперанца») под командованием Х. Уиллоби после скитаний по водам Баренцева моря добрались до берегов Кольского полуострова, но их экипажи погибли от холода и голода. Только «Эдвард Бонавентуре», руководимый опытным моряком Р. Ченслером, смог найти путь в Белое море и в августе 1553 г. пристать к побережью Северной Двины.

Здесь англичане узнали, что обнаружили вовсе не Китай, а Московское государство. Английский капитан даже был приглашен на личную аудиенцию к царю Ивану IV, который даровал иноземцам право свободной торговли в своей стране («повольный торг»). Так была установлена прямая коммерция между Россией и Англией. Это был важный шаг, поскольку в прежние времена английские («лундские») товары попадали в Москву, как и русские товары в Лондон, только через посредничество немецкого Ганзейского торгового союза, монополия которого теперь была уничтожена.

С таким результатом в июле 1554 г. Р. Ченслер вернулся в Англию, где обнаружил значительные перемены. Протестантский король Эдуард VI скончался, на троне воцарилась его сестра-католичка Мария I, а Дж. Дадли был казнен за организацию заговора против неё. Многие протестанты были репрессированы или бежали из страны. Казалось, что дальнейшие поиски англичанами пути в Азию под угрозой. Однако, С. Кабот и Дж. Ди оставались в Лондоне, а У. Сесил даже служил новой королеве на государственных постах и в парламенте.

Благодаря поддержке королевы Марии и её супруга Филиппа II предприятие Кабота и его коллег получило статус торговой компании, а в феврале 1555 г. была утверждена её Хартия. Поскольку документ не содержит названия, Р. Хаклюйт спустя 30 лет именовал эту организацию «Куп-

цами России» (*Marchants of Russia*), т.к. к этому времени (с 1566 г.) она стала известна как Московская или Русская компания. Однако в тексте Хартии четко было указано, что предприятие Кабота по-прежнему называлось «Компанией купцов-предпринимателей в целях открытия земель, территорий, островов и неизвестных сеньорий» (*Merchant Adventurers for the discovery of lands, territories, islands and seigniories unknown*), только теперь его деятельность была окончательно легализована нормативно-правовым документом[1].

Согласно Хартии, вкладчиками этого акционерного общества являлись 201 человек — от государственных чиновников, связанных с финансами, налогами и внешней торговлей, до лондонских купцов, получивших право на монопольную торговлю с Россией и другими землями, «лежащими в северном, северо-восточном или северо-западном направлении». Компания управлялась одним или двумя губернаторами, 4 консулами и 24 ассистентами, которые должны были ежегодно переизбираться. Только С. Каботу английские монархи даровали пожизненную привилегию исполнять обязанности губернатора его предприятия. По справедливой оценке британского исследователя Т. Уиллана «Хартия давала Русской компании правовую основу для её деятельности и монополию, защищаемую административной властью государства»[2].

---

[1] Оригинал Хартии находится в Британском Национальном архиве: Patent Roll, 1 & 2 Phil & Mary: Part 3 // TNA C66/883. Документ был опубликован в книге Р. Хаклюйта: The Charter of Marchants of Russia, graunted upon the discoverie of the saide Countrey, by King Philip and Queene Marie // Hakluyt R. The principal Navigations Voyages Traffiques and Discoveries of the English Nation. Vol. I. L., 1599. P. 267-272. Позже он был также опубликован в Calendar of the Patent Rolls preserved in the Public Record Office. Vol. II. 1554–1555. L., 1936. P. 55-59.

[2] Willan T.S. Op. cit. P. 9.

С 1555 г. начались ежегодные плавания английских судов в Белое море. В первые же два года английские купцы открыли торговые фактории в Москве, Вологде, Нижнем Новгороде, Ярославле и других русских городах. О деятельности Кабота как губернатора Московской компании в этот период нет сведений, однако известно, что он не оставил попыток организовать следующую экспедицию на поиски Северо-Восточного прохода в Азию. В 1556 г. пинасса «Искатель процветания» под командованием опытного моряка Стивена Барроу отправилась на поиски устья реки Оби. Этот капитан спустя некоторое время вспоминал как Кабот приехал «в сопровождении различных кавалеров и дам», чтобы лично проводить корабль, «и от радости, при виде нашей устремленности к намеченным нами открытиям, он сам пустился в пляс вместе с остальным молодым и веселым обществом»[1]. Из-за надвигавшейся полярной зимы Барроу не смог найти устье Оби, добравшись только до берегов Новой Земли. Однако это плавание внесло свой важный вклад в географические исследования русской Арктики.

27 февраля 1557 г. С. Кабот участвовал в торжественной встрече первой русской делегации во главе с посланником О. Непеей, приехавшей в Англию на переговоры. Вместе с московитами по центру Лондона прошла яркая процессия дворян и купцов из 140 человек. Из сообщения анонимного польского очевидца нам известно, что Кабот, будучи губернатором Московской компании, следовал в этом параде сразу за лорд-мэром Лондона Т. Оффлеем и О. Непеей[2]. Главным результатом визита первого москов-

[1] The Navigation and discoverie toward the river of Ob, made by Master Steven Burrough // Hakluyt R. The principal Navigations Voyages Traffiques and Discoveries of the English Nation. Vol. I. L., 1599. P. 274-275.

[2] Граля Х. Россия — Англия — Польско-Литовское государство: Посольство Осипа Непеи в Лондон и ягеллонская дипломатия (1557 г.) // Россия — Великобритания: пять веков культурных связей. СПб., 2015. С. 261.

ского посланника в Лондон стало установление официальных отношений между Англией и Россией на высшем уровне, которые, что было важно в ту эпоху, являлись равноправными. Русским купцам открывались английские рынки и предоставлялись торговые привилегии, каких были лишены в этой стране с середины XVI в. ведущие торговцы Европы — немцы и итальянцы[1]. Несмотря на то, что англичанам в то время еще не удалось обнаружить морской путь в Азию, установление дипломатических связей и прямой торговли между Англией и Россией было очевидным успехом предприятия Кабота.

Это яркое событие стало последним в карьере итальянца. В том же феврале 1557 г. 73-летний Кабот сложил полномочия губернатора компании. Вероятно, к этому времени у него появились проблемы со здоровьем. Его соратник Р. Иден, до самой смерти навещавший знаменитого путешественника, много лет спустя вспоминал: «Себастьян Кабот на смертном одре сказал мне, что получил знания (о мореплавании. — *А. К.*)... через божественное откровение, поэтому не смог никого обучить. Но я думаю, что добрый старик в его преклонном возрасте немного обезумел и даже под страхом смерти не до конца избавился от мирского тщеславия»[2]. В декабре 1557 г. Кабот скончался.

Его главным наследием стали те знания о картографии и мореплавании, которые он внедрил в Англии. Благодаря им наступившая менее чем через год новая елизаветинская эпоха прославилась именами Ф. Дрейка, У. Рэли, М. Фробишера и других покорителей океанов. Под руководством канцлера У. Сесила при экспертной поддержке Дж. Ди во второй

[1] Kiselev A.A. The visit of envoy Osip Nepeya to England (1556–1557): success or failure of Russian diplomacy // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26. № 4. С. 137-147.

[2] The first three English books on America. Edinburgh, 1885. P. XLVII.

половине XVI в. тюдоровская Англия становилась одной из ведущих морских держав Европы. При этом в 1560–1580-х гг. англичане упорно продолжали поиски доступных путей в Индию и Китай, но так и не смогли их найти. Эта цель будет достигнута ими лишь в следующем столетии.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

Герберштейн С. Записки о Московии. М., 2008. Т. 1.

Павла Йовия Новокомского книга о посольстве Василия, великого князя Московского, к папе Клименту VII // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. М., 1997. С. 255-290.

Плиний Секунд Старший, Г. Естествознание // Древний Восток в античной и раннехристианской традиции (Индия, Китай, Юго-Вост. Азия). М., 2007. С. 101-102.

Acts of the Privy Council of England. Vol. 2. 1547–1550. L., 1890.

Calendar of the Patent Rolls preserved in the Public Record Office. Vol. II. 1554–1555. L., 1936.

Calendar of State Papers, Milan. Vol. I. L., 1912.

Calendar of State Papers, Spain. Vol. 1. 1485–1509. L., 1862.

Calendar of State Papers, Spain. Vol. 10. 1550–1552. L., 1914.

Calendar of State Papers, Spain. Vol. 11. 1553. L., 1916.

Calendar of State Papers Relating To English Affairs in the Archives of Venice. Vol. 3. 1520–1526. L., 1869.

Gilbert H. A New Passage to Cataia // The Voyages and Colonising Enterprises of Sir Humphrey Gilbert. L., 1940. P. 139-147.

Hakluyt R. The principal Navigations Voyages Traffiques and Discoveries of the English Nation. Vol. I. L., 1599.

Letters and Papers, Foreign and Domestic, Henry VIII. Vol. 4. 1524–1530. L., 1875.

Letters and Papers, Foreign and Domestic, Henry VIII. Vol. 16. 1540–1541. L., 1898.

Patent Roll, 1 & 2 Phil & Mary: Part 3 // TNA C66 / 883.

Ramusio G.B. Primo volume delle navigationi et viaggi. Venetia, 1550.

The first three English books on America. Edinburgh, 1885.

The Old English Orosius // British Library. Add MS 47967.

The whole letter to King Henry the Eight… written AD 1527 by Mr. Robert Thorn // British Library. Cotton MS Vitellius C VII. ff. 339v – 345r.

Исследования

Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч. 2. М., 2003.

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. Т. 2. Игры обмена. М., 2006.

Гаврилов С.Н. Английский флот эпохи Тюдоров как государственный институт. Ростов-на-Дону, 2014.

Гамель И. Англичане в России в XVI и XVII столетиях. Ст. 1. СПб., 1865.

Граля Х. Россия — Англия — Польско-Литовское государство: Посольство Осипа Непеи в Лондон и ягеллонская дипломатия (1557 г.) // Россия — Великобритания: пять веков культурных связей. СПб., 2015. С. 256-264.

Ле Гофф Ж. Средневековье и деньги. Очерк исторической антропологии. СПб., 2010.

Марков С.Н. Земной круг. М., 1976.

Перри Дж. Завоевания в Центральной и Южной Америке XV–XIX веков. Под властью испанской короны. М., 2018.

Самойло А.С. Первые попытки английской компании захватить русский рынок в XVI — первой половине XVII в. // Ученые записки Московского областного педагогического института. Т. XX. М., 1955.

Фишман О.Л. Китай в Европе: миф и реальность (XIII–XVIII вв.). СПб., 2003.

Хотимский Д.А., Булатов А.М. Первая печатная карта Московии: историография и сравнительный анализ её экземпляров из РГАДА и библиотеки Св. Марка // Отечественные архивы. 2021. № 5. С. 29-40.

Baron S.H. Herberstein and the English “Discovery” of Muscovy // Terra Incognita. 18. 1986. P. 43-54.

Beazley C.R. John and Sebastian Cabot. L., 1898.

Dalton H. Merchants and explorers. Roger Barlow, Sebastian Cabot and networks of Atlantic Exchange, 1500–1560. Oxford, 2016.

Dukes P. The Humanist and Diplomat Sigismund of Herberstein's "Rerum Moscoviticarum Commentarii" in the Context of the Foreign Descriptions of Muscovy in the Sixteenth Century. Hakluyt and the Reception of Herberstein in Great Britain // 450 Jahre Sigismund von Herbersteins Rerum Moscoviticarum Commentarii, 1549–1999. Wiesbaden, 2002. P. 351-360.

Evans J. Merchant Adventurers. The voyage of discovery that transformed Tudor England. L., 2013.

Fisher F.J. Commercial Trends and Policy in Sixteenth Century England // The Economic History Review. 1940. Vol. 10. № 2. P. 95-117.

Jones E.T., Condon M.M. Cabot and Bristol's Age of Discovery: The Bristol Discovery Voyages, 1480–1508. Bristol, 2016.

Kiselev A.A. The visit of envoy Osip Nepeya to England (1556– 1557): success or failure of Russian diplomacy // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26. № 4. С. 137-147.

Konstam A. Tudor warships. Henry VIII's Navy. Oxford, 2008.

Loades D.M. John Dudley, Duke of Northumberland, 1504–1553. Oxford, 1996.

Parker J. Richard Eden, Advocate of Empire // The James Ford Bell Lectures. № 29. 1991. P. 4-5.

Parry G. The Arch-Conjuror of England John Dee. New Haven and L., 2013.

Quinn D.B. England and the Discovery of America, 1481–1620. L., 1974.

Ruddock A. The Earliest Original English Seaman's Rutter and Pilot's Chart // The Journal of Navigation. Vol. 14, Issue 4. October 1961. P. 409-431.

Ruddock A. The Reputation of Sebastian Cabot // Bulletin of the Institute of Historical Research. Vol. 47. Issue 115. May 1974. P. 95-99.

Sandman A., Ash E.H. Trading Expertise: Sebastian Cabot between Spain and England // Renaissance Quarterly. Vol. 57. №. 3 (Autumn, 2004). P. 813-846.

Skelton R.A. Sebastian Cabot // Dictionary of Canadian Biography Online. — http://www.biographi.ca/en/bio/cabot_sebastian_1E.html (апрель, 2022).

Taylor E.G.R. Tudor Geography, 1485–1583. L., 1930.

Towns L. The Opening of the Atlantic World: England's transatlantic interests during the reign of Henry VIII. PhD Thesis, Arlington, 2019.

Ungerer G. The Mediterranean Apprenticeship of British Slavery. Madrid, 2008.

Waters D.W. The Art of Navigation in England in Elizabethan and Early Stuart Times. L., 1955.

Willan T.S. The Early History of the Russia Company, 1553–1603. Manchester, 1956.

Williamson J.A. Maritime Enterprise, 1485–1558. Oxford, 1913.

Williamson J.A. The Cabot Voyages and Bristol Discovery under Henry VII. Cambridge, 1962.

REFERENCES

Sources

Gerberstein S. Zapiski o Moskovii. M., 2008. T. 1.

Pavla Ioviya Novokomskogo kniga o posol'stve Vasiliya, velikogo kniyazya Moskovskogo, k pape Klimentu VII // Rossiya v pervoy polovine XVI v.: vzgliyad iz Evropy. M., 1997. P. 255-290.

Pliniy Sekund Starshiy, G. Yestestvoznaniye // Drevniy Vostok v antichnoy I rannehristianskoy traditzii (Indiya, Kitai, Yougo-Vost. Aziya). M., 2007. P. 101-102.

Acts of the Privy Council of England. Vol. 2. 1547–1550. L., 1890.

Calendar of the Patent Rolls preserved in the Public Record Office. Vol. II. 1554–1555. L., 1936.

Calendar of State Papers, Milan. Vol. I. L., 1912.

Calendar of State Papers, Spain. Vol. 1. 1485–1509. L., 1862.

Calendar of State Papers, Spain. Vol. 10. 1550–1552. L., 1914.

Calendar of State Papers, Spain. Vol. 11. 1553. L., 1916.

Calendar of State Papers Relating To English Affairs in the Archives of Venice. Vol. 3. 1520–1526. L., 1869.

Gilbert H. A New Passage to Cataia // The Voyages and Colonising Enterprises of Sir Humphrey Gilbert. L., 1940. P. 139-147.

Hakluyt R. The principal Navigations Voyages Traffiques and Discoveries of the English Nation. Vol. I. L., 1599.

Letters and Papers, Foreign and Domestic, Henry VIII. Vol. 4. 1524–1530. L., 1875.

Letters and Papers, Foreign and Domestic, Henry VIII. Vol. 16. 1540 — 1541. L., 1898.

Patent Roll, 1 & 2 Phil & Mary: Part 3 // TNA C66 / 883.

Ramusio G.B. Primo volume delle navigationi et viaggi. Venetia, 1550.

The first three English books on America. Edinburgh, 1885.

The Old English Orosius // British Library. Add MS 47967.

The whole letter to King Henry the Eight… written AD 1527 by Mr. Robert Thorn // British Library. Cotton MS Vitellius C VII. ff. 339v – 345r.

Scientific research

Brodel` F. Sredizemnoye more I sredizemnomorskiy mir v epohu Filippa II. Ch. 2. M., 2003.

Brodel` F. Material'naya tzivilizatziya, economika I kapitalizm. T. 2. Igry obmena. M., 2006.

Gavrilov S.N. Angliyskiy flot epohi Tyudorov kak gosudarstvenniy institute. Rostov-na-Donu, 2014.

Gamel I. Anglichane v Rossii v XVI I XVII stoletiyah. St 1. SPb., 1865.

Graliya H. Rossiya — Angliya — Pol`sko-Litovskoye gosudarstvo: Posol`stvo Osipa Nepei v London i yagellonskaya diplomatiya (1557 g.) // Rossiya — Velikobritaniya: piyat' vekov kul`turnih sviyazey. SPb., 2015. P. 256-264.

Le Goff J. Srednevekovie i den`gi. Ocherk istoricheskoy antropologii. SPb., 2010.

Markov S.N. Zemnoy krug. M., 1976.

Perri G. Zavoevaniya v Tzentral`noy i Yuzhnoy Amerike XV–XIX vekov. Pod vlast'yu ispanskoy korony. M., 2018.

Samoilo A.S. Perviye popytki angliiskoy kompanii zahvatit` russkiy rynok v XVI – perv. pol. XVII v. // Ucheniye zapiski Moskovskogo oblastnogo pedagogicheskogo instituta. T. XX. M., 1955.

Fishman O.L. Kitay v Evrope: mif i real`nost' (XIII–XVIII vv.). SPb., 2003.

Hotimskiy D.A., Bulatov A.M. Pervaya pechatnaya karta Moskovii: istoriografiya i sravnitel`niy analiz eyo ekzemplyarov iz RGADA i biblioteki Sv. Marka // Otechestvenniye arhivy. 2021. № 5. P. 29-40.

Baron S.H. Herberstein and the English "Discovery" of Muscovy // Terra Incognita. 18. 1986. P. 43-54.

Beazley C.R. John and Sebastian Cabot. L., 1898.

Dalton H. Merchants and explorers. Roger Barlow, Sebastian Cabot and networks of Atlantic Exchange, 1500–1560. Oxford, 2016.

Dukes P. The Humanist and Diplomat Sigismund of Herberstein's "Rerum Moscoviticarum Commentarii" in the Context of the Foreign Descriptions of Muscovy in the Sixteenth Century. Hakluyt and the Reception of Herberstein in Great Britain // 450 Jahre Sigismund von Herbersteins Rerum Moscoviticarum Commentarii, 1549–1999. Wiesbaden, 2002. P. 351-360.

Evans J. Merchant Adventurers. The voyage of discovery that transformed Tudor England. L., 2013.

Fisher F.J. Commercial Trends and Policy in Sixteenth Century England // The Economic History Review. 1940. Vol. 10. № 2. P. 95-117.

Jones E.T., Condon M.M. Cabot and Bristol's Age of Discovery: The Bristol Discovery Voyages, 1480–1508. Bristol, 2016.

Kiselev A.A. The visit of envoy Osip Nepeya to England (1556–1557): success or failure of Russian diplomacy // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedeniye. Mezhdunarodniye otnosheniya. 2021. T. 26. № 4. P. 137-147.

Konstam A. Tudor warships. Henry VIII's Navy. Oxford, 2008.

Loades D.M. John Dudley, Duke of Northumberland, 1504–1553. Oxford, 1996.

Parker J. Richard Eden, Advocate of Empire // The James Ford Bell Lectures. № 29. 1991. P. 4-5.

Parry G. The Arch-Conjuror of England John Dee. New Haven and L., 2013.

Quinn D.B. England and the Discovery of America, 1481–1620. L., 1974.

Ruddock A. The Earliest Original English Seaman's Rutter and Pilot's Chart // The Journal of Navigation. Vol. 14. Issue 4. October 1961. P. 409-431.

Ruddock A. The Reputation of Sebastian Cabot // Bulletin of the Institute of Historical Research. Vol. 47. Issue 115. May 1974. P. 95-99.

Sandman A., Ash E.H. Trading Expertise: Sebastian Cabot between Spain and England // Renaissance Quarterly. Vol. 57. № 3 (Autumn, 2004). P. 813-846.

Skelton R.A. Sebastian Cabot // Dictionary of Canadian Biography Online. — http://www.biographi.ca/en/bio/cabot_sebastian_1E.html (April, 2022).

Taylor E.G.R. Tudor Geography, 1485–1583. L., 1930.

Towns L. The Opening of the Atlantic World: England's transatlantic interests during the reign of Henry VIII. PhD Thesis, Arlington, 2019.

Ungerer G. The Mediterranean Apprenticeship of British Slavery. Madrid, 2008.

Waters D.W. The Art of Navigation in England in Elizabethan and Early Stuart Times. L., 1955.

Willan T.S. The Early History of the Russia Company, 1553–1603. Manchester, 1956.

Williamson J.A. Maritime Enterprise, 1485–1558. Oxford, 1913.

Williamson J.A. The Cabot Voyages and Bristol Discovery under Henry VII. Cambridge, 1962.

С.Н. Гаврилов
(Ростов-на-Дону)

«ВЫ ВИДИТЕ В НАС НЕ ЛЮДЕЙ, А ЗВЕРЕЙ»

МОРЯКИ АНГЛИЙСКОГО КОРОЛЕВСКОГО ФЛОТА В КОНЦЕ XVI ВЕКА

Английский флот эпохи Тюдоров — один из предметов исследования, наиболее привлекающих к себе внимание историков. Это не удивительно, ведь военно-морские силы всегда имели особое значение в истории островного государства. И именно тюдоровская эпоха стала временем рождения «морских стен Англии», не только отстоявших независимость страны в бурных завихрениях событий XVI в., но и флота, во многом ставшего фундаментом, на котором будет зиждиться Британская империя.

В определенной мере именно эта великая роль военно-морских сил в истории Англии определяла и тот ракурс, в котором они рассматривались. Если объектами исследования «героической истории» со времен современников становились громкие победы и прославленные командующие, подобные Фрэнсису Дрейку, Джону Хоукинсу, Уолтеру Рэли, то представители институционального направления XX в. сосредотачивали свои взоры на административно-управленческих структурах флота и его повседневном функционировании. При этом «за бортом» исторических исследований оставались простые моряки, на плечи которых и легли

основные тяготы морской службы. Именно матрос, боцман, канонир, подчас ценой своих жизней, привели английский флот к победам. Отчасти это невнимание объясняется сложностью поиска источников, способных поведать нам о жизни морского сообщества. История практически не донесла до нас глас простого моряка. В официальных бумагах и законодательных документах, сохранившихся от той эпохи, такой человек выступал лишь расходным материалом.

Новые веяния в сфере научных исследований последней трети XX в. не обошли стороной и историю военного флота. В ней отправной точкой нового направления «истории снизу», пожалуй, явилась опубликованная в 1970 г. в журнале «The Mariner's Mirror» статья Джеффри Скаммелла «Личный состав английской торговой службы в XVI в.»[1]. Но о превращении данной сферы исследований в самостоятельное направление в рамках исследований военно-морской тематики можно говорить лишь после выхода спустя 12 лет статьи Кеннета Эндрюса, посвященной морякам времени правления Елизаветы Тюдор[2].

Впрочем, несмотря на определенный интерес к социальной истории тюдоровского флота, на сегодня она попрежнему во многом остается еще малоизученной областью. Одной из последних серьезных работ стала вышедшая в 2012 г. коллективная монография группы военно-морских историков, в которой частично затронута и история данного периода[3].

В любом случае, недооценка «истории снизу», изучение королевского флота лишь в рамках «героического» и «институционального» направлений не позволит нам увидеть

[1] Scammell G.V. Manning the English Merchant Service in the Sixteenth century // The Mariner's Mirror. 1970. Vol. 56. № 2. P. 131-154.

[2] Andrews K.R. The Elizabethan Seaman // The Mariner's Mirror. 1982. Vol. 68. № 3. P. 245-262.

[3] The Social History of the English Seamen, 1485–1649 / Ed. by Ch. A. Fury. Woodbridge., 2012.

трудности его становления. Без обращения к простому моряку мы не в состоянии воспринять флот эпохи Тюдоров целостно, его картина в нашем сознании останется незавершенной, лишенной красок, быть может, искаженной и гротескной.

В этой связи большой интерес представляет изучение условий существования морского сообщества конца эпохи правления династии Тюдор, ознаменовавшегося открытой морской войной с Испанией 1585–1603 гг., в ходе которой военно-морские силы страны подверглись проверке на дееспособность.

Время рождения и становления постоянного военного флота в Англии приходится на XVI столетие. В этом процессе страна стала первопроходцем в Европе. Ее военный флот являлся весьма грозной силой, не только выступавшей в качестве надежной защиты от иностранных интервенций, но и в консолидации с частными морскими силами в годы правления Елизаветы Тюдор позволявшей королевству, имевшему весьма скромный бюджет, успешно выдерживать конкуренцию на морских просторах и наносить поражение противникам, обладавшим гораздо большими ресурсами.

Между тем, игнорирование человеческого фактора на флоте к концу XVI в. стало серьезной проблемой. Первые тревожные сигналы стали поступать уже в первой половине столетия, отмеченной как очень быстрым увеличением количества королевских кораблей, так и их привлечением к постоянной морской службе. Как свидетельствуют бумаги Тайного Совета, в 1539 г. в Портсмуте один из матросов заявил, что «будь его кровь и кровь короля в одной посуде, различий между ними не было бы, и плати ему Великий Турка пенни в день или более, он с радостью бы служил ему»[1]. История дает нам массу примеров уклонения моряков от призыва. Матросы не горели желанием попасть на королевские военные корабли,

[1] Letters and Papers, Foreign and Domestic, Henry VIII / Ed. by J. Gairdner, R.H. Brodie. L., 1895. Vol. XIV. Pt. 2. P. 48.

ведь служба на них оплачивалась плохо и, в отличие от службы на частных судах, не давала возможности дополнительных доходов и была сопряжена с большим риском для жизни. По свидетельствам современника, «ни один человек, имеющий иную профессию, не проводит свою жизнь в столь огромной и длительной опасности… и… их (опасностей) столь много, что лишь немногие доживают до седин»[1]. Первые попытки массового уклонения приходятся на время правления Генриха VIII. Освобождение моряков от службы в армии в августе 1543 г. может рассматриваться как попытка привлечь людей. Но ни эта мера, ни увеличение жалования матросам, а также подтверждение их освобождения в 1545–1546 гг. от призыва в армию не могли исправить ситуацию.

На протяжении второй половины XVI в. эта проблема превращается в хроническую болезнь военно-морской системы. В попытке устранить ее власть часто прибегала к карательным мерам. В 1558 г. королевским указом под страхом смерти запрещалось управляющим кораблей и матросам покидать службу без специального разрешения[2]. Видимо, использование «кнута» к успеху не приводило, так что попрежнему предпринимались и попытки привлечь «пряником». Специальным актом 1563 г. вновь подтверждалось право моряков и рыбаков не служить простыми солдатами: «Да будет установлено на благо рыбаков и моряков… что ни один из них не будет в дальнейшем принужден против его воли служить в качестве солдата на суше или в море. Исключением могут быть лишь случаи, когда он будет служить под командой капитана корабля во время высадки на берег для выполнения специальных задач, обычно выполняемых матросами, а также случаи, когда он будет находиться под

[1] Scammell G.V. The Sinews of War: Manning and provisioning English fighting ships c. 1550–1650 // The Mariner's Mirror. 1987. Vol. 73. №. 4. P. 351-367.

[2] Tudor Royal Proclamations / Ed. by P.L. Hughes, J.F. Larkin. New Haven, London, 1969. Vol. II. P. 84-85.

командой персон, имеющих предписание отразить вторжение врагов или подавить восстание в королевстве»[1].

Заботясь об увеличении ресурсов для пополнения военных кораблей подготовленными моряками, правительство предпринимало меры и для развития рыболовного флота. Специально в целях поддержки рыболовства во второй половине века была издана серия статутов, учреждающих еженедельные «рыбные дни» по пятницам, а также иногда и по средам. Эти статуты были изданы на тринадцатый, двадцать третий и тридцать пятый годы правления Елизаветы[2].

Оплата службы моряков королевского флота на протяжении всей второй половины века оставалась довольно низкой, надеяться же на дополнительный доход на корабле, бороздящем проливы в составе патруля или принимающем участие в военных действиях, не приходилось. С учетом ускоряющейся инфляции жалованье матроса, в 1582 г. составлявшее 10 шиллингов в месяц[3], не превышало 6 шиллингов и 8 пенсов, выплачиваемых за службу в 1546 г. Интересно, что на протяжении XVI–XVII вв. оплата труда даже необученного рабочего на суше была на треть выше[4]. Конечно, сравнивая оплаты, необходимо помнить, что моряк обеспечивался питанием, которое на военном флоте, согласно подсчетам, равнялось стоимости оплаты. Таким образом, для получения реальных данных жалование моряка мы должны увеличить вдвое. И, тем не менее, эта сумма явно не могла компенсировать те лишения и опасности, с которыми неизбежно приходилось сталкиваться на военном корабле. Казначей флота и один из опытнейших мореплавателей Джон Хоукинс писал, что не

[1] Collection of Admiralty Statutes, 1274–1741. L., 1755. P. 46-47.

[2] Statutes of the Realm / Ed. by A. Luders, T.E. Tomlins. L., 1817. Vol. 3. P. 545, 668, 857.

[3] The National Archives. State Papers. 12/186/43; Rodger N.A.M. The Safeguard of the Sea: A Naval history of Britain. Vol. I. L., 1997. P. 500-501.

[4] Scammell G.V. Manning the English Merchant Service in the Sixteenth Century // MM. 1970. № 56. P. 141-142.

осталось уже никакой возможности сохранить команды кораблей, «ведь оплата так низка»[1].

Иная проблема заключалась в задержке оплаты. С начала необъявленной англо-испанской войны будут постоянно звучать утверждения, что морякам сильно задолжали или вовсе не заплатили[2]. Когда английский флот в 1588 г. встретился с Армадой, командующий эскадрой в Ла-Манше и Ирландском море лорд Генри Сеймур упрекал государственного секретаря Уолсингема: «Вы очень хорошо сделаете, если поможете нам с оплатой труда наших людей, которым почти 16 недель не платят; чтобы удержать их от мятежа я прилагаю все законные и незаконные меры»[3]. Таким образом, борьба за королеву и страну означала серьезный подрыв экономического благосостояния моряков и их иждивенцев. Это делает вполне понятным их нежелание попасть в королевский флот.

Наибольший масштаб проблема обеспечения военных кораблей матросами приобрела к концу века. И причиной был отнюдь не количественный рост английского флота, ведь в сравнении с военно-морскими силами времен Генриха VIII, Эдуарда VI и Марии Тюдор флот Елизаветы сократился минимум на треть. При этом количество мужчин, знающих морское дело и способных нести службу в море, наоборот, за несколько десятилетий значительно выросло. Только за 1560–1582 гг. их число более чем удвоилось[4]. В 1582 г. в ожидании скорой войны была проведена общая перепись населения, годного для военно-морской службы. Подсчеты

---

[1] The Great Enterprise. The history of the Spanish Armada as revealed in contemporary documents / Ed. by S. Usherwood. L., 1978. P. 33.

[2] Fury Ch. A. Tides in the Affairs of Men: The Social History of the Elizabethan Seamen, 1580–1603. Westport, 2002. P. 108-114.

[3] State Papers Relating to the Defeat of the Spanish Armada / Ed. by J.K. Laughton. L, 1987. Vol. I. P. 273, 283, 336.

[4] Oppenheim M. A History of the Administration of the Royal Navy and of Merchant Shipping in Relation to the Navy from 1509 to 1660. L., N.Y., 1896. P. 176.

показали, что вся страна может собрать 13000 моряков, 2299 рыбаков и 1000 лодочников с Темзы[1]. Последняя цифра, вероятно, наиболее точна, поскольку это занятие лицензировалось мэром Лондона, источники же остальных цифр трудно установить. В случае с рыбаками, вероятно, количество было установлено «по прикидке». Более того, были подсчитаны лишь те, кто прошел через официальную систему ученичества[2]. Гораздо большая масса тех, кто мог быть задействован и обычно задействовался в морской службе, не была учтена. Но даже и выявленных «профессионалов» вполне хватало для службы на кораблях военного флота. По некоторым данным в 1575 г. требовалось 10000 человек для 28 королевских и такого же количества частных кораблей[3].

На частном купеческом или каперском корабле даже более тяжелые условия и риск компенсировались возможной выгодой, так что моряки предпочитали наняться к частнику. В целях обеспечения военного флота личным составом иногда даже приходилось выпускать специальные королевские указы, запрещающие все частные экспедиции. В указе 1558 г. говорилось, что «…немалое число лучших и способнейших кораблестроителей, матросов, канониров, мореплавателей и лодочников, несмотря на их обязанность послушания, которое должны проявлять добрые подданные… бегут со службы Ее Величества и любыми средствами нанимаются на различные корабли, покидающие королевство и уходящие в торговые экспедиции, а также в поисках наживы»[4].

Положение простых моряков королевского флота резко ухудшилось с момента начала необъявленной англо-испанской войны 1585 г. В условиях резкой активизации

[1] TNA. SP. 12 / 156 / 45.

[2] Loades D. The English Maritime Community. 1500–1650 // The Social History of English Seamen, 1485–1649 / Ed. by Ch. A. Fury. Woodbridge, 2012. P. 12.

[3] Loades D. The Tudor Navy. An administrative, political and military history. Aldershot, 1992. P. 199.

[4] Tudor Royal Proclamations. Vol. II. P. 89–90.

действий на море служба снабжения не справлялась с поставками провизии. Матросы нередко жаловались, что им выдают мясо лишь наполовину от того, что им положено[1]. Как утверждал лорд-адмирал, даже «худшие из моряков» очень хорошо знали, какая провизия им полагается[2]. Урезанный рацион часто становился причиной многочисленных бунтов и дезертирства. Моряки «Golden Lion», одного из кораблей Кадисской экспедиции 1587 г., предъявили капитану жалобу на невыносимые условия, в которых им приходилось выживать: «Лишь кусок говядины в полфунта на обед для четверых или половина засохшей вяленой рыбы на четыре дня в неделю и более к этому ничего? О да, мы конечно имеем добавку — немного напитка (разбавленное водой пиво) хуже воды из помпы! Мы призваны по приказу Ее Величества, и нам полагается нормальное питание. Нас набирали не для того, чтобы обходиться с нами подобным образом. Вы видите в нас не людей, а зверей»[3]. В следующем году ситуация, видимо, не сильно изменилась. В 1588 г. Фрэнсис Дрэйк писал королеве, что опасается дезертирства, которое последует в том случае, если не будет поставлено достаточно провизии: когда «моряк находится вдали от своей страны и видит существующую нехватку продовольствия… его вряд ли заставят остаться»[4]. Письмо Дрэйка несло предупреждение о важности адекватного снабжения: «Здесь можно растерять всю службу и честь из-за нескольких крон»[5].

---

[1] TNA. SP. 12 / 30/ 43; Boteler's Dialogues / Ed. by W.G. Perrin. L., 1929. P. 56.

[2] State Papers Relating to the Defeat of the Spanish Armada. Vol. I. P. 198.

[3] Цит. по: Oppenheim M. A History of the Administration of the Royal Navy… P. 384.

[4] State Papers Relating to the Defeat of the Spanish Armada. Vol. I. P. 148-149.

[5] State Papers Relating to the Defeat of the Spanish Armada. Vol. I. P. 149.

Действительно, необходимость собирать большой запас провизии в краткие сроки для подготовки кампании часто становилась причиной головной боли, особенно учитывая ускорившийся рост цен во второй половине века. Так, например, требования Дрейка обеспечить поставки провианта для кораблей готовящейся Португальской экспедиции в 1589 г. привели к тому, что внутренние районы Плимута практически оказались на грани голода. Но несмотря на все усилия поставщиков, он вынужден был вывести эскадру в море с очень скудным съестными запасами[1].

Интересно и то, что рацион моряков елизаветинской эпохи уступал рациону предшественников, служивших более ранним монархам эпохи Тюдоров[2]. До 1550-х гг. в ассортимент продуктов питания на военных кораблях входили птица и фрукты. Продуктовое обеспечение елизаветинской армии также было более разнообразно, чем обеспечение флота, особенно в «мясные дни»[3].

Помимо скупости королевы[4], слабости администрации государства раннего Нового времени[5], бюрократии и коррупции[6], расцветшей во время войны, среди причин, вызвавших довольно резкое ухудшение снабжения флота, стоит отметить и высокий уровень инфляции, не дающий возможность сохранять обеспечение провизией на прежнем уровне, что наглядно отображается в записях службы снаб-

---

[1] Scammell G.V. The Sinews of War… P. 366.

[2] Loades D. The Tudor Navy… P. 208.

[3] Cruickshank C.G. Elizabeth's Army. L., 1966. P. 82.

[4] The Naval Tracts of Sir William Monson. In six books / Ed. by M. Oppenheim. L., 1902. Vol. I. P. 175.

[5] Politt R. Bureaucracy and the Armada: the Administrator's Battle // Mariner's Mirror. 1974. №. 60. P. 119-132.

[6] Raleigh, sir Walter. Judicious and select essayes and observations by that renowned and learned knight, Sir Walter Raleigh: upon the first invention of shipping, the misery of invasive warre, the Navy Royall and sea-service: with his Apologie for his voyage to Guiana L., 1650. P. 30.

жения продовольствием военно-морского флота, демонстрирующих изменения в диете моряков на протяжении военных лет[1]. Отчеты 1598 г. показывают, что стоимость по многим наименованиям из рациона моряка удвоилась за последние годы. Между 1500 и 1650 гг. цены на продукты питания выросли в семь раз[2].

Когда матросам приходилось голодать, или надоедал однообразный рацион, они пытались обеспечить себя пищей всеми доступными способами. Некоторые рыбачили или покупали провизию в портах. Но даже когда моряки получали положенный им рацион в полном объеме, их еда по меркам раннего Нового времени далеко не всегда была хорошего качества. Иногда в этом была и определенная вина кока. Поговорка того времени гласила: «Бог послал пищу, но дьявол послал кока». Поваром обычно был какой-нибудь искалеченный ветеран, и «его должность была не столько данью его кулинарным навыкам, сколько… удобной компенсацией за прошлые страдания»[3].

Частое отсутствие провианта — лишь одна из бед. Другая традиционная беда — многочисленные болезни, свирепствовавшие на кораблях. Пока английский флот в 1588 г. ожидал подхода Непобедимой Армады, корабли охватила инфекция. Лорд-адмирал Чарльз Говард сообщал Тайному Совету: «Люди заболевают, и мы тысячами вынуждены их отпускать и на их место призывать других»[4]. Эпидемия свирепствовала на всем протяжении кампании. 22 августа Говард писал Елизавете: «Моя любезнейшая Госпожа, с огромным прискорбием я вынужден описывать то состояние, в котором я обнаружил Ваш флот. Сильнейшая инфекция ох-

[1] Fury Ch. A. Health and health care at sea // The Social History of English Seamen, 1485–1649 / Ed. by Ch.A.Fury. Woodbridge, 2012. P. 204.

[2] Clarkson L.A. The Pre-Industrial Economy of England, 1500–1750. L., 1972. P. 212.

[3] Scammell G.V. The Sinews of War… P. 366.

[4] The Great Enterprise… P. 53-54.

ватила множество кораблей, и это очень опасно. Вновь подошедшие теперь тоже инфицированы…»[1]. В более детальном отчете Тайному Совету в этот же день он сообщал, что «… люди мрут ежедневно, падая больными на кораблях в большом количестве… и мы видим, что люди, направляемые на наши корабли, заражаются за один день и на следующий день уже умирают, таким образом, многие из кораблей не имеют достаточно матросов для поднятия якоря»[2].

Не принесло облегчение участи простых моряков даже окончание тяжелой героической кампании. Многочисленных больных и увечных спешно распускали по домам, не выдав им положенное жалование. Здесь нужно отдать должное администрации флота и его командующим. Будучи профессиональными моряками, они ценили жизнь матроса. Один из опытнейших мореплавателей своего времени казначей Военно-морского совета Джон Хоукинс еще 31 июля в письме государственному секретарю Фрэнсису Уолсингему выражал озабоченность: «Люди давно уже не получают жалованья и нуждаются в помощи. Я прошу вас, чтобы деньги, которые должны были быть направлены в Плимут, были теперь отправлены в Дувр… С этим и милостью Божьей наше королевство будет спасено, если же этим пренебречь, с огромной опасностью столкнемся»[3]. Но ни денег, ни помощи моряки так и не дождались. «С болью в сердце мы смотрим на тех, кто сражался столь доблестно, а умирает так ужасно», — писал лорд-адмирал Чарльз Говард[4].

Впрочем, в отличие от командующих флотом и главных офицеров его администрации, государственные мужи полагали иначе. Уильям Сесил, лорд-казначей Бэрли, выражал надежду, что «смертью и роспуском больных… будет кое-что

[1] Ibid. P. 144.

[2] Ibid. P. 144-145.

[3] The Great Enterprise… P. 137.

[4] Martin C., Parker G. The Spanish Armada. Manchester, 1999. P. 236.

сэкономлено в итоговых выплатах»[1]. Оскорбленный до глубины своей души этим заявлением Говард открыто заявил: «Презренно допускать, чтобы люди умирали после такой службы»[2]. Королева, впрочем, была склонна согласиться не с Говардом, а с Бэрли. В той ситуации командующему оставалось лишь остерегать ее, убеждая, что «если о людях не будет проявлена забота более, чем просто позволить им голодать и умирать столь ужасно, мы вряд ли соберем их на службу»[3]. Но к его словам так никто и не прислушался. Тысячам больных и раненых выплатили лишь 180 фунтов[4], а из 16000 матросов и офицеров половина не дожила до Рождества 1589 г.

Подобное положение дел сохранялось и в дальнейшем. Согласно подсчетам Ф. Дайера, не менее 10000 моряков за последние 12 лет XVI в. погибли от болезней[5].

Видимо, окончательно разочаровавшиеся в правительстве и королеве и ощущавшие свою ответственность Джон Хоукинс, Чарльз Говард и Фрэнсис Дрэйк в 1590 г. решили основать «для больных матросов, искалеченных на флоте» специальный Фонд в Чатэме, так называемый «Чатэмский сундук». Предполагалось, что со своего скромного жалованья старшие матросы будут ежемесячно отчислять в фонд 6 пенсов, рядовые — 4 пенса, юнги — 3 пенса[6]. Эти отчисления должны были стать гарантией выплаты пенсии в случае получения увечья во время службы. Предполагалось, что не будут обойдены вниманием и здоровые матросы, отдавшие службе на флоте много лет и ушедшие с нее по старости, они тоже могли рассчитывать на небольшую выплату.

---

[1] Ibid.

[2] Ibid.

[3] Ibid.

[4] Ibid. P. 237.

[5] Dyer F.E. The Elizabethan Sailorman // Mariner’s Mirror. 1924. Vol. 10. №. 2. P. 133-146.

[6] Oppenheim M. A History of the Administration of the Royal Navy… P. 245.

Впрочем, Чатэмский фонд, будучи негосударственной благотворительной организацией, явно не мог вынести столь большую нагрузку. Что касается власти, видимо, в рассматриваемое столетие она не осознавала того, что расходы на обеспечение потребностей людей, получивших увечья на службе или ушедших с флота по старости, должны падать на страну, а не на фонд страхования от несчастных случаев, поддерживаемый из их же собственных скудных доходов.

Тем не менее, под давлением нарастающих проблем к концу правления Елизаветы Тюдор в 1601 г. правительство также выпустило постановление о выплате небольших пенсий инвалидам[1]. Для этих целей на уровне каждого графства создавались специальные фонды, находящиеся под прямым контролем казначеев графств. Размер выплат искалеченным должен был определяться мировыми судьями, при этом он не мог превышать 10 пенсов в неделю и 10 фунтов в год. Эта реформа была составляющей частью государственного законодательства о помощи бедным.

Что же представляла из себя система обеспечения военного флота личным составом?

В годы первой войны Генриха VIII против Франции 1512–1514 гг. большая часть военно-морских ресурсов еще была набрана путем издания commission of array. В данных указах о сборе флота портовые города, некоторые представители знати, а также такие объединения как «Пять портов» обязывались предоставить обозначенное количество оснащенных всем необходимым, а также людьми кораблей в определенное место сбора, где на суда водружались специальные надстройки — кастли и устанавливались доставленные из Тауэра орудия. В качестве матросов должны были привлекаться люди, набранные преимущественно из круга местного морского сообщества. Команды при этом вносились в

[1] Statutes of the Realm / Ed. A. Luders. L., 1819. Vol. IV. Pt. 2. P. 966-968.

платежные ведомости и брались на баланс назначенным казначеем войны.

Но с быстрым ростом количества королевский военных кораблей и усилением независимости в военно-морских ресурсах от знати и портовых городов к такой системе сбора, уходящей корнями в средневековую эпоху, прибегали все меньше. Хотя Генрих не сомневался в своем праве требовать от вассалов их военно-морские ресурсы и окончательно не отказывался от использования commission of array, эта система устаревала, она не могла обеспечить быстрого и качественного сбора сил. Объединения, имеющие привилегии, взамен которых они несли «корабельную службу», ограниченную по времени и не оплачиваемую короной, на протяжении века постепенно утрачивали свои позиции. Большинство частных кораблей предоставлялось главными портами, такими как Лондон, Саутгемптон и Ярмут.

Впрочем, все частные суда, как и военные корабли, принадлежащие королю, собирались лишь в случае действительно больших опасностей или кампаний, таких как французская 1545 г. или отражение Армады 1588 г.

Вместе с постепенным отказом от прежней системы сбора кораблей и все большей опорой на королевский военный флот менялась и система призыва людей. Начиная с 1540 г. королевские корабли обеспечивали командами специально назначенные, согласно выпущенным commission of array, комиссионеры, посылаемые с поручениями набрать в указанной в документе местности определенное количество людей, например, из порта Саутволда или Барнстапля, или откуда бы то ни было[1]. Рекруты, набираемые таким способом, получали дорожные деньги из расчета полпенни за милю и направлялись в Дептфорд или Портсмут.

Прибывшие на место сбора на время всей кампании вносились в королевскую платежную ведомость. Если в рамках старой системы служба этих людей оплачивалась их

[1] Bodleian Library. Rawlinson MSS. A. 200, f. 140.

сеньорами, которые при определенных условиях могли добиваться возмещения понесенных расходов из королевской казны, в условиях commission of array, выдаваемых специальным комиссионерам, они в основном оплачивались казначеем войны. Эта система практически ничем не отличалась от системы сбора милиции для службы на суше. Под призыв попадали мужчины в возрасте 16–60 лет.

Вероятно, большинство из набранных людей мнили себя моряками, но на самом деле таковыми не являлись. Многие были плохо обучены, и среди них было распространено дезертирство. Возможно, у местных властей также было искушение сохранить прошедших обучение и имеющих опыт настоящих моряков для службы на торговых судах, а в место сбора направить менее ценных для города или графства людей, не имеющих действительных причин для отказа или тех, кто не успел сбежать. Сами военно-морские командующие говорили, что к ним попадают те, кто ни разу не выходил в море. И даже, рыбаки, согласно их утверждениям, в большинстве своем оказывались плохо обученными, малопригодными для службы и слабыми духом[1]. Знаменитый мореплаватель и пропагандист колониальной экспансии сэр Уолтер Рэли также подтверждает, что военно-морской флот печально известен своими служащими, которые призывают «самых нуждающихся и неспособных людей»[2].

Попытка уклониться от призыва и дезертирство были распространенными явлениями. В 1597 г., например, многие опытные моряки давали взятки в 1 фунт проводившим мобилизацию чиновникам для того, чтобы избежать службы[3]. Но и в случае полного набора команды не могло быть гарантий сохранения ее в полном составе до окончания экспедиции даже на кораблях прославленных командующих, заслу-

[1] Scammell G.V. The Sinews of War… P. 356.

[2] Raleigh, sir Walter. Judicious and Select Essays and Observations... P. 36.

[3] Scammell G.V. The Sinews of War… P. 358.

живших среди моряков хорошую репутацию. В 1587 г. Фрэнсис Дрейк поручил местным чиновникам разыскать его команду в окрестностях Плимута, надеясь привлечь сбежавших к ответственности за дезертирство[1].

При роспуске кораблей распускались и моряки, которым должна была выплачиваться положенная им плата, а также и дорожные деньги для возвращения в их приход по месту жительства или в то место, из которого их забрали[2]. Данная система срабатывала далеко не всегда, особенно она давала сбои тогда, когда большой флот распускали в спешке, как это было в сентябре 1588 г.

Толпы больных и искалеченных разбредались по дорогам без пенни в кармане. Вместо положенных за службу денег им выдавали долговое обязательство, которое часто так и не исполнялось, а также разрешение на попрошайничество в пути до дома[3]. В 1589 г. доведенная до отчаяния толпа взбунтовавшихся моряков осадила Вестминстер. Тактика бунтующих оказалась довольно удачной, так что она использовалась в 1592 г. и позднее[4].

Впрочем, опасаясь бунтов, власти по возможности стремились выполнить свои обязательства. Например, в 1594, 1598 и 1601 гг. предусмотренные законом средства правовой защиты сработали, распущенные по домам получили кое-какие пенсии. Но задача поиска денег и выплаты были переложены на местные власти, и в этом скорее прослеживаются попытки сохранить общественный порядок, а не обеспечить поддержку бывшим морякам[5].

Что же представляло собой военно-морского сообщество рассматриваемого периода? Говоря о «сообществе», мы

---

[1] Ibid. P. 359.

[2] Bodleian Library. Rawlinson MSS. A. 200, f. 308.

[3] Loades D. The English Maritime Community... P. 20.

[4] Acts of the Privy Council of England / Ed. by J.R. Dasent. L., 1899. Vol. XVIII. P. 46-49, 54-55; APC / Ed. by E.G. Atkinson. L., 1921. Vol. XXXIII. P. 320.

[5] Statutes of the Realm. Vol. IV. Pt. ii. P. 966-968.

должны понимать условность применения этого термина в данном случае как по причине размытости его внутренней структуры и слабости внутренних взаимосвязей, так и сложности определения его границ. В этом отношении трудно не согласиться с Шерил Фьюри, отмечающей пагубную тягу историков помещать людей в рамки аккуратно очерченных групп, представляющих собой искусственные конструкции, что особенно заметно на попытках выделить в качестве такой группы «морских работяг»[1].

Морское сообщество в Англии XVI в. отличалось аморфностью, его границы были сильно размыты. Если рассматривать в качестве моряков всех тех, кто выходил в море, можно выделить в этой категории населения по меньшей мере два слоя. К первому относилась весьма небольшая по своей численности группа профессионалов, объединяющая корабельных управляющих, лоцманов, офицеров, прошедших специальное обучение. Как правило, такое обучение занимало долгих 7 лет, в течение которых обучающиеся изучали не только теорию, но также оттачивали свои навыки в море. Прошедшие обучение моряки могли позволить себе быть более избирательными и отказываться от участия в сомнительных предприятиях, поскольку получали достойную оплату и часто имели доход от дополнительных инвестиций. Будучи более богатыми, представители морской элиты старались разнообразить свои источники дохода. Они могли купить долю корабля или вложиться в различные типы предприятий на суше и на море[2].

Подавляющая же масса моряков состояла из тех, кто не получал специального образования. Хотя они и не могли рассчитывать на ту оплату, которую получали представители элиты, но многие из них обладали вполне достаточными приобретенными в море навыками для несения службы. За-

[1] Fury Ch. A. Elizabethan Maritime Community // The Social History of English Seamen, 1485–1649 / Ed. by Ch.A. Fury. Woodbridge; The Boydell Press, 2012. P. 117.

[2] Fury Ch. A. Elizabethan Maritime Community. P. 119-120.

нимаясь морским ремеслом большую часть жизни, они и сами воспринимали себя в качестве «простых людей… [с] таким же умением»[1]. Но и эта категория включала в себя довольно большие группы сильно различающиеся между собой людей. Некоторые рассматривали море в качестве единственного источника пропитания и поэтому постоянно нанимались на тот или иной корабль, иные же окончательно не порывали со своими занятиями на суше и лишь время от времени участвовали в морских походах.

Многие представители данного слоя часто имели долги. Они располагали деньгами только пока находились на кораблях, но как только плавание заканчивалось, и они сходили на берег, все заработанное, как правило, быстро тратилось на раздачу долгов, выпивку и разгульную жизнь. Это подтверждает, например, канонир Николас Уильямс утверждающий, что деньги у них водились, но лишь пока они были в море, на берегу же они всегда находились в нищете и нужде[2].

В Англии XVI в. не существовало каких-либо гильдий или иных официальных организаций, объединяющих тех, кто связал свою жизнь с морем. Особенно отсутствие внутренней и внешней регуляции было необычным для высокопрофессиональной группы, такой как морская элита. Так или иначе, все английские моряки, будь то получившие обучение представители привилегированной группы или те, кто научился всему сам, являлись свободными агентами, которые при заключении устного договора на участие в плавании могли самостоятельно оговаривать время и условия найма. При этом условия найма были глубоко индивидуальны и зависели от множества факторов, среди которых были как тип плавания и текущая ставка оплаты, так и мастерство конкретного моряка, его опыт и репутация[3]. На протяжении века востребованность

[1] The National Archives. High Court of the Admiralty. 13 / 35 / 382.

[2] TNA. HCA. 14 / 27 / 144; I / 45 / 175; I / 44 / 17; I / 45 / 184.

[3] Andrews K.R. The Elizabethan Seamen. P. 254-255.

в людях, знакомых с морским ремеслом, лишь повышалась. Хотя некоторые из них имели узкую специализацию, существовал довольно мощный трафик «работяг» между различными секторами морского сообщества. Например, вчерашний рыбак или лодочник мог запросто заключить договор и уйти в плавание матросом на торговом корабле.

Безусловно, такая свобода морского сообщества формировала и довольно специфическую культуру, одной из черт которой было смешение индивидуализма и групповой солидарности. Как индивидуалисты моряки искали наибольшую выгоду для себя, но при этом они действовали совместно ради успешного завершения плавания. Как правило, на борту корабля существовал консенсус, основанный на общем наборе как самих ожиданий, так и ожидания того, что те, кто обладает властью, попытаются их оправдать в обмен на послушание нижестоящих. Этот консенсус, в свою очередь, укреплял веру моряка в свою независимость и силу. Действительно, сама специфичность труда, который выполняли люди на борту, давала им те рычаги, которые они использовали против имеющих власть. И моряки не стеснялись формулировать перед командирами свои собственные нужды и потребности. Традиция консультаций и уступок между корабельными управляющими и командами не на военных кораблях была довольно сильна[1]. Управляющий или капитан имели право решающего слова, но каждый моряк имел право голоса в итоговом решении в коммерческом или каперском предприятии[2]. И рядовые соглашались признавать власть офицеров в обмен на признание и соблюдение их прав. Мудрый командир всегда поддерживал патриархальный образ власти, поскольку понимал, что в случае нарушения морских обычаев или ожидания своих подчиненных, он может лишиться их поддержки.

---

[1] Fury Ch. A. Tides in the Affairs of Men… P. 54-65.

[2] Andrews K.R. Elizabethan Privateering. English Privateering during the Spanish War 1485–1603. Cambridge, 1964. P. 41.

Жизненно важным звеном в отношениях между управляемыми и властью была подача петиций. Они могли быть письменными или устными и задумывались для того, чтобы обозначить проблему. В случае отсутствия на петицию ожидаемой реакции протест мог принять менее мирную форму. Для находившихся на суше он часто мог выражаться в невозвращении на корабль даже при угрозе потери оплаты, поскольку нанятые моряки расценивали отсутствие реакции на свой протест как отказ нанимателей или командующих соблюдать договор. Для последних это было чревато проблемами с наймом новой команды, ибо слухи о несоблюдении соглашений разносились мгновенно, а репутация в морской среде значила много. В открытом море протест мог принять самые разные формы — от отказа выполнять работу до открытого бунта и разграбления товара на купеческом корабле или приза на каперском. В любом случае нарушение консенсуса несло огромную опасность и убытки как для офицеров, так и для владельцев судна и товара.

Но в целом, пока согласие действовало, моряки, несмотря на их плохую репутацию, представляли собой довольно законопослушную группу населения. Их криминальный рейтинг был средним, и они были более грамотны, чем их современники на берегу[1]. Трудно сказать, чем объяснялась их более высокая грамотность. В случае тех, кто прошел официальную систему ученичества, ее источники были понятны, а вот в случае остальных — менее ясны. Быть может, скука на корабле и существование в замкнутом пространстве подталкивали моряков к чтению, играм и музыке. Это подтверждают многочисленные находки, обнаруженные на борту затонувшего в 1545 г. Mary Rose. Возможно, как предполагает Д. Лоудз, море было убежищем для грамотных бездельников, использующих возможность сбежать от врагов или кредиторов[2].

---

[1] Loades D. The English Maritime Community. 1500–1650. P. 14.
[2] Ibidem.

Так или иначе, моряки умели отстаивать свои права, и в этом смысле они были типичными трудягами раннего Нового времени. Их профессиональное сознание развивалось, несмотря на то, что они не имели своей гильдии[1].

И действительно, несмотря на отсутствие своей организации и размытость границ социальной группы, подавляющая часть морской братии сохраняла свой уникальный характер благодаря тому, что жизнь моряков была довольно специфична, да и их труд в море был отделен от жизни на берегу. Они являлись изолированным сообществом, часто участвовали в совместных приключениях как на борту, так и сходя на иноземный берег. У них была своя, общая субкультура жизни, постепенно формировался особый язык, они легко понимали друг друга и осознавали свое отличие от других. И не случайно в этом отношении моряка на берегу часто сравнивают с рыбой, выброшенной на берег, которая желает возвращения в родные глубины.

Труженик моря являлся более автономным и мобильным членом рабочей силы раннего Нового времени. Он мог покинуть корабль, пожертвовать своей оплатой, но, в отличие от работяги на суше, ему не приходилось собирать семью или разрушать налаженную жизнь на берегу. Во многом эта свобода от внутренних и внешних ограничений и формировала природу морского сообщества.

Но за свою свободу, которой моряки всегда гордились и очень дорожили, конечно приходилось и расплачиваться, ведь отсутствие гильдии или иной организации оставляло их без защиты. Особенно это стало заметно в годы активизации военных действий флота 1585–1603 гг., когда власти воспользовались своим правом и объявили сбор призывников. Морякам пришлось иметь дело не с частником, а с государством. Многие пытались избежать низкооплачиваемой и не дающей возможностей дополнительных доходов службы в королевском военном флоте, сопряженной с лишениями и

[1] Fury Ch. A. Elizabethan Maritime Community. P. 123.

опасностями, но сделать это без организации, способной отстаивать их права и интересы, было довольно затруднительно. Когда один из таких призывников юный Уильям Роджерс попал в беду из-за попытки уклониться от службы, он заявил властям, что (как и большинство моряков) глубоко возмущен необходимостью «выходить в море против своей воли»[1]. Уолтер Рэли подтверждал, что моряки служат своему монарху «с огромным недовольством» и рассматривают военно-морскую службу подобием галерного рабства[2].

Атака на традиционные обычаи и устоявшиеся практики морского сообщества стала одним из последствий начала войны. В военных условиях командующие имели санкционированную государством власть, поэтому не испытывали особых угрызений совести, грубо нарушая традиции и обычаи. Многие капитаны королевских военных кораблей не только не хотели, но подчас и не могли слышать традиционный голос моряка на борту корабля. Они, в отличие от корабельных управляющих на частных судах, скорее были склонны требовать четкого выполнения приказов нижестоящими, не стремились к поддержке консенсуса, что входило в противоречия с ожиданиями набранной команды.

Военно-морская обязанность моряков, помимо лишения их обычных свобод и привилегий на борту, лишала их и самой возможности определять время и условия найма. Не удивительно, что новые условия вызывали возмущение и протест. Многие пускались в бега. В марте 1590 г. была предпринята попытка ограничить передвижения моряков границами их родных портов на тот случай, если Короне потребуется их служба. Это был сильный удар по средствам к существованию каждого человека[3]. Но последовавшая реакция, видимо, напугала власть еще больше, так что вскоре распоряжение было отозвано.

---

[1] TNA. HCA. 13 / 25 / 176v, I / 44 / 2-3, 13 / 28 / 8.
[2] Fury Ch.A. Tides in the Affairs of Men… P. 27.
[3] TNA. SP. 12 / 231 / 46.

Еще одним негативным для моряков следствием отсутствия гильдии являлась невозможность защитить себя от конкуренции со стороны тех, кто не имел отношения к морю, но готов был работать практически бесплатно. Особо большой приток таких людей на каперские и купеческие корабли пришелся последнюю треть столетия. Современник событий и автор военно-морских трактатов Уильям Монсон утверждает, что только благодаря популярности каперства «число моряков и матросов увеличивается втрое»[1]. Они, не успевшие воспринять морские традиции обычаи и еще не ставшие носителями морской «культуры свободы», ослабляли голос моряков и нарушали традиционное равновесие на борту судна, что наносило удар по «морской демократии средневековья»[2]. Часть из таких людей попадала и на военный флот, что также ослабляло позиции моряков в их требованиях блюсти традиции консенсуса и в целом ухудшало статус матросов на борту военного корабля.

Но оказавшись на корабле и попав в списки, даже в новых непривычных для себя условиях моряки хоть и ворчали, но в целом выполняли свои обязательства перед королевой и практически не пытались силовым путем изменить условия службы. Это конечно не касалось жалоб. Практика подачи петиций была перенесена в военный флот. Несмотря на более ограниченные возможности для выражения своего недовольства, моряки ворчали до тех пор, пока к ним не прислушивались. Если верить их командующим, моряки были постоянными жалобщиками и предъявителями различных устных и письменных требований[3]. Государственные бумаги изобилуют прошениями лорда-адмирала и других высокопоставленных офицеров к Короне за вверенных им моряков.

---

[1] The Naval Tracts of Sir William Monson… Vol. IV. P. 21.

[2] Andrews K.R. Trade, Plunder and Settlement: Maritime Enterprise and the Genesis of the British Empire 1480–1630. Cambridge, 1984. P. 206; Andrews K.R. Elizabethan Privateering… P. 40-41, 234-235.

[3] Fury Ch. A. Elizabethan Maritime Community. P. 122.

Такие петиции редко приветствовались, но они гораздо менее пугали королеву и ее советников, чем возможные бунты. На что способны в случае открытого попирания их свободы или в случает угрозы их жизни моряки власть хорошо понимала, ведь вместе с собой на военный флот они несли и практику протестов[1]. Некоторые уступки этому глубоко укоренившемуся морскому обычаю можно рассматривать как попытку избежать бунтов. Инструкции для английского королевского флота 1589 г. позволяли командам «делать выбор из двух или трех наиболее достойных людей, чтобы подавать жалобу в цивилизованной манере, а не в бунтарском и нецивилизованном виде»[2].

Особое раздражение моряков вызывали командующие, пришедшие в военный флот делать карьеру, но не имевшие опыта хождения в море[3]. На кораблях они часто оказывались благодаря своим хорошим связям в обществе и при дворе[4]. Факт того, что среди капитанов и управляющих кораблями в последней четверти XVI в. оказалось множество неподготовленных джентльменов, вызывал неприятие не только в среде простых моряков, но и у представителей военно-морской администрации, в это время состоявшей из людей, имевших богатый опыт морских экспедиций, а также и у опытных мореплавателей. Сэр Уолтер Рэли, например, открыто выражал свое презрение к землевладельцам, которые получали назначение во флот «благодаря кошельку» и «особой милости королевы»[5].

Конечно опытные командующие понимали, что открыто попирать специфическую и укоренившуюся культуру, которую моряки несли на военный флот, опасно. «Я благо-

[1] State Papers Relating to the Defeat of the Spanish Armada. Vol. I. P. 96, 198, 273; Vol. II. P. 96, 183, 283.

[2] The Naval Tracts of Sir William Monson… Vol. IV. P. 197.

[3] Ibidem. Vol. III. P. 437.

[4] Fury Ch. A. Tides in the Affairs of Men… P. 101.

[5] Raleigh, sir Walter. Judicious and Select Essays and Observations... P. 4.

дарю Бога, что пока нас не беспокоят никакие мятежи... ибо я вижу, что люди, с которыми обращаются по-доброму, будут терпеть нужду и проходить сквозь огонь и воду», — писал лорд-адмирал Говард[1].

Во многих случаях бунта не удавалось избежать. Атмосфера на военных кораблях отличалась напряженностью. Недовольство скудным питанием, плохой одеждой, отсутствием достойной и постоянной оплаты, открытым нарушением обычаев и традиций морского сообщества усугублялось и отсутствием перспективы «освобождения» в условиях затяжных кампаний. Среди людей, собравшихся произвольно, часто нездоровых, месяцами запертых в строго ограниченном пространстве, под воздействием накопившейся озлобленности вспыхивали страсти.

Ссоры и бунты сказывались и на репутации морского сообщества. Современники, наблюдавшие внешнюю сторону жизни моряков, верили, что они вставали на неправильную дорожку по причине лени, безделья и нужды[2]. Без сомнения, в глазах окружающих они являлись буйной и весьма опасной силой. Их репутация в течение тюдоровской эпохи, по общему признанию, «никогда не являвшаяся слишком уж высокой... опускается до надира», и конечно же те, кто имел власть, были щедры на свои оскорбительные суждения[3]. Те, чьим уделом была жизнь на суше, редко знали моряка с его лучшей стороны; его видели сошедшим на берег буйными расточителем денег, проводящим краткие часы своего досуга в приступах пьянства и неустанной погоне за женщинами. Джеффри Скаммелл утверждает, на протяжении XVI в. воздействие моряков на общество было более значительным и довольно агрессивным[4]. С этим, пожалуй, можно согласиться. В тюдоровской Англии моряков действительно расцени-

[1] Цит. по: Fury Ch. A. Tides in the Affairs of Men… P. 62.
[2] TNA. HCA. I / 42 / 18; I / 42 / 20; I / 43 / 12; I / 44 / 17.
[3] Scammell G.V. The Sinews of War… P. 360.
[4] Ibid.

вали как носителей болезней и источник беспорядка. Те, кто обладал властью утверждали, что моряки были «необученными и неукротимыми существами», «у которых отсутствует как разум, так и послушание»[1]. Не удивительно, что на кораблях действовали довольно жесткие сохранившиеся со времен Средневековья законы Олерона.

Как покажет история, в первой половине XVII в. как бунты, так и менее радикальные формы протеста постепенно станут довольно действенными и часто применяемыми моряками способами решения проблем. Ричард Хоукинс, служивший как и его старший брат казначеем флота, довольно ярко сравнит матросов с неуправляемыми лошадьми, «которые, закусив узду, принуждают наездника подчиняться их воле»[2]. Распространению радикального протеста не смогут помешать ни указы об обязательных посещениях командой богослужений, ни многочисленные запреты, среди которых запрет на провоцирующие, как считалось, удовольствия — на спиртное, ругань, азартные игры и грязные связи[3]. В большинстве случаев протест будет индивидуальным или протестом малых групп, например, команд кораблей, но в особых обстоятельствах он будет принимать массовый характер. Постепенно моряки начнут понимать, что их сила заключается в единстве, они все чаще будут демонстрировать ее Короне. Капитан Натаниэль Батлер будет отзываться о них как о пациентах с угрюмой натурой и утверждать, что в любом незначительном случае у них нет ничего более готового во рту, чем мятежный морской клич «Один и все»[4]. Дабы избежать наказания лидера или зачинщика, они станут подписываться методом «круглого Робина», т.е. ставить свои подписи по кругу, не давая возможность властям понять, кто подписался первым.

---

[1] The Naval Tracts of Sir William Monson… Vol. III. P. 388; Andrews K.R. The Elizabethan Seamen. P. 246.

[2] The Great Enterprise... P. 33.

[3] Scammell G.V. The Sinews of War… P. 359.

[4] Boteler's Dialogues. P. 44.

Таким образом, несмотря на то, что английский королевский флот, на протяжении XVI столетия превратился в постоянно действующий институт, доказавший свою эффективность в годы открытого англо-испанского военного противостояния, государственная система подготовки моряков так и не была разработана. Разросшееся морское сообщество продолжало во многом носить черты архаичности, уходящей своими корнями в Средневековье. При этом у моряков отсутствовала обычно свойственная средневековым сообществам гильдейская организация, способная отстаивать их интересы и гарантировать защиту. С одной стороны, это приводило к ухудшению их положения в условиях войны, с другой, порожденные отсутствием организации и спецификой их труда индивидуализм и свобода со временем все активнее побуждали моряков выражать протест на нарушения их обычаев и традиций со стороны власти.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Источники

Acts of the Privy Council of England / Ed. by J.R. Dasent. L., 1899. Vol. XVIII.

Acts of the Privy Council of England / Ed. by E.G. Atkinson. L., 1921. Vol. XXXIII.

Bodleian Library. Rawlinson MSS.

Boteler's Dialogues / Ed. by W.G. Perrin. L., 1929.

Collection of Admiralty Statutes, 1274–1741. L., 1755.

Letters and Papers, Foreign and Domestic, Henry VIII / Ed. by J. Gairdner, R.H. Brodie. L., 1895. Vol. XIV. Pt. 2.

Raleigh, sir Walter. Judicious and select essayes and observations by that renowned and learned knight, Sir Walter Raleigh: upon the first invention of shipping, the misery of invasive warre, the Navy Royall and sea-service: with his Apologie for his voyage to Guiana L., 1650.

State Papers Relating to the Defeat of the Spanish Armada. 2 Vols / Ed. by J.K. Laughton. L, 1987.

Statutes of the Realm / Ed. by A. Luders, T.E. Tomlins. L., 1817. Vol. 3. P. 545, 668, 857.

The Great Enterprise. The history of the Spanish Armada as revealed in contemporary documents / Ed. by S. Usherwood. L., 1978.

The National Archives. High Court of the Admiralty.

The National Archives. State Papers.

The Naval Tracts of Sir William Monson. In six books. 5 Vols. / Ed. by M. Oppenheim. L., 1902–1913.

Tudor Royal Proclamations. 3 Vols. / Ed. by P.L. Hughes, J.F. Larkin. New Haven, London, 1964–1969.

Исследования

Andrews K.R. The Elizabethan Seaman // The Mariner's Mirror. 1982. Vol. 68. № 3. P. 245-262.

Andrews K.R. Elizabethan Privateering. English Privateering during the Spanish War 1485–1603. Cambridge, 1964.

Andrews K.R. Trade, Plunder and Settlement: Maritime Enterprise and the Genesis of the British Empire 1480–1630. Cambridge, 1984.

Clarkson L. A. The Pre-Industrial Economy of England, 1500–1750. L., 1972.

Cruickshank C.G. Elizabeth's Army. L., 1966.

Dyer F.E. The Elizabethan Sailorman // Mariner's Mirror. 1924. Vol. 10. №. 2. P. 133-146.

Fury Ch.A. Elizabethan Maritime Community // The Social History of English Seamen, 1485–1649 / Ed. by Ch.A. Fury. Woodbridge, 2012.

Fury Ch.A. Health and health care at sea // The Social History of English Seamen, 1485–1649 / Ed. by Ch. A. Fury. Woodbridge, 2012.

Fury Ch.A. Tides in the Affairs of Men: The Social History of the Elizabethan Seamen, 1580–1603. Westport, 2002.

Loades D. The English Maritime Community. 1500–1650 // The Social History of English Seamen, 1485–1649 / Ed. by Ch.A. Fury. Woodbridge, 2012. P. 5-26.

Loades D. The Tudor Navy. An administrative, political and military history. Aldershot, 1992.

Martin C., Parker G. The Spanish Armada. Manchester, 1999.

Oppenheim M. A History of the Administration of the Royal Navy and of Merchant Shipping in Relation to the Navy from 1509 to 1660. L., N.Y., 1896.

Politt R. Bureaucracy and the Armada: the Administrator's Battle // Mariner's Mirror. 1974. № 60. P. 119-132.

Rodger N.A.M. The Safeguard of the Sea: A Naval history of Britain. Vol. I. L., 1997.

Scammell G.V. Manning the English Merchant Service in the Sixteenth century // The Mariner's Mirror. 1970. Vol. 56. № 2. P. 131-154.

Scammell G.V. The Sinews of War: Manning and provisioning English fighting ships c. 1550–1650 // The Mariner's Mirror. 1987. Vol. 73. №. 4. P. 351-367.

Л.Н. Чернова
(Саратов)

ЛОНДОНСКИЙ ПОРТНОЙ XV ВЕКА РАЛЬФ ХОЛЛАНД И ПОПЫТКИ РЕФОРМИРОВАНИЯ ГОРОДСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

Желание воссоздать биографии «простых» людей, к тому же живших в далеком XV в., наталкивается на очень серьезное препятствие в виде почти полного отсутствия источников личного происхождения. Вследствие этого персонажи «второго плана» фактически лишены своего голоса и визуальных образов и выступают как «силуэты на фоне эпохи», в большей мере проявляя ее характер, чем свой собственный.

Большим подспорьем для исследователя, стремящегося избавить от полного забвения того или иного «простого» человека из прошлого, является биографический метод. Потенциал его применения значительно расширился с конца XX в. благодаря тенденции к персонализации предмета истории и появлению «новой биографической», или «персональной», истории [1]. В рамках этого направления стало достижимым выявление частного, уникального в конкретных человеческих судьбах и одновременно — полного спектра

[1] Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С. 291.

возможностей, которыми располагает человек в границах определенного культурно-исторического контекста. Личность предстает перед исследователем и читателем не изолированной, а взаимодействующей с другими личностями, со своей социальной средой, с окружающим миром в самых разных его проявлениях[1].

В центре нашего исследования находится персонаж «второго плана» — лондонский ремесленник-портной XV в. Ральф Холланд, который, реализуя собственные амбиции и стремления, не только последовательно продвигался по карьерной лестнице в городском управлении, но и стал самым заметным лидером оппозиции, противостоявшей ущемлению свобод полноправных горожан-фрименов, прежде всего, из числа ремесленников. В модели поведения этого человека отразились глубинные противоречия в городском социуме Лондона, основанные на столкновении интересов тех, кто своими руками производил те или иные изделия, и тех, кто доминировал на рынке.

Как показывает история средневекового Лондона, важнейшим фундаментом процветания этого города служила торговля, что обусловливалось фактором Темзы и, в целом, его удачным географическим положением с удобным выходом к морю. Лондон располагался на большом перекрестке, где сходились торговые пути из Скандинавии, Прибалтики, Северного моря, Атлантического побережья[2].

О значении Лондона как торгового центра свидетельствуют многочисленные факты. Приведем лишь наиболее показательные. Уже в начале XIV в. треть всех товаров, экспортируемых из Англии, погружалась на корабли с набережных столицы. А к середине столетия, когда английские купцы смогли захватить бóльшую часть торговли шер-

[1] Там же. С. 289-290.

[2] Чернова Л.Н. Под сенью Святого Павла: деловой мир Лондона XIV–XVI вв. М.; СПб., 2016. С. 40.

стью, потеснив итальянцев[1], через лондонский порт проходило более трети всего экспорта шерсти, и почти половина его находилась непосредственно в руках столичных купцов[2]. Возрастала доля Лондона и в экспорте английского сукна: в 1356–1358 гг. она составляла 12%, в 1392–1395 гг. — 32%, а в 1485–1490 гг. достигла 70%[3]. На протяжении XIV в. лондонские меховщики взяли под свой контроль торговлю кожей и мехами[4], и торговля вином почти полностью перешла в руки столичных купцов[5].

Лондон играл важнейшую роль и во внутреннем обмене, его притяжение ощущалось по всему королевству. Большой известностью повсеместно пользовались лондонские рынки — Чипсайд, Грасчерч, Корнхилл, Биллинсгейт, Лиденхолл, Уэстчип, Истчип и Смитфилд (располагался в ближайшем городском предместье), где продавались самые разнообразные товары[6].

Неудивительно, что именно представители «Двенадцати Больших ливрейных компаний» Лондона, в которых преобладал купеческий капитал, монополизировали городское управление. На протяжении XIV–XV вв. они занимали ключевые должности мэра, шерифов, олдерменов и пр. в столичном муниципалитете. Разработка и практическое воплощение политики городских властей почти безраздельно являлись полем деятельности торговцев предметами роско-

---

[1] Power A. The wool Trade in the fifteenth century // Studies in English Trade in the Fifteenth Century. N. Y., 1933. P. 55.

[2] Репина Л.П. Сословие горожан и феодальное государство в Англии. М., 1979. С. 43, 46.

[3] Barron C.M. London 1300–1540 // The Cambridge Urban History of Britain. Vol. 1: 600–1540 / Ed. by D.M. Palliser. Cambridge, 2000. P. 412.

[4] Veal E.M. The English Fur Trade in the Later Middle Ages. Oxford, 1966. P. 228.

[5] Barron C.M. London 1300–1540. P. 412-413.

[6] Hugh Alley's caveat: The Markets of London in 1598 / Ed. by I. Archer. L., 1988. P. 4.

ши (mercers), импортировавших дорогие шелковые и бархатные ткани и аксессуары, бакалейщиков (grocers), уже в XIV в. поглотивших торговцев пряностями, торговцев тканями (drapers), которые занимались реализацией шерсти и сукна, преимущественно шерстяного, а также торговцев рыбой (fishmongers), ювелиров (goldsmiths), отвечавших за проверку качества золота и серебра, регулировавших работу золотых дел мастеров и поставлявших на рынок произведенные ими изделия, меховщиков (**skinners**), специализировавшихся на дорогостоящем импорте меха, торговцев готовым платьем (merchant taylor's), галантерейщиков (haberdashers), контролировавших производство и продажу тканей, швейных изделий, лент, перчаток, булавок, колпаков и шляп, торговцев солью (**salters**), торговцев железными изделиями (**ironmongers**), торговцев вином (**vintners**). Принадлежность лондонских олдерменов и избиравшихся из их числа мэров и шерифов к корпорациям, в том числе ведущим ливрейным компаниям, XIV–XV вв. представлена в Табл. 1[1].

ТАБЛИЦА 1

ДОЛЖНОСТНЫЕ ЛИЦА
ЛОНДОНСКОГО МУНИЦИПАЛИТЕТА В XIV–XV ВЕКАХ

Название торговой компании / ремесленной гильдии	Количество олдерменов		Количество мэров		Количество шерифов	
	XIV в.	*XV в.*	*XIV в.*	*XV в.*	*XIV в.*	*XV в.*
Торговцы предметами роскоши	42	41	14	22	36	37
Бакалейщики, в т.ч. торговцы пряностями	43	31	14	15	27	27

[1] Составлена по: Beaven A.B. Aldermen of the City of London. L., 1908. Vol. 1. P. 336-357, 379-404; L., 1912. Vol. 2. P. 1-20.

Торговцы тканями	30	34	10	14	19	27
Торговцы рыбой	40	14	9	8	29	13
Ювелиры	19	16	5	7	11	14
Меховщики	15	13	2	3	12	10
Торговцы вином	14	2	4	-	10	1
Торговцы железными изделиями	4	7	-	1	2	6
Торговцы готовым платьем, в т.ч. портные	-	8	-	1	-	5
Торговцы шерстью	5	-	-	-	-	-
Канатчики	4	-	-	-	-	-
Галантерейщики	-	3	-	1	-	3
Торговцы солью	-	3	-	-	-	3
Торговцы кожей	1	-	-	-	-	-
Изготовители восковых свечей	1	-	-	-	-	-
Оружейники	1	-	-	-	-	-
Вышивальщики	1	-	-	-	-	-
Шорники	-	1	-	-	-	-
Всего	220	173	58	72	146	146

Необходимо учесть несколько моментов. Во-первых, принадлежность олдерменов к фрименской купеческой элите. Вышивальщики, канатчики, оружейники, изготовители (они же продавцы) восковых свечей и шорник — это лишь редкие исключения из общего правила, никоим образом его не отменяющие. Во-вторых, как правило, пожизненное, а в более чем 66 % случаев наследственное[1] пребывание в должности олдерменов. В-третьих, избрание мэров Лондона

[1] Platt C. The English Medieval Town. L.; Toronto; Sydney; N. Y., 1979. P. 121.

исключительно, а шерифов преимущественно из числа олдерменов[1]. Из всего этого напрашивается логичный вывод о монополизации власти в городе именно богатым и влиятельным купечеством.

Но Лондон был не только потребляющим и распределяющим, но и важным производящим центром[2]. По числу ремесленных специальностей он, очевидно, превосходил остальные английские города. По крайней мере, для XV в. исследователи насчитывают здесь от 111[3] до 180[4] гильдий ремесленников. В Лондоне и его ближайшей округе процветали ремесла, связанные со строительством, выделкой кожи и меха и изготовлением самых разнообразных изделий из них, пошивом, отделкой и украшением одежды и отдельных ее аксессуаров (чулок, носок, перчаток и пр.), развивались дерево- и металлообработка, ювелирное дело, производство тканей, изготавливался чрезвычайно широкий ассортимент потребительских товаров — продуктов питания, мебели, посуды, прочей утвари и предметов домашнего обихода[5], столь необходимых жителям этого города.

Однако ремесленные гильдии, не столь богатые, как торгово-купеческие компании, несмотря на общественную значимость их труда, в массе своей были отстранены от активного участия в управлении городом. Порождаемое такой практикой чувство несправедливости, ощущение некой дискриминации распространялись на отношение ко всей системе городского управления Лондона и неизбежно продуцировали противоречия и конфликты.

Наиболее острое столкновение, свидетельствовавшее о

---

[1] Munimenta Gildhallae Londoniensis. Liber Albus, Liber Custumarum, et liber horn: in 3 vols. / Ed. by Th. Riley. L., 1859. Vol. 1: Liber Albus. Pts. 1–2. P. 4, 12 (Далее — Liber Albus).

[2] Barron C.M. London 1300–1540. P. 426.

[3] Unwin G. The Gilds and companies of London. L., 1938. P. 167.

[4] Patten J. English towns, 1500–1700. Folkestone, 1978. P. 183.

[5] Barron C. M. London in the Later Middle Ages: Government and People 1200–1500. Oxford, 2004. P. 65-75, 218-223.

глубоком расколе в лондонском обществе, произошло между портными (тейлорами) и торговцами тканями (дрейперами) Лондона в 1438–1444 гг. Именно с этим конфликтом, корни которого уходят в предыдущее столетие, и оказался связан наш герой — Ральф Холланд.

В XIV в. эти две корпорации мирно уживались, каждая — в пределах собственных профессиональных занятий. Портные изготавливали ткани и шили из них, кроме прочего, мягкие льняные туники, надевавшиеся под доспехи. А лондонские дрейперы занимались покупкой и продажей тканей, преимущественно шерстяных.

На XIV столетие приходится институализация этих двух корпораций, хотя темпы и результаты этого процесса были не одинаковы. Портные Лондона 10 марта 1327 г. получили хартию от Эдуарда III, по которой им разрешалось раз в год созывать общее собрание своей гильдии, «как это было издавна принято… чтобы управлять своим ремеслом»[1], осуществлять поиск некачественных изделий, а также наказывать нарушителей «для общего блага людей указанного города»[2], подчиняясь при этом мэру Лондона.

В 1390 г. грамоту портным пожаловал Ричард II: им было предоставлено право избирать мастера и четырех смотрителей «из своей среды так часто, как им заблагорассудится, или это будет необходимо… проводить собрания и устраивать праздник в день Св. Иоанна»[3], а также издавать ордонансы, «как им (мастерам и смотрителям. — *Л. Ч.*) «по-

[1] Edward the 3rd's Charter, 10th March 1326 // Memorials of the Guild of Merchant Taylors of the Fraternity of St. John the Baptist in the City of London / Ed. by C.M. Clode. L., 1875. — http://www.british-history.ac.uk/no-series/taylors-guild-london/pp188-198 (ноябрь, 2021) (Далее — Memorials of the Guild of Merchant Taylors).

[2] Ibid.

[3] Richard the 2nd's Charter, 30th July 1390 // Memorials of the Guild of Merchant Taylors. — http://www.british-history.ac.uk/no-series/taylors-guild-london/pp188-198 (ноябрь, 2021).

кажется наиболее целесообразным для лучшего управления братством»[1].

Наконец, Генрих IV в 1407 г. учредил гильдию портных («мастер и смотрители и упомянутое братство могут быть постоянной корпорацией на вечные времена»[2]), разрешил им использовать общую печать (*Common Seal*) и владеть землей годовой стоимостью 100 ф. *«Мы подтверждаем упомянутому мастеру и смотрителям и их преемникам, что они навечно владеют землями, жилыми помещениями, ежегодными рентами и другим* имуществом, которое до сих пор было приобретено ими или их предшественниками, или любыми другими лицами, кем бы они ни были в этом братстве»[3].

Что касается торговцев тканями Лондона, то только в 1364 г. они впервые получили жалованные грамоты. Им была предоставлена монополия на покупку и продажу тканей в городе, а также право избирать четырех смотрителей, призванных управлять мистерией, если потребуется, то при помощи мэра и шерифов[4].

Скорее всего, в первой половине XV в. портные были более влиятельной и официально зарегистрированной гильдией, нежели торговцы тканями. Возможно, уже в конце XIV в. они располагали собственным гильдейским зданием, тогда как дрейперы начали строить свой Гилдхолл только в 1425 г. Кроме того, в 1413 г. доход от лондонской собственности гильдии портных составлял 44 ф. 3 ш. 7 п., а доход торговцев тканями — всего 22 ф. 13 ш. 6 п.[5]

Тем не менее, портные занимали подчиненное положе-

---

[1] Ibid.

[2] Henry 4th's Charter, 2nd August 1407 // Memorials of the Guild of Merchant Taylors. — http://www.british-history.ac.uk/no-series/taylors-guild-london/pp188-198 (ноябрь, 2021).

[3] Ibid.

[4] Johnson A.E. The History of the Worshipful Company of the Drapers of London. L., 1914. Vol. I. P. 204-208.

[5] Johnson A.E. The History of the Worshipful Company of the Drapers of London. L., 1914. Vol. I. P. 128.

ние в городском управлении. В период с 1403 по 1435 гг. (когда Ральф Холланд стал олдерменом) в лондонской Ратуше не было олдерменов-портных и, следовательно, не было и мэров, принадлежавших к этой гильдии[1]. В то же время из числа торговцев тканями были избраны 10 олдерменов, 5 из которых стали мэрами[2].

Более того, портные оказались в экономической зависимости от торговцев тканями, поскольку последние обладали монополией на покупку и продажу шерстяной ткани в Лондоне. Фактически лондонские торговцы тканями были посредниками, через которых портные могли выходить на рынок. Понятно, что сложившаяся ситуация вызывала недовольство тейлоров, которое рано или поздно грозило выплеснуться наружу. Человеком, сумевшим саккумулировать и идейно оформить вызревавший протест ремесленников-портных, стал Ральф Холланд.

К сожалению, мы очень мало знаем о нем. Возможно, Ральф Холланд родился в конце XIV в. в Суррее, в приходе Ньюингтон, расположенном на пересечении дорог, ведущих от Лондонского моста в Кент (через Пекхэм) и в Суррей (через Кеннингтон и Стритхэм)[3]. О его родителях совсем ничего не известно. Незадолго до 1419 г. он женился на некой Матильде, которая была допущена в ливрею компании торговцев тканями. Ральф упоминает о ней как об умершей жене в своих завещаниях, датированных 2 мая[4] и 3 мая 1452

[1] Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 345.

[2] Ibid. P. 340.

[3] Parishes: Newington // A History of the County of Surrey: in 4 vols. / Ed. by H. E. Malden. London: Published by Constable & Co, Victoria History of the Counties of England, 1912. Vol. 4. — http://www.british-history.ac.uk/vch/surrey/vol4/pp74-77 (ноябрь, 2021).

[4] Holand (Ralph) // Calendar of Wills Proved and Enrolled in the Court of Husting, London: in 2 pts. / Ed. by R.R. Sharpe. London, 1890. Pt. 2: 1358–1688. P. 525-526 (Далее — Calendar of Wills).

года[1]. В браке с этой женщиной у него был, по крайней мере, один сын, тоже Ральф. Можно утверждать, что отпрыск Холланда также входил в гильдию портных, в 1435–1436 гг. даже вступил в ливрею, но, судя по всему, умер раньше своего отца. По крайней мере, уже в самом раннем завещании Ральфа Холланда-старшего, которое он составил 24 октября 1445 г., упоминаний о сыне, как, впрочем, и о других родственниках, нет[2].

В документах лондонских корпораций имя Ральфа Холланда впервые встречается в записях компании дрейперов за 1413–1414 гг. В это время он занимал там достаточно прочное положение, поскольку смог взять на обучение ученика — Томаса Холма. Однако, уже в 1414–1416 гг. Холланд вступил в ливрею гильдии портных, заплатил 20 ш., а в 1419 г. был избран мастером этой корпорации. В это же время его имя все еще встречается в записях компании торговцев тканями: он внес 40 ш. на строительство гильдейского здания этой корпорации. Даже в завещании 1445 г. Ральф Холланд обозначен как дрейпер[3], хотя очевидно, что к этому времени он полностью воспринимал себя членом гильдии портных, с которой отождествлял свои интересы. Так или иначе, но Холланд принадлежал к обеим корпорациям одновременно. Благо, что действовавшее в городе право на совмещение профессий давало такую возможность. В ситуации, в которой оказались гильдия портных и компания торговцев тканями в начале XV в., такое поведение Холланда представляется вполне естественным. Как человек, видимо, честолюбивый и обладающий необходимыми материальными возможностями, он предпочел стать не только портным, но и торговцем тканями, пользуясь привилегиями обоих братств.

Свое несогласие с политикой городского правительства Ральф Холланд стал демонстрировать довольно рано. Со-

[1] Holand (Ralph), citizen and tailor // Calendar of Wills. P. 526.
[2] Holand (Ralph), draper // Calendar of Wills. P. 563-564.
[3] Ibid.

хранилось свидетельство того, что 5 сентября 1426 г. его заключили в тюрьму за критику мэра Лондона, якобы притеснявшего портных[1]. На этот раз Ральф отделался лишь предупреждением, на что, впрочем, не обратил должного внимания. Кстати, это первое упоминание о Холланде в общегородских записях.

Уже совсем скоро сама городская власть предоставила Холланду новый шанс для выражения его взглядов. 8 октября 1426 г. мэр переиздал королевский указ 1315 г., касавшийся порядка избрания мэра и шерифов Лондона. Согласно ему, на выборах шерифов 21 сентября и мэра 13 октября могли присутствовать только специально приглашенные для этого горожане (по 4 представителя от каждого административного округа[2]), а не все фримены: «несколько наиболее зажиточных и знающих горожан» поименно вызывались на выборное собрание и избирали там мэра и шерифа[3]. Таким образом отменялась уже привычная для лондонцев практика присутствия на выборах всех заинтересованных полноправных горожан. Очевидно, что мэр и олдермены, возвращаясь к прежней электоральной процедуре, стремились избежать ненужных эксцессов и установить контроль над составом избирателей, что, безусловно, было очень важно для власти. Городской клерк Дж. Карпентер, автор «Белой книги Лондона», весьма правдоподобно объясняет установление таких порядков волнениями в народе, которые происходили при каждых очередных выборах: «Ввиду того, что на выборы мэров и шерифов стекалась к зданию муниципалитета огромная толпа народа, и так как народных сборищ следует бояться… ибо при этом может подняться ропот и шум, мэр и олдермены за несколько дней до дня выборов имели обычай сходиться и обсуждать, каким образом провести эти выборы,

[1] Medieval London: Collected Papers of Caroline M. Barron / Ed. by M. Carlin, J.T. Rosenthal. Kalamazoo, 2017. P. 337.

[2] Liber Albus. P. 19.

[3] Ibid. P. 241.

чтобы избежать волнений и народного ропота»[1]. Надо сказать, что лондонская модель самоуправления была эталоном для целого ряда провинциальных городов Англии[2].

В ответ на предпринятые властью шаги Холланд заявил, что распоряжения о выборах мэра сфабрикованы, они не соответствуют действительности и никогда не были записаны ни в одной из городских книг[3]. На самом деле Холланд ошибался. Королевский указ 1315 г. был записан в Городской книге (City Letter–Book). Но в данной ситуации он фактически выступил за широкие избирательные права горожан, что противоречило интересам правящей олигархии.

В тот же день состоялось заседание суда олдерменов, на котором против Холланда под присягой дали показания Джон Олни, торговец предметами роскоши, Томас Кук, торговец тканями, и Томас Рейнуэлл, бакалейщик. Холланд был отправлен в тюрьму Ладгейт, поскольку «безрассудно заявлял, что постановления были вымыслом»[4], а также угрожал расправой Томасу Куку. На основании поданного прошения Холланд был освобожден под залог в 100 ф., внесенный четырьмя лондонцами, трое из которых определенно были портными[5].

К 1429 г. Ральф Холланд стал членом городского совета, состоявшего из мэра, олдерменов, шерифов и, примерно, 70 «гильдейских старшин», внесенных в списки фрименов и носивших ливрею, а в феврале того же года жители округа Бай-

---

[1] Liber Albus. P. 19.

[2] Hartrich E. Politics and the Urban Sector in Fifteenth-Century England, 1413–1471. Oxford, 2019. P. 119, 123-124.

[3] Medieval London: Collected Papers of Caroline M. Barron. P. 338.

[4] Calendar of Letter–Books preserved among the archives of the corporation of the City of London at the Guildhall / Ed. by R. R. Sharpe. Letter–Book K. A.D. 1422–1461. L., 1911. P. 384 (Далее — Letter–Book K).

[5] Medieval London: Collected Papers of Caroline M. Barron. P. 338.

нард Касл рекомендовали его совету олдерменов в качестве одного из четырех кандидатов на вакантную должность олдермена. Другими кандидатами были Ральф Скиннард, один из поручителей Холланда, виноторговец Томас Уолсингем и Томас Даффхаус, торговец рыбой и в то время один из шерифов. Олдермены единогласно выбрали Томаса Уолсингема.

Демонстрация явного неприятия Холланда городскими властями не изменила его взглядов и поведения. К сожалению, детально проследить этапы его карьеры не представляется возможным. Доподлинно известно, что в сентябре 1429 г. Холланд получил доступ к «истеблишменту» Лондона: городская община избрала его шерифом на 1430 год[1]. В полномочия этого должностного лица входили защита интересов короны (сбор трети судебных штрафов в пользу короля, контроль за соблюдением королевских законов) и горожан, охрана мира и осуществление судопроизводства[2]. Затем, в сентябре 1434 г. он был избран одним из городских рикордеров (т.е. стал судейским чиновником, который рассматривал уголовные и гражданские дела в суде магистрата и передавал наиболее серьезных из них в суды высших инстанций), а к октябрю того же года — олдерменом от округа Бред-стрит[3]. Тем самым Ральф Холланд добился признания своего статуса и роли в жизни городской общины и, кроме того, получил право претендовать на должность мэра. Очевидно, что он находился среди наиболее состоятельной части горожан Лондона, поскольку для избрания олдерменом требовался значительный уровень материальной обеспеченности. В 1397 г. постановлением мэрии, подтвержденным затем в 1469 г., был установлен имущественный ценз для олдерменов — одна тысяча фунтов «в товарах и кредитах»[4].

---

[1] Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 8.

[2] Charter of Henry I // The Historical Charters and Constitutional Documents of the City of London / Ed. by W.G. Birch. L., 1887. P. 3.

[3] Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 8.

[4] Ibid. P. XXXIX.

И примерно в это время обострилось соперничество между портными и торговцами тканями за право обнаружения недоброкачественной ткани в Лондоне. Ситуация во многом усугубилась из-за хартии, пожалованной Генрихом VI в ноябре 1438 г. торговцам тканями, по которым они были инкорпорированы и получили право избирать мастера и четырех смотрителей своей компании[1]. Что касается обнаружения недоброкачественных изделий, то король специально не предоставил дрейперам такого права, но назначил двух из них олнейджерами (aulnagers) в Лондоне. Они должны были собирать налог, подлежащий уплате королю за каждый кусок шерстяной ткани. Отныне никакая ткань не могла быть продана или использована в портняжном деле, пока она не была опечатана олнейджером. Только такая печать удостоверяла, что налог был уплачен и что кусок ткани был правильной ширины и длины. Предоставление этой должности двум дрейперам вызвало большое неудовольствие портных.

Но 24 февраля 1439 г. портные тоже получили хартию Генриха VI, который не только подтвердил гильдии ее права, но и предоставил мастерам и смотрителям этой корпорации Лондона исключительное право осуществлять «поиск некачественных изделий вышеупомянутой мистерии и всех тех, кто будет допускать некачественную работу, и исправлять все обнаруженные недостатки... что должно быть засвидетельствовано мэром вашего города»[2].

Таким образом, новый устав, за который портные заплатили значительную сумму в размере 79 ф. 18 ш. 3 п.[3], во-

[1] Johnson A.E. The History of the Worshipful Company of the Drapers of London. Vol. I. P. 214-215.

[2] Henry 6th's Charter, 24th February 1439, confirms to the then Master and Wardens, their rights // Memorials of the Guild of Merchant Taylors. — http://www.british-history.ac.uk/no-series/taylors-guild-london/pp188-198 (ноябрь, 2021).

[3] Clode C.M. The Early History of the Guild of Merchant Tailors. L., 1888. Pt. 1. Appendix 3. P. 345-346.

первых, нарушал права мэра Лондона, поскольку прежде все мероприятия, связанные с поиском недоброкачественной продукции, осуществлял либо непосредственно глава города, либо те члены гильдии, которых он сам назначит. Во-вторых, были прямо затронуты интересы торговцев тканями, так как портные фактически изымались из-под их юрисдикции.

В качестве ответной реакции в том же году мэр распорядился, чтобы портные (а заодно и шорники, в чьем новом регламенте содержался аналогичный пункт о поиске некачественных изделий) сдали свои уставы в Гилдхолл, где они должны храниться до тех пор, пока будет решаться вопрос о том, нарушают они городские свободы или нет[1].

Обеспокоенные торговцы тканями тоже развернули активную деятельность. Они заплатили 2 ш. в канцелярию, чтобы получить копию «нового пункта в уставе портных» и еще 2 ш. за составление двух жалоб относительно того же пункта, которые направили мэру. Но все усилия оказались тщетны. Портные, потратив еще 60 ф., в 1439 г. добились окончательного подтверждения нового устава[2].

Надо сказать, что во всех описываемых событиях Ральф Холланд никак себя не проявил. Очевидно, все его заботы были связаны с тем, чтобы закрепиться среди олдерменов, приобрести соответствующую репутацию, авторитет, которые позволили бы ему претендовать на избрание мэром Лондона.

Долгожданный момент наступил 13 октября 1439 г. В городских книгах были записаны имена двух олдерменов, которых собравшиеся фримены представили совету олдерменов в качестве кандидатов для избрания мэром на следующий год. Это были торговец предметами роскоши Роберт Ладж, олдермен с 1429 г., шериф 1430–1431 гг., и

[1] Calendar of Plea and Memoranda Rolls (1437–1457) of the city of London / Ed. by P.E. Jones. Cambridge, 1954. P. 33.

[2] Clode C.M. The Early History of the Guild of Merchant Tailors. Pt. 1. Appendix 3. P. 345-346.

портной Ральф Холланд. Олдермены выбрали Роберта Ладжа[1]. Такой исход не особенно расстроил Холланда, довольного тем, что он в принципе был допущен к процедуре избрания на высшую городскую должность. Его по-прежнему назначали в различные комитеты совета олдерменов, а 13 октября 1440 г. он вновь оказался в числе двух кандидатов на пост мэра. На этот раз его соперником стал ювелир Джон Паддесли, олдермен с 1428 г., шериф 1432–1433 гг., которого и избрали мэром[2]. О реакции Холланда ничего не известно.

Именно при мэре Джоне Паддесли конфликт между портными и торговцами тканями достиг своего апогея. 5 августа 1441 г., смотрители компании дрейперов пожаловались мэру и олдерменам на то, что они не могут проводить предусмотренную обычаем проверку длины кусков ткани, имеющихся у портных[3]. Их беспокойство объяснялось предстоящей ярмаркой Святого Варфоломея, которая проходила в течение трех дней, примерно, с 24 августа. Естественно, что по такому случаю и портные, и торговцы тканями покупали и продавали большие объемы ткани. А у торговцев тканями традиционно было право осуществлять досмотр.

14 августа 1441 г. мэр и олдермены пришли к компромиссному решению. Во время ярмарки мастер и смотрители компании дрейперов должны были, как и прежде на основании обычая, осуществлять поиск некачественной шерстяной ткани. Но в качестве временной меры «для сохранения мира и для того, чтобы дать портным возможность изложить свои аргументы позже»[4], мэр должен лично проверять не использованную для пошива одежды шерстяную ткань, выставленную портными на продажу на ярмарке. Очевидно, что портные занимались розничной торговлей тканями, и,

[1] Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 7.

[2] Ibidem.

[3] Medieval London: Collected Papers of Caroline M. Barron. P. 341.

[4] Letter–Book K. P. 259-260.

следовательно, ремесленная гильдия пыталась вторгнуться в сферу деятельности торговцев тканями. Скорее всего, именно это стремление портных превратиться в торговую компанию лежало в основе конфликта, а проблема с правом на поиск недоброкачественных изделий была лишь его внешним проявлением.

При таких обстоятельствах очередные выборы мэра имели очень важное значение. Исход противостояния портных и торговцев тканями во многом зависел от решений главы муниципалитета в предстоящем году.

13 октября 1441 г. лондонские фримены, собравшиеся в Гилдхолле, выбрали двух кандидатов: портного Ральфа Холланда и торговца тканями Роберта Клоптона, олдермена с 1434 г., шерифа 1435–1436 гг.[1]. После этого олдермены отправились совещаться узким кругом, а толпа, затаив дыхание, ожидала решения у входа в Гилдхолл. Наконец, Джон Паддесли, действующий на тот момент мэр, появился, ведя по правую руку от себя избранника олдерменов — Роберта Клоптона.

Дальше события разворачивались стремительно. Мгновенно поднялась суматоха. Портные и другие «ремесленники» начали кричать: «Нет, не этот человек, а Ральф Холланд»[2]. Ни мэр, ни его сержант ничего не могли сделать, чтобы успокоить разъяренных людей, которые не только отвергли Клоптона, но неофициально объявили Холланда избранным мэром. В конце концов, шерифам пришлось принять меры, чтобы окружить протестующих, задержать их и отправить в тюрьму. Специальное жюри из 18-ти присяжных заявило, что за нарушение мира короля ответственны 11 человек: 6 портных и 5 скорняков, которые были отправлены в тюрьму Ньюгейт[3].

---

[1] Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 8.

[2] Chronicles of London / Ed. by C. L. Kingsford. Oxford, 1905. P. 154-155.

[3] Medieval London: Collected Papers of Caroline M. Barron. P. 342.

8 ноября начальник Ньюгейтской тюрьмы Шефалд сообщил суду олдерменов, во-первых, что заключенные не признали своей вины в преступлениях, в которых их обвиняли. Во-вторых, ему удалось выявить зачинщиков беспорядков. Это портные Кент и Уайт и скорняки Шерд и Палмер. При этом Кент и Палмер будто бы заявили, что даже если они никогда не выйдут из тюрьмы, они не будут просить мэра об освобождении. Однако спустя некоторое время этих людей выпустили на свободу по королевскому судебному решению и обязали соблюдать мир и предстать перед судом мэра, чтобы искупить совершенное ими беззаконие[1].

После усмирения недовольных ремесленников новый мэр Роберт Клоптон решил во что бы то ни стало добиться приостановления, а лучше отмены действия пункта о проверке качества изделий в уставе портных. Видимо, не остались в стороне и дрейперы. 21 августа 1442 г. король сообщил мастеру и смотрителям гильдии портных об отзыве у них исключительного права на досмотр, которое было предоставлено ранее, и вновь передал это право мэру или тем помощникам, которых тот сам выберет. Мэру также была направлена королевская грамота, подтверждающая его право на досмотр во всех торговых компаниях и ремесленных мистериях Лондона «в соответствии с древними свободами и обычаями города»[2]. Это означало, что портные вновь оказались под контролем мэра или, что еще хуже, любого его помощника, которого он решит назначить. Портные потратили немалые деньги и приложили много усилий, чтобы получить новый устав, но теперь он ничего не значил.

Надо понимать, для таких компаний, как торговцы тканями, чье влияние в городских делах было значительным, право мэра на досмотр не представляло серьезной проблемы. Если сам мэр не был торговцем тканями, его можно было

[1] Ibid. P. 342-343.

[2] Johnson A.E. The History of the Worshipful Company of the Drapers of London. Vol. I. P. 343-344.

легко убедить назначить дрейперов своими помощниками. Портные с трудом могли рассчитывать на избрание собственного мэра и на то, что им будет по силам оказать влияние на его выбор. Поэтому у них были две возможности: либо получить независимое право на досмотр продукции, подтвержденное королем, либо добиться определенного влияния в городском правительстве. И то, и другое было для них труднодостижимыми задачами. Ситуация между ремесленниками, которые встали на сторону портных, и городскими властями, которые поддерживали торговцев тканями, оставалась взрывоопасной.

И власти, и торговцы тканями, и портные хорошо понимали, насколько иначе могло бы все обернуться, если бы мэром был избран Ральф Холланд. Неудивительно, что грядущие выборы главы Лондона, которые должны были состояться 13 октября 1442 г., вызывали очень большое беспокойство. Действуя на опережение, по просьбе городских властей король издал указ, предписывавший мэру и шерифам объявить, что из-за недавних беспорядков никто, кроме олдерменов и других «благоразумных и влиятельных горожан», не должен присутствовать на выборах мэра[1]. Напомним, что еще в 1426 г. Ральф Холланд протестовал против такого ограничения прав горожан. Опасаясь протестов, олдермены решили огласить не только данный указ короля, но и королевскую хартию 1315 г. Это должно было продемонстрировать, что вводимое ограничение не было новшеством, оно имеет прочное основание.

13 октября 1442 г. состоялось собрание фрименов, вызванных для избрания нового мэра. Их имена даже сверили со списком непосредственно при входе в Гилдхолл. Мэром избрали Джона Хатерли, торговца скобяными изделиями, олдермена с 1434 г., шерифа 1431–1432 гг.[2] Имя отклоненного кандидата осталось неизвестным.

---

[1] Letter–Book K. P. 274–275.

[2] Beaven A. B. Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 8.

Реакцией на произошедшее стала крамольная, с точки зрения городских властей, проповедь, которую три дня спустя после выборов произнес у креста Святого Павла (проповеднический крест и кафедра под открытым небом на территории Старого собора Святого Павла) некий священник. Он призывал восстановить древний порядок городской жизни, некий «золотой век», когда ремесленники управляли Лондоном. Проповедник предстал перед судом. Было проведено расследование, выявившее, что текст проповеди служителю церкви предоставил некий олдермен, имя которого так и не удалось установить. Суд даже потребовал от каждого присутствовавшего на заседании олдермена поклясться на Евангелиях, что он невиновен в предоставлении такой крамольной информации[1]. Ральф Холланд, единственный олдермен-ремесленник, отсутствовал на этом судебном заседании, видимо, по идейным соображениям.

Уже 26 октября 1442 г. он выступил с обвинениями в адрес бывшего мэра, Джона Паддесли, заявив, что во время пребывания в должности в 1440–1441 гг. тот потратил 1 тыс. марок, принадлежавших городу, на свои личные цели[2]. Неприязнь Холланда к Паддесли нетрудно объяснить, поскольку именно этот мэр взял в свои руки досмотр тканей, выставленных портными на продажу на ярмарке Святого Варфоломея. У Холланда были претензии к Паддесли и за избрание мэром торговца тканями Роберта Клоптона, и за заключение в Ньюгейтскую тюрьму портных и скорняков, выступивших против его избрания.

Показательно, что в своих обвинениях Ральф Холланд не был одинок. На ярмарке в Стоубридже лидер ремесленников-скорняков Николас Толлер публично заявил, что Паддесли, занимая должность мэра, был лживым судьей (a false judge), несправедливо осудил самого Толлера и также не-

[1] Medieval London: Collected Papers of Caroline M. Barron. P. 344.

[2] Ibid.

справедливо отправил людей в тюрьму Ньюгейт, имея в виду события октября 1441 г. Суд олдерменов Лондона обязал взыскать с Толлера штраф в 20 ф. в пользу города[1].

Последний всплеск недовольства ремесленников в эти годы был вызван учреждением в 1443 г. новой мировой комиссии Лондона, что нашло отражение в королевской хартии. Были упорядочены судебные полномочия мэра и олдерменов: отныне они — не просто стражи мира, но судьи, наделенные правом рассматривать и прекращать любые, в том числе уголовные, дела[2]. Необходимость принятия более решительных мер по обеспечению правопорядка в городе вынудила мэра и олдерменов добиваться расширения своих полномочий.

Олдермены, видимо, рассчитывали на то, что новая мировая комиссия начнет действовать до ярмарки Святого Варфоломея, поскольку спор между портными и торговцами тканями еще не был окончательно урегулирован. Суд олдерменов постановил, что мэр должен проверять шерстяную ткань, продаваемую портными на ярмарке, как это было при мэре Паддесли[3].

Ральф Холланд обрушился на новую комиссию в суде олдерменов. Он утверждал, что фактическое расширение судебных полномочий мэра и олдерменов нарушает мир в городе, подрывает его доброе правление, основанное на обычае, в ущерб лондонским ремесленникам. Он закончил свою речь очень пафосно: «Это комиссия не мира, а войны!»[4]. И оказался почти прав.

Буря разразилась 21 сентября 1443 г., в день ежегодных выборов фрименами Лондона городского чемберлена (ка-

---

[1] Letter–Book K. P. 222.

[2] Six Town Chronicles of England / Ed. by R. Flenley. Oxford, 1911. P. 117.

[3] Ibid. P. 340-341.

[4] Medieval London: Collected Papers of Caroline M. Barron. P. 346.

значея) и двух шерифов. В то время как шерифы менялись каждый год, чемберлен, который нес полную материальную ответственность за состояние финансов городской общины, единственный имел непосредственный доступ к городской казне и лично следил за расходами, обычно переизбирался несколько раз, поскольку эта должность требовала определенного опыта и навыков. Внушительная толпа «плохих» (inferior) горожан не согласилась с тем, что Джон Чайчел, служивший в городе в качестве чемберлена с 1434 г., должен продолжать исполнять свои обязанности и в следующем, 1444-ом, году. Трудно сказать, чем оказался неугоден Джон Чайчел. Возможно, его считали ответственным за учреждение новой мировой комиссии, поскольку, контролируя финансы города, он в некотором смысле отвечал за покупку соответствующей хартии. Но, скорее всего, дело было в другом. Поскольку должность чемберлена — одна из немногих важных городских должностей, которую горожане контролировали напрямую через ежегодные выборы, их целью было просто осуществлять свои полномочия, а вовсе не нападать лично на Чайчела. В любом случае попытка избавиться от Чайчела не удалась. Мэр решительно приказал, чтобы все те, кто не был лично вызван участвовать в выборах, ушли, а выборы состоялись снова. В результате Джон Чайчел, «человек верный, мудрый, прилежный и предусмотрительный», был избран чемберленом «с единогласного согласия мэра и олдерменов»[1].

Чтобы не допустить нарастания беспорядков, городские власти стали действовать быстро и жестко. Люди, которые потенциально могли нести хоть какую-то угрозу, разными способами были взяты под контроль. Джона Бейквелла, связанного с Ральфом Холландом, отправили в тюрьму за публичное оскорбление городского сержанта. Джон Аркол, портной, ранее оскорбивший чемберлена Джона Чайчела, предстал перед судом. А 24 сентября 1443 г. мастера и смот-

[1] Letter–Book K. P. 286-287.

рители всех городских корпораций были вызваны в суд олдерменов, где получили указание предупредить людей своих гильдий и компаний и членов их семей, чтобы они воздерживались от распространения ложных слухов и сплетен (false rumours and scandals) о мэре и олдерменах. Три дня спустя мастера и смотрители всех городских корпораций вновь были вызваны в суд олдерменов, где им сообщили, что новая мировая комиссия не противоречит свободам города[1].

В довершение всех проблем стремительно приближалась дата выборов нового мэра. В сложившейся ситуации «отцам города» было крайне важно заручиться поддержкой всего корпуса олдерменов, многие из которых по причине активной коммерческой деятельности очень редко посещали службу. Им были направлены специальные письма, датированные 30 сентября 1443 г., с просьбой прийти и поделиться своими соображениями по «разнообразным вопросам большой важности, которые полностью касаются городского управления, но остаются в подвешенном состоянии и до конца не определены»[2]. Большинство олдерменов откликнулось на это обращение, отложив свои бизнес-дела и вернувшись в Лондон. Что касается Ральфа Холланда, то в период между выборами шерифа 21 сентября и выборами мэра 13 октября он присутствовал на заседании совета олдерменов только один раз.

В качестве дополнительной меры предосторожности олдермены, как и в октябре прошлого года, получили от короля предписание, которое ограничивало круг избирателей на выборах мэра теми, кто был вызван лично. Оно было обнародовано в городе 12 октября, и на следующий день мэром без каких-либо явных проблем был избран бакалейщик Томас Кэтуорт, олдермен с 1435 г., шериф 1435–1436 гг.[3]

---

[1] Calendar of Plea and Memoranda Rolls (1437–1457) of the city of London. P. 165.

[2] Medieval London: Collected Papers of Caroline M. Barron. P. 347.

[3] Beaven A. B. Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 8.

На самом деле на день выборов мэра была запланирована внушительная демонстрация силы лондонских ремесленников. По показаниям свидетелей, которые впоследствии были озвучены в суде олдерменов, в городе готовы были восстать две тысячи человек из корпораций портных, шорников, скорняков, оловянщиков, ювелиров и пивоваров. У портных были люди, вооруженные мечами, секирами и другим оружием. В качестве своего рода агитатора и организатора движения выступал портной Джон Бейл[1]. Причем заговорщики не ограничились планированием вооруженного выступления. Бакалейщик Уильям Коттисбрук публично продемонстрировал копию «Великой хартии Лондона» 1319 г. своим коллегам и другим жителям города. Речь идет о хартии, предоставленной горожанам Лондона королем Эдуардом II 8 июня 1319 г.[2] Сами лондонские фримены стали называть ее по аналогии с «Великой хартией вольностей» 1215 г., поскольку она не только включала в себя большое количество привилегий, важных для всей общины, но и была подтверждена парламентом. Коттисбрук использовал этот документ, чтобы попытаться подорвать авторитет главы города, отталкиваясь от четко прописанного в нем права всех горожан избирать мэра Лондона[3]. Коттисбруку приписывают слова о том, что избранный мэр не является таковым для тех, кто его не избирал. Следовательно, те, кто был отстранен от участия в выборах мэра, могут не подчиняться ему[4]. Это были весьма смелые и новые для XV в. рассуждения об основах власти.

Среди заговорщиков-ремесленников было широко распространено известное мнение о том, что монарший указ,

---

[1] Medieval London: Collected Papers of Caroline M. Barron. P. 348.

[2] Constitutions for the regular Government of the City; granted by Edward II. For the citizens of London, concerning new articles than made to be observed. 8 June, A.D. 1319 // The Historical Charters and Constitutional Documents of the City of London. P. 45-50.

[3] Ibid. P. 45.

[4] Williams G. Medieval London. L., 1963. P. 282–283.

предписавший присутствовать на выборах мэра только тем, кто был вызван лично, не исходил из королевской канцелярии, а был выдуман олдерменами. В этом просматривается прямое влияние Ральфа Холланда, который в таких же выражениях критиковал аналогичный указ еще в 1426 г. А в октябре 1443 г. в его доме тайно собирались заговорщики[1].

Примерно в середине октября 1443 г. 12 портных предстали перед судом лорд-канцлера по обвинению в вооруженном протесте по случаю выборов мэра. На судебном заседании прозвучали очень важные идеи. Так, Джон Бейл утверждал, что процветание города зависит от ремесленников, а не от торговцев. А портной по имени Хенкстон заявил, что, независимо от того, было ли распоряжение короля об ограничении числа избирателей мэра выдумкой или нет, оно в любом случае не заслуживает доверия. Почему? Да потому, что основой «Великой хартии Лондона» являются власть и авторитет парламента[2]. Удивительно, что еще в 1443 г. обычный ремесленник осознавал разницу между властью парламента и властью короны.

Заговор лондонских ремесленников во главе с портными против городской власти, не успев перерасти в вооруженное выступление, провалился. Хотя в движении участвовало несколько человек, Ральф Холланд был самым влиятельным и богатым среди тех, кто выступал против изменения избирательных процедур и расширения юрисдикции мэра и олдерменов. Более того, в ходе последовавшего разбирательства суду олдерменов стало известно о том, что за последние 6 лет (начиная с 1437 г.), у Холланда было много помощников, специально занимавшихся организацией оппозиции властям города. И это привлекло пристальное внимание к его персоне. В таких обстоятельствах окончание карьеры олдермена-ремесленника было неизбежным.

---

[1] Medieval London: Collected Papers of Caroline M. Barron. P. 349.

[2] Ibid.

Против Ральфа Холланда развернулась пиар-кампания, призванная дискредитировать его любой ценой. Благо, что сам он предпочитал не присутствовать на судебных заседаниях, что облегчало олдерменам решение задачи, избавляя их от возможного чувства неловкости перед коллегой. Мэр Томас Кэтуорт и многие олдермены припомнили несколько нежелательных для власти высказываний Холланда. Все эти свидетельства были обобщены и представлены суду олдерменов. Их суть сводилась к следующему.

Во-первых, Ральф Холланд заявлял, что контроль над ярмаркой Святого Варфоломея принадлежит вовсе не городу, а настоятелю церкви Святого Варфоломея. А это означает, что мэр превысил свои полномочия при досмотре тканей, продаваемых на ярмарке портными. Никто из присутствовавших на заседании не обратил внимания на то, что утверждение Холланда было обоснованным, поскольку контроль над ярмаркой Святого Варфоломея действительно был предоставлен настоятелю церкви еще Генрихом I. Этот вопрос был предметом спора между церковью Святого Варфоломея и городом с 1428 г., и только в 1447 г. было достигнуто соглашение сторон[1]. Для олдерменов было важно другое: они обвинили Холланда в том, что он отстаивал узкие интересы портных в противовес общему благу города.

Во-вторых, Холланд открыто говорил, что указ короля, ограничивший электорат на выборах мэра в октябре 1443 г., не был публично провозглашен в городе, как того требовал сам монарх, скрепляя документ королевской печатью.

В-третьих, Холланд нелицеприятно отзывался о некоторых должностных лицах столичного магистрата. В частности, это касалось бывшего мэра Джона Паддесли, по словам Холланда, извечного скандалиста; городского клерка Ричарда Барнета, который, по его мнению, был не в своем уме (was out of his wits); рикордера Роберта Денверса, которого Ральф охарактеризовал как нарушителя спокойствия, сеяв-

[1] Letter–Book K. P. 453-455.

шего раздор в городе. А Уильяма Этфелда, торговца предметами роскоши, обвинил в предательстве интересов Лондона: будто бы тот выдал некие городские секреты лорду Кромвелю, королевскому казначею.

В-четвертых, Холланд посоветовал фрименам города для исправления совершенных ошибок представить мэру и олдерменам две петиции. В первой они должны потребовать, чтобы заинтересованные лица не выступали в качестве судей, как это произошло при рассмотрении конфликта между портными и торговцами тканями. Во второй следовало истребовать восстановить предусмотренное обычаем право всех фрименов участвовать в выборах мэра.

В-пятых, Ральф Холланд хотел, чтобы все, кто находится в тюрьме «из-за любви к нему» (for love of him), получили помощь.

В свете всех этих обвинений и различных заявлений и с учетом того факта, что Холланд поддержал портных, хотя они угрожали городским свободам, мэр и олдермены сочли целесообразным освободить Ральфа Холланда от должности олдермена. Но прежде он должен был ответить на выдвинутые против него обвинения. Однако Холланд не появился на заседании 23 октября 1443 г. За ним даже послали Джона Комбса, одного из сержантов. Но тот вернулся один и передал суду олдерменов слова обвиняемого: он не может прибыть из-за тяжелой болезни жены, вследствие чего ему пришлось отправиться в Ньюгейтскую тюрьму для раздачи денег бедным заключенным, чтобы они молились за ее выздоровление[1]. И в дальнейшем Холланд избегал появляться в суде. Наконец, 18 мая 1444 г. его освободили от должности олдермена, использовав традиционную формулировку: он сам добивался освобождения, и суд олдерменов счел его доводы приемлемыми[2]. Так закончилась карьера «демократа»

[1] Medieval London: Collected Papers of Caroline M. Barron. P. 351.

[2] Ibid.

Ральфа Холланда. Движение, которому он дал импульс, исчезло вместе с ним, хотя проявления недовольства на фоне падения авторитета власти давали о себе знать еще некоторое время. В разных районах Лондона появлялись многочисленные петиции, авторы которых обвиняли олдерменов в некомпетентности, халатном отношении к своим должностным обязанностям, ростовщичестве, присвоении городской земли, мошенничестве, пособничестве грабежу и даже прелюбодеянию, а также утверждали, что власть имущие порождают несправедливость: в городе существует один закон для богатых и другой — для бедных[1].

О жизни Ральфа Холланда после его отстранения от должности олдермена и вплоть до смерти в 1452 г.[2] ничего не известно. Можем лишь утверждать, что он продолжал жить в Лондоне, видимо, успешно занимаясь коммерческими делами. Судя по его завещаниям, у Холланда была собственность в Суррее и внушительная недвижимость в Лондоне, которую он предпочитал сдавать в аренду. Это были участки земли и разного рода строения, главным образом доходные дома (не менее 7), а также две гостиницы — «Бассет Инн» и «Пенбридж Инн». Располагались эти объекты в семи центральных приходах Лондона, в том числе рядом с рынками Истчип и Корнхилл[3].

Таким образом, выступление группы ремесленников во главе с Ральфом Холландом, направленное против попыток городских властей усилить контроль на рынке шерстяных тканей и расширить свою юрисдикцию[4], было скоротечным и, в конечном счете, неудачным. Но оно продемонстрировало роль личности, способного, влиятельного и богатого лидера в

---

[1] Medieval London: Collected Papers of Caroline M. Barron. P. 351-352.

[2] Beaven A. B. Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 7.

[3] Calendar of Wills. P. 522-523, 525-526, 563-564.

[4] Hartrich E. Politics and the Urban Sector in Fifteenth-Century England, 1413–1471. P. 123.

произошедших событиях. Показательно, что уже после смерти Холланда, с 1474 по 1500 гг. от гильдии портных в лондонский муниципалитет были избраны 7 олдерменов[1]. Правда, сама эта корпорация стремительно эволюционировала: с 1503 г. официально была учреждена компания торговцев готовой одеждой (Merchant Tailors), поглотившая портных[2].

Оппозиция, которую фактически взрастил Ральф Холланд, была не просто выступлением «неимущих» против «имущих». За всем случившимся стояли серьезные цели и осознание того, как должно функционировать городское правительство. Важно и то, что в 1438–1444 гг. малообразованные, но проявлявшие большое рвение люди формулировали основополагающие идеи, ставшие актуальными в последующие века. В их числе — отстаивание широкого избирательного права, убеждение в том, что власть правителя основывается на осознанном согласии с общинами (народом), защита приоритета власти парламента над единоличной властью короля, осознание того, что благополучие целого зависит от всех его частей — в данном случае ремесленников и торговцев, убежденность в том, что все люди должны быть равны перед законом. Все эти идеи особенно важны не только сами по себе, но и по причине того, что обнаруживаются они в очень скромном историческом контексте далекого XV столетия.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

Beaven A.B. Aldermen of the City of London. L., 1908. Vol. 1.

Beaven A.B. Aldermen of the City of London. L., 1912. Vol. 2.

Calendar of Letter–Books preserved among the archives of the corporation of the City of London at the Guildhall / Ed. by R.R. Sharpe. Letter–Book K. A.D. 1422–1461. L., 1911.

[1] Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 345.
[2] Ibid.

Calendar of Plea and Memoranda Rolls (1437–1457) of the city of London / Ed. by P. E. Jones. Cambridge, 1954.

Calendar of Wills Proved and Enrolled in the Court of Husting, London: in 2 pts. / Ed. by R.R. Sharpe. London, 1890. Pt. 2: 1358–1688.

Chronicles of London / Ed. by C. L. Kingsford. Oxford, 1905.

Memorials of the Guild of Merchant Taylors of the Fraternity of St. John the Baptist in the City of London / Ed. by C.M. Clode. L., 1875.

Munimenta Gildhallae Londoniensis. Liber Albus, Liber Custumarum, et liber horn: in 3 vols. / Ed. by Th. Riley. L., 1859. Vol. 1: Liber Albus. Pts. 1–2.

Six Town Chronicles of England / Ed. by R. Flenley. Oxford, 1911.

The Historical Charters and Constitutional Documents of the City of London / Ed. by W. G. Birch. L., 1887.

Исследования

Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011.

Репина Л.П. Сословие горожан и феодальное государство в Англии. М., 1979.

Чернова Л.Н. Под сенью Святого Павла: деловой мир Лондона XIV–XVI вв. М.; СПб., 2016.

A History of the County of Surrey: in 4 vols. / Ed. by H. E. Malden. L., 1912. Vol. 4.

Barron C.M. London 1300–1540 // The Cambridge Urban History of Britain. Vol. 1: 600–1540 / Ed. by D.M. Palliser. Cambridge, 2000. P. 395-440.

Barron C.M. London in the Later Middle Ages: Government and People 1200–1500. Oxford, 2004.

Clode C.M. The Early History of the Guild of Merchant Tailors. L., 1888. Pt. 1.

Hartrich E. Politics and the Urban Sector in Fifteenth-Century England, 1413–1471. Oxford, 2019.

Hugh Alley’s caveat: The Markets of London in 1598 / Ed. by I. Archer. L., 1988.

Johnson A.E. The History of the Worshipful Company of the Drapers of London. L., 1914. Vol. I.

Medieval London: Collected Papers of Caroline M. Barron / Ed. by M. Carlin, J.T. Rosenthal. Kalamazoo, 2017.

Patten J. English towns, 1500–1700. Folkestone, 1978.

Platt C. The English Medieval Town. L.; Toronto; Sydney; N. Y., 1979.

Power A. The wool Trade in the fifteenth century // Studies in English Trade in the Fifteenth Century. N. Y., 1933. P. 39-90.

Unwin G. The Gilds and companies of London. L., 1938.

Veal E.M. The English Fur Trade in the Later Middle Ages. Oxford, 1966.

Williams G. Medieval London. L., 1963.

REFERENCES

Sources

Beaven A.B. Aldermen of the City of London. L., 1908. Vol. 1.

Beaven A.B. Aldermen of the City of London. L., 1912. Vol. 2.

Calendar of Letter–Books preserved among the archives of the corporation of the City of London at the Guildhall / Ed. by R. R. Sharpe. Letter–Book K. A.D. 1422–1461. L., 1911.

Calendar of Plea and Memoranda Rolls (1437–1457) of the city of London / Ed. by P.E. Jones. Cambridge, 1954.

Calendar of Wills Proved and Enrolled in the Court of Husting, London: in 2 pts. / Ed. by R.R. Sharpe. London, 1890. Pt. 2: 1358–1688.

Chronicles of London / Ed. by C.L. Kingsford. Oxford, 1905.

Memorials of the Guild of Merchant Taylors of the Fraternity of St. John the Baptist in the City of London / Ed. by C.M. Clode. L., 1875.

Munimenta Gildhallae Londoniensis. Liber Albus, Liber Custumarum, et liber horn: in 3 vols. / Ed. by Th. Riley. L., 1859. Vol. 1: Liber Albus. Pts. 1–2.

Six Town Chronicles of England / Ed. by R. Flenley. Oxford, 1911.

The Historical Charters and Constitutional Documents of the City of London / Ed. by W.G. Birch. L., 1887.

Scientific research

Repina L.P. Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: social'nye teorii i istoriograficheskaya praktika. M., 2011.

Repina L.P. Soslovie gorozhan i feodal'noe gosudarstvo v Anglii. M., 1979.

Chernova L.N. Pod sen'yu Svyatogo Pavla: delovoj mir Londona XIV–XVI vv. M.; SPb., 2016.

A History of the County of Surrey: in 4 vols. / Ed. by H.E. Malden. L., 1912. Vol. 4.

Barron C.M. London 1300–1540 // The Cambridge Urban History of Britain. Vol. 1: 600–1540 / Ed. by D.M. Palliser. Cambridge, 2000. P. 395-440.

Barron C.M. London in the Later Middle Ages: Government and People 1200–1500. Oxford, 2004.

Clode C.M. The Early History of the Guild of Merchant Tailors. L., 1888. Pt. 1.

Hartrich E. Politics and the Urban Sector in Fifteenth-Century England, 1413–1471. Oxford, 2019.

Hugh Alley’s caveat: The Markets of London in 1598 / Ed. by I. Archer. L., 1988.

Johnson A.E. The History of the Worshipful Company of the Drapers of London. L., 1914. Vol. I.

Medieval London: Collected Papers of Caroline M. Barron / Ed. by M. Carlin, J.T. Rosenthal. Kalamazoo, 2017.

Patten J. English towns, 1500–1700. Folkestone, 1978.

Platt C. The English Medieval Town. L.; Toronto; Sydney; N. Y., 1979.

Power A. The wool Trade in the fifteenth century // Studies in English Trade in the Fifteenth Century. N. Y., 1933. P. 39-90.

Unwin G. The Gilds and companies of London. L., 1938.

Veal E.M. The English Fur Trade in the Later Middle Ages. Oxford, 1966.

Williams G. Medieval London. L., 1963.

Н.А. Лагошина
(Ростов-на-Дону)

ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ ИРЛАНДКОЙ ЗНАТИ, ДЖЕНТРИ И НИЗШИХ СЛОЕВ НАСЕЛЕНИЯ В ЛОНДОНСКОМ ОБЩЕСТВЕ В КОНЦЕ XVII–XVIII ВЕКОВ

XVIII век — время довольно сильной миграции ирландцев в Лондон. Выбор в качестве места назначения английской столицы объясняется несколькими причинами. Некоторые выходцы из Ирландии проживали там постоянно, другие отправлялись в столицу Англии по делам бизнеса, в развлекательных целях, а также чтобы встретиться с родственниками, покровителями и знакомыми. Среди приезжих были и туристы, прибывшие в туманный Альбион после утомительного путешествия из таких портов, как Паркгейт, Ливерпуль, Милфорд, Майнхед или Бристоль. Кроме знакомства с шумным мегаполисом маршруты ирландских путешественников включали посещение городов-курортов с лечебными водами, таких как Бат, Хотвеллс в Бристоле, Бакстон и Харрогейт. В некоторых случаях Лондон служил промежуточным пунктом назначения в более длинном маршруте, который должен был привести путешественника в континентальную Европу.

Большинство сведений из источников относятся к отдельным лицам, а не группам мигрантов. Зачастую в Лондон прибывали ирландцы, которые являлись частью определенной конфессиональной или профессиональной общности, связывающей их с другими людьми, уже живущими в городе. Они обладали особой идентичностью, транслировали модели поведения и вели образ жизни, характерный для различных социальных, политических, религиозных и профессиональных групп. Их речь, манеры и внешний облик иногда маскировали, а иногда отчетливо демонстрировали ирландскую принадлежность.

В результате устойчивого потока переселенцев в XVII–XVIII веках в Лондоне возникало уникальное и постоянно возрастающее разнообразие формальных и неформальных сообществ[1]. Представители ирландской знати пополняли ряды таких организаций, как «Лондонское королевское общество», «Общество антикваров», «Общество дилетантов» и литературные салоны, в которых, наряду с ирландцами, состояли представители разных этнических групп. Сложнее отследить группы, состоящие преимущественно или даже исключительно из ирландцев.

Возможность обучения уникальным специальностям, повышения квалификации и профессионального роста, а также необходимость ведения бизнеса или расширения его до международного уровня притягивали амбициозных мигрантов в Лондон, поскольку в самой Ирландии, даже в Дублине, не было таких возможностей.

Наиболее важные решения, касающиеся Ирландии, принимались в Вестминстере, Уайтхолле или Сент-Джеймсском дворце. Поэтому личное присутствие ирландцев считалось необходимым для подачи исков и претензий. Лоббирование можно было делегировать агентам, но для положительного воздействия на членов парламента ирланд-

[1] Clark P. British Clubs and Societies, 1580–1800: The Origins of an Associational World. Oxford: Oxford University, 2000. 516 p.

ские государственные деятели и чиновники предпочитали обращаться к ним напрямую. Те, кто намеревался практиковать в ирландской коллегии адвокатов, должны были провести семестр в одном из судебных иннов Лондона. Представители духовенства, учителя и доктора могли пройти обучение в Ирландии. Тем не менее, возможности приобрести полезные навыки, опыт, покровителей, связи и клиентов были более перспективными в Лондоне с его большим населением. Поскольку лондонские ливрейные компании владели значительными участками в Ольстере, надежды на аренду и работу приводили ирландцев в мегаполис[1]. Ирландские арендаторы часто появлялись в лондонских домах своих лендлордов, чтобы просить об одолжении. Общины инакомыслящих ездили на собрания в английскую столицу, в ходе которых, например, ирландские квакеры узнавали о деятельности общества «Друзей». Один из членов сообщества, Джозеф Пайк из Корка, отметил в своих записках, что восемь раз присутствовал на ежегодном собрании в Лондоне с 1694 по 1715 гг.[2]. Пресвитериане, сосредоточенные в Ольстере, были более многочисленны, чем квакеры, но благодаря образованию, торговле и близкому расположению были более тесно связаны с Эдинбургом и Глазго, чем с Лондоном. Тем не менее, Синод Ольстера, стремясь сохранить и, возможно, увеличить ежегодный грант от государства («regium donum»), а также ослабить правовые ограничения, наложенные на пресвитерианское духовенство, направил агентов для лоббирования от своего имени в Вестминстер[3].

По этим причинам привлекательность Лондона была очевидна для мигрантов. Чаще всего в источниках встречают-

[1] Marriage of Margaret and James. Excerpt from The Ash MSS: written in the year 1735, by Lieut. Col. Thomas Ash, and Other Family Records / Ed. by Martin E.T. Belfast, 1890. P. 19.

[2] Some Account of the Life of Joseph Pike of Cork, in Ireland, Who Died in the Year 1729. London: Darton and Harvey, 1837. P. 57.

[3] Records of the General Synod of Ulster from 1691 to 1820. Belfast: Archer and Sons Printers, 1897. Vol. 2. P. 362, 372.

ся упоминания об ирландских приезжих, которые занимали высокие государственные должности, либо получили известность в лондонском обществе. Исследование нарративных сочинений и личной переписки представителей знати и джентри позволяет раскрыть особенности их взаимодействия и адаптации к инокультурной среде, однако данный опыт не следует относить ко всему ирландскому населению города.

Представители ирландской знати стремились наладить контакты с влиятельными лондонцами. С 1670-х гг. по 1715 г. герцоги Ормонда содержали великолепное заведение на Сент-Джеймс-сквер, куда обращались многочисленные ирландские приезжие в поисках покровительства и связей[1]. Некоторые высокопоставленные ирландские чиновники также успешно проживали и вели дела в двух странах. Государственный деятель Джон Бродрик, заседающий в ирландском и английском парламенте в период с 1690-х по 1720-е годы, вместе с семьей обосновался в особняке Пеппер Харроу в Суррее, а также временно проживал в своих лондонских домах[2]. Понсонби, графы Бессборо, аналогичным образом путешествовали по обе стороны Ирландского моря, однако чаще их клиенты отправлялись в лондонские резиденции графов, чтобы заручиться поддержкой глав семьи. Сын известного дублинского солиситора Бенджамин Колдуэлл, принятый на морскую службу учеником матроса, также полагался на помощь Понсонби. Пройдя обучение в Королевской военно-морской академии в Портсмуте, Колдуэлл дослужился до звания адмирала и, в свою очередь, стал покровителем других выходцев из Ирландии. Он приобрел два поместья — в столице Англии и загородом. Его старший брат Эндрю Колдуэлл, все еще живший в Дублине, регулярно приезжал в мегаполис, где развивались его эстетические и

[1] Barnard T. “Introduction” to The Dukes of Ormonde, 1610–1745 / Ed. by Barnard T., Fenlon J. Woodbridge: Boydell, 2000. P. 24, 34-35.

[2] Hayton D. The Anglo-Irish Experience, 1680–1730: Religion, Identity, and Patriotism. Woodbridge: Boydell, 2012. P. 76-103.

литературные вкусы[1]. В 1765 г. Эдмунд Берк, проживавший на улице Королевы Анны, был назначен секретарем лорда Рокингема. Глава семьи Фитцуильямов, Рокингем владел большими земельными участками на границе Уэксфорда и Уиклоу, и в самом Дублине, а также обширными владениями в Йоркшире[2]. Лорд Гранард, часто находившийся со своим полком на военной службе на Гибралтаре, по возвращении в Ирландию проживал в резиденции на Сент-Стивенс-Грин в Дублине. Время от времени он совершал поездки в Англию, чтобы навестить свою жену и сына, которые в основном проживали в его доме на Ричмонд-Биллингс в лондонском Сохо. Позднее, отойдя от дел, пожилой лорд предпочитал уединенную жизнь в родовой замке Форбс в Ирландии[3].

Древние аристократические семьи, среди которых Персеваллы и Саутвеллы также отказались от проживания в Ирландии, предпочтя жизнь в лондонском обществе. Графы Эгмонта, Персевалы поддерживали тесные контакты с агентами, арендаторами и родственниками, обеспечивая каналы связей, с помощью которых важные сведения и новости могли поступать в провинциальную Ирландию. В свою очередь, положение Персевалов в лондонском обществе открывало путь для других выходцев из Ирландии, с которыми они были связаны[4]. Связи подобного уровня были важны для того, чтобы жители отдаленных районов Ирландии не чувствовали себя полностью изолированными от центра ганноверской

---

[1] Letter from Andrew Caldwell, London, addressed to “Dear Madm” Elizabeth Caldwell, 10 July 1777 // Royal Irish Academy, Caldwell MSS, 12 R 41/60. P. 204. — https://www.ria.ie/sites/ default/files/caldwell-collection-catalogue-sp-list-a040.pdf (апрель, 2022).

[2] Lock F. Edmund Burke. Vol. 1 (1730–1784). Oxford: Oxford University Press, 1998. P. 212-214.

[3] Wilkinson T. Memoirs of his own life. York: Wilson, Spence, and Mawman, 1790. Vol. 1. P. 6-7. — https://play.google.com/books/reader?id=gEs6AAAAcAAJ&pg=GBS.PA6&hl=ru (апрель, 2022).

[4] Barnard T. A New Anatomy of Ireland: The Irish Protestants, 1641–1770. New Haven: University Press, 2003. P. 199, 234-235.

власти, а также могли рассчитывать на поддержку и защиту своих интересов в Лондоне.

В своем исследовании Тоби Барнард высказал предположение, что ирландцы, проживающие по обе стороны Ирландского моря, отличались от своих соотечественников по мировоззрению, образу жизни и менталитету[1]. Многочисленные семьи английских переселенцев, живших в Ирландии на протяжении поколений, являлись протестантами и считали себя англичанами по происхождению и убеждениям. Они называли себя «англичанами Ирландии», остальные именовали их «англо-ирландцами». В результате дискриминационных законов и ограничительной политики Вестминстера в отношении Ирландии в течение XVII–XVIII вв., они испытывали особый ирландский патриотизм, вполне совместимый со стремлением быть лояльными расширяющейся английской, а после 1707 г. Британской империи. Преимущественно, те, кто путешествовал в Лондон, порой испытывали двойственное отношение к английскому правлению и законодательству. В то время как валлийцы, шотландцы и английские провинциалы, созерцающие мегаполис, часто выражали восторг, ирландские посетители прежде всего испытывали гордость за свое отечество, сравнивая достижения двух стран. Восхищаясь недавно реконструированным Лондонским мостом, Роберт Френч из графства Голуэй отметил особенности, в которых ирландцы превосходили англичан[2].

Некоторые ирландцы приняли решение перебраться в Лондон насовсем. Другие, измученные суетой и чрезмерными расходами, мечтали о том, чтобы вернуться в привычную домашнюю обстановку. Возможно, более выгодный выбор сделали те, кто мог обеспечить свое существование в Лондоне, и вместе с тем, заниматься развитием земельной

---

[1] Barnard T. Crises of Identity among Irish Protestants, 1641–1685 // Past and Present. Vol. 127, 1990. P. 39-83.

[2] Barnard T. The Worlds of a Galway Squire: Robert French of Monivae, 1716–1779 // Galway: History and Society / Ed. by Gillespie R., Moran G. Dublin: Geography, 1996. P. 271-296.

собственности в Ирландии, время от времени посещая земли предков. Приезжие быстрее адаптировались к новому ритму городской жизни, если имели личные связи и знакомства в английской столице, которые обеспечивали основу для их обустройства и будущей профессии.

Те, кто искал временную работу в Лондоне, сталкивались с конкуренцией со стороны шотландцев, валлийцев и провинциалов Англии. В период трудового сезона возрастал и спрос на аренду жилья. Семья Инголдсби, надеясь сэкономить денежные средства, закрыла семейный бизнес в Дублине и отправилась в Лондон. В результате повышения арендной платы они были вынуждены переехать из элитного квартала города в недавно застроенную окраину: сначала в Холборн, а затем они обосновались рядом с площадью Ред-Лайон. Глава семейства Генри Инголдсби сетовал, что «милый Лондон» с его кавалькадой из маскарадов, опер и театральных постановок превратился в «проклятое дорогущее место»[1].

Ирландская знать хотела соответствовать своим английским коллегам в манерах и образе жизни. Однако для этого требовались значительные суммы денег. Соответственно, они могли уменьшить свои обязательства в Ирландии, чтобы обеспечить свое существование в Лондоне. Кроме того, образ жизни, характерный для представителей знати, создавал дополнительные трудности. Необходимо было сочетать жизнь в оживленном мегаполисе с провинциальным и сельским существованием. В свободное от службы и государственных дел время граф Берлингтон отправлялся в пригородные поместья в Чизике и Восточном Йоркшире. Джеймс Батлер, первый герцог Ормонд, хотя и был привязан к родовому поместью в Килкенни, с возрастом тяготел к загородному воздуху и размеренной жизни. Чтобы отдохнуть от городской суеты он покинул свое крупное поместье на

[1] Barnard T. Making the Grand Figure: Lives and Possessions in Ireland, 1641–1770. New Haven: Yale University Press, 2013. P. 334-335.

Сент-Джеймс-сквер, и арендовал загородные поместья Кингстон-Лейси и Корнбери, освобожденные его опальным коллегой Эдвардом Хайдом, графом Кларендоном. Графы Конвеи пребывали в своих роскошных резиденциях Кенсингтоне и Рэгли в Уорикшире[1].

Переезд в Лондон был трудным и дорогостоящим мероприятием, связанным с опасным морским путешествием, а затем с не менее трудоемкой поездкой на юг. Ирландские пассажиры иногда погибали в результате кораблекрушений. В источниках встречаются упоминания об арендаторах, прибывающих в резиденции своих лендлордов, прошедших пешком длительный маршрут до порта, а затем из северного Уэльса в Лондон[2].

Ирландцы, прибывали в Лондон для получения образования и повышения профессиональной квалификации, однако это была не большая группа переселенцев, охватывающая юристов права, практикующих адвокатов и студентов. Как известно, членство и обучение в одном из судебных иннов являлось необходимым предварительным условием для практики в ирландской коллегии адвокатов. Студенты из Ирландии часто встречались в неформальной обстановке, совместно арендовали жилье и даже собирались загородом во время каникул за прочтением научной литературы[3]. Жизнь в крупнейшем мегаполисе, какой была английская столица в XVIII в., предполагала необходимость социальной и психологической адаптации, поэтому сразу по приезду ирландцы нередко испытывали одиночество и страх, они тосковали по дому и традиционному укладу. Лондон открывал для них новый мир впечатлений, возможностей, ресурсов и

[1] Conway Letters: The Correspondence of Anne, Viscountess Conway, Henry More, and Their Friends, 1642–1684 / Ed. by Nicolson M. Oxford: Clarendon Press, 1992. 592 p.

[2] Barnard T. Making the Grand Figure: Lives and Possessions in Ireland, 1641–1770. New Haven: Yale University Press, 2013. P. 336.

[3] Barnard T. A New Anatomy of Ireland: The Irish Protestants, 1641–1770. New Haven: University Press, 2003. P. 120-122, 127.

связей. Членство в клубах и других сообществах мигрантов сглаживало психологические трудности адаптации. Рядом с корпорациями были расположены музеи, театры, разнообразные магазины, клубы и развлекательные заведениями, что позволяло приезжим насладиться всеми удовольствиями городского образа жизни.

Юриспруденция была не единственной профессией в Ирландии, которая обязывала абитуриентов получать образование в Лондоне. Ирландские священнослужители обучались в одном из двух университетов Англии, Оксфорде или Кембридже. Пресвитериане тяготели к шотландским университетам, расположенным в Глазго и Эдинбурге, а иногда отправлялись в Голландию. Те, кто стремился получить медицинское образование, из-за отсутствия специальной подготовки в самой Ирландии, отправлялись в Шотландию, Голландию и другие европейские страны. Лондон предоставлял возможности для специалистов, намеревающихся стать хирургами, но для этого родителям или представителям абитуриента было необходимо договориться об обучении у признанного практикующего хирурга[1]. Очевидно, столица изобиловала такими.

Те, у кого были хорошие связи, могли обратиться за советом к уроженцу Ирландии, который состоял в «Лондонском медицинском обществе». Из них наиболее выдающимся и известным был англо-ирландский врач, натуралист сэр Ганс Слоун, родившийся в местечке Киллили графства Даун. Проживая в Лондоне, Слоун поддерживал свои многочисленные связи с приятелями из Ирландии. Ирландские медики и посетители обращались к нему за советами для уточнения диагнозов, рецептов, а также за помощью для получения медицинского образования[2]. Социальные связи, возникшие благодаря старым знакомствам, родственным отношениям и профессио-

[1] Ibid. P. 138-142.

[2] Barnard T. A New Anatomy of Ireland: The Irish Protestants, 1641–1770. New Haven: University Press, 2003. P. 132.

нальной деятельности, позволяли ирландцам среднего класса более эффективно адаптироваться к лондонской жизни.

Важно изучить причины, побуждающие ирландцев в Лондоне поддерживать связи с родиной. Ирландские землевладельцы продолжали управлять своими уцелевшими поместьями с помощью посредников, они также взаимодействовали с клиентами, родственниками и приятелями. Членство в Вестминстерском парламенте позволяло предпринимать согласованные действия, когда интересы ирландцев были решительно отвергнуты, как, например, в случае запрета на вывоз живого скота в 1660-х гг. В источниках встречаются упоминания о поспешном образовании общественных собраний, целью которых было продвижение интересов ирландских протестантов[1]. Количество таких собраний увеличилось во время массового переселения ирландцев в английскую столицу в 1689 г. Когда в 1716 г. в Лондоне назначали принца Уэльского ректором Дублинского университета, на это мероприятие собралась значительная группа джентльменов из Ирландии[2].

Ирландцы принимали активное участие в социальной жизни Лондона. В источниках встречаются упоминания о ежегодном праздновании ирландскими протестантами дня восстания 23 октября 1641 г. В 1708 г. на торжестве присутствовало до 200 протестантов, выходцев из Ирландии[3]. На

---

[1] The Correspondence of Henry Hyde, Earl of Clarendon / Ed. By Singer S.W.L.: H. Colburn, 1828. Vol. 2. P. 187. — https://catalog.hathitrust.org/Record/000772832 (апрель, 2022); Brodrick J. Sr St. John Brodrick's vindication of himself from the aspersions cast on him in a pamphlet written by Sir Rich. L.: printed for the author, 1689. 31 p. — https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A29611.0001.001/1:2?rgn=div1;view=fulltext (апрель, 2022).

[2] Bulkeley R. The proposal for sending back the nobility and gentry of Ireland. L.: Samuel Holford, 1690. 24 p. — https://catalogue.nli.ie/Record/vtls000195820 (апрель, 2022).

[3] Barnard T. The Uses of 23 October 1641 and Irish Protestant Celebrations // English Historical Review. 1991. Vol. 106. P. 889-920.

мероприятии традиционно организовывались проповеди с последующим ужином. Для этого назначались священнослужители, получившие сан в Англии, которым помогали специальные помощники. Очевидно, что их выбирали из числа почетных горожан, проживающих в Лондоне и его окрестностях[1].

Кроме этого ежегодного праздника проводились и другие общественные собрания, целью которых было привлечение лондонских ирландцев к благотворительности, а также приобщение к ирландской культуре. «Объединенное общество», занимающееся обеспечением и управлением протестантскими благотворительными школами в Ирландии, создало в Лондоне группу сторонников, известную как «Справедливое общество», которое провело первое собрание в 1735 г. в таверне «Корона и якорь» на Стрэнде. В 1738 г. общество учредило ежегодную проповедь для сбора средств на обучение детей католиков. Запланированная на День Святого Патрика, проповедь проводилась в церкви святой Мэриле-Боу, после которой состоялся ужин в Понтаксе. Взносы за ужин, составляющие пять шиллингов, обеспечивали организацию мероприятия. На запланированных встречах присутствовали местные ирландцы и доброжелатели из Ирландии, постоянно проживающие в Лондоне или его окрестностях, а также приезжие[2].

Общество привлекло сторонников в Лондоне, которые имели ирландское происхождение. Они содействовали продвижению производств, на которых могли обучаться воспитанники протестантских школ. Продолжительное взаимо-

[1] Stoughton W. A sermon preach'd before the state in Christ-church in Dublin, on Monday January 31. L.: John Baker, 1709. 20 p. — https://archive.org/details/sermonpreachdbe00smal (апрель, 2022).

[2] Berriman W. Youth the proper Season of Discipline. A Sermon Preach'd before the Society Corresponding with the Incorporated Society in Dublin, for promoting English Protestant Working-Schools in Ireland. L.: M. Downing, 1742. 50 p. — https://archive.org/details/sermonpreachedbe00keeniala (апрель, 2022).

действие представителей «Справедливого общества» с землевладельцами Ольстера обеспечивало поддержку и ресурсы, которые можно было использовать в интересах сообщества. Например, в 1738 г. общество намеревалось построить школу на землях компании торговцев рыбой, расположенной между Колрейном и Дерри[1].

Благотворительные организации привлекали к участию влиятельных ирландцев в Лондоне с помощью листовок и воззваний. В 1741 г. члены «Объединенного общества разослали циркуляр всем знатным джентльменам и джентри Ирландии, которые находились в Лондоне, призывая их присоединиться к работе данной организации[2].

«Общество дружелюбных сыновей Святого Патрика» и масоны также оказывали поддержку приезжим из Ирландии. Сообщества, к которым могли принадлежать выходцы из Ирландии, редко состояли исключительно или даже преимущественно из ирландцев. «Королевское общество» часто избирало стипендиатов, имеющих ирландские связи. Некоторые из них лишь ненадолго приезжали в столицу. Другие, такие как Мэтью Дуэйн, построивший успешную частную юридическую практику[3], оставались там навсегда. Густавус Гамильтон, лорд Бойн, и сэр Джон Родон, будущий граф Мойра, являлись членами малоизвестного «Общества дилетантов», вкладывающих инвестиции для изучения античного искусства[4].

---

[1] Howard R. A Sermon Preach'd in Christ-church, Dublin, before the Incorporated Society for Promoting English Protestant Schools in Ireland. Dublin: Geo. Grierson, 1738. 26 p. — https://archive.org/details/sermonpreachedbe00keeniala (апрель, 2022).

[2] Ibid.

[3] Bergin J. Irish Catholics and Their Networks in Eighteenth-Century London // Eighteenth-Century Life. 2015. Vol. 30. № 1. P. 66-102.

[4] Redford B. Dilettanti: The Antic and the Antique in Eighteenth-Century England. Los Angeles: J. Paul Getty Museum, 2008. P. 21-

В Лондон также отправлялись писатели, актеры и художники из Ирландии, чтобы завоевать славу и богатство. Успехи, таких личностей как поэт Уильям Конгрив, драматург Джордж Фаркер и театральный импресарио Оуэн Суини, вдохновляли остальных переселенцев. Театральный и оперный импресарио Суини работал в театре на Друри-Лейн, а также являлся ценителем искусства и агентом, предоставляющим полотна итальянских художников английским коллекционерам[1].

Большая аудитория и состоятельные покровители стимулировали развитие креативного пространства в Лондоне, в нем заняли свою нишу и выходцы из Ирландии. В источниках встречаются также жалобы на то, что местные таланты в Ирландии оставались без награды[2]. В результате художники часто эмигрировали. Некоторые ирландцы из группы граверов, специализировавшихся на технике меццо-тинто, действовавших в середине XVIII в., такие как Томас Фрай, добились коммерческого и карьерного успеха в Лондоне. Фрай нашел прибыльное применение своим предпринимательским способностям. Он активно работал на фарфоровой фабрике Боу, а также являлся мастером меццо-тинто и опытным портретистом[3]. Когда ирландские меценаты путешествовали в английскую столице, они заказали портреты у Фрая[4]. Джеймс Барри свидетельствовал о разочарованиях на родине и амбициях, которые могли заставить ирландских художни-

22. — https://www.getty.edu/publications/resources/virtuallibrary/9780892369249.pdf (апрель, 2022).

[1] Barnard T. A New Anatomy of Ireland: The Irish Protestants, 1641-1770. New Haven: University Press, 2003. P. 221.

[2] Brenan B. The Painter's Breakfast: A Dramatick Satire. Dublin: Sarah Cotter, 1756. 26 p.

[3] David Alexander. The Dublin Group: Irish Mezzotint Engravers in London, 1750-1775 // Quarterly Bulletin of the Irish Georgian Society. 1973. Vol. 16. P. 73-93.

[4] Wynne M. Thomas Frye (1710–1762) // Burlington Magazine. 1972. Vol. 114 (827). P. 79-84.

ков переехать в туманный Альбион, и о препятствиях, с которыми, они возможно, сталкивались в мегаполисе[1].

Для писателей стимул творить в Англии, а не в Ирландии, был еще более веским. С 1710 г. закон об авторском праве устанавливал право писателя на собственность произведений, опубликованных в Англии, но он не распространялся на публикации в Ирландии. Несоответствие ожидаемого и фактического вознаграждения толкало амбициозных и нуждающихся писателей на поиски лондонского издателя. Впрочем, о поисках издателя и оформлении всех договоренностей мог позаботиться агент или посредник, но как правило, авторы лично приезжали в английскую столицу для заключения контракта. В Лондоне ирландские авторы могли рассчитывать либо на единовременную выплату за рукопись, либо на авторский гонорар. Лишь изредка ирландцы получали крупные денежные суммы, но начинающие авторы не переставали надеяться, что их талант будет высоко оценен общественностью[2].

В Лондоне можно было встретить ирландских писателей, которые вели переговоры о публикации произведений и сетовавших на непорядочность своих издателей. Джонатан Свифт, пожалуй, является самым известным ирландским автором XVIII в., творения которого публиковались в Лондоне. Отчасти это было связано с тем, что Свифт был знаком с издательским миром, благодаря длительному проживанию в Англии и поддерживанию личных связей. Тем не менее, его пример скорее является исключением, поскольку публикация произведений не являлась его единственным заработком, а также потому, что он отдавал предпочтение ирландским издателям по патриотическим соображениям[3]. Его

[1] Cullen F., Foster R. “Conquering England”: Ireland in Victorian London. L.: National Portrait Gallery, 2005. 240 p.

[2] Hayes D. The Works in Verse of Daniel Hayes, Esq. L.: Printed in the year, 1769. P. 10-11.

[3] Pollard M. Who’s for Prison? Publishing Swift in Dublin // Swift Studies. 1999. Vol. 14. P. 37-49.

приемники, такие писатели как Филип Скелтон, Патрик Делани и Томас Лиланд, отправились в Лондон, чтобы договориться о публикации своих трудов. Шансы на положительное решение в типографиях увеличивались у тех, кто имел личные связи в лондонских печатных изданиях и полезные рекомендации от влиятельных покровителей.

В отличие от шотландцев, ирландцы были менее вовлечены в лондонскую издательскую деятельность. Лишь некоторые жители Дублина были лично знакомы с издателями и книготорговцами в английской столице[1]. Трудности, с которыми столкнулись Джон Карри и Сильвестр О'Халлоран в 1770-х гг. при размещении произведений в лондонских издательствах, во многом объяснялись их незнанием мира английской печати. Их издатели прогнозировали малую вероятность коммерческого успеха, поскольку произведения не были рассчитаны на широкий круг читателей, а авторы были малоизвестны[2].

Ирландская писательница Шарлотта Маккарти не только обнаружила общие препятствия для ирландских писателей, надеющихся преуспеть в Лондоне, но и смогла обзавестись полезными знакомствами для продвижения собственной карьеры. Для того чтобы опубликовать свои произведения Маккарти искала поддержки у средних и низших слоев населения английского общества. К 1760-м гг. она опубликовала множество произведений как в Дублине, так и в Лондоне[3].

В источниках редко встречаются упоминания о более крупных ирландских общинах, ищущих и находящих работу

---

[1] Pollard M. Dictionary of the Dublin Book Trade, 1550–1800. Oxford: Clarendon Press, 1989. P. 202-204. — https://archive.org/details/dublinstradeinbo0000poll/page/n5/mode/2up (апрель, 2022).

[2] Barnard T. Writing and Publishing Histories in Eighteenth-Century Ireland // Constructing the Past: Writing Irish History, 1600–1800 / Ed. By Forrest S., Williams M. Woodbridge: Boydell, 2010. P. 98.

[3] A Guide to Irish Fiction, 1650–1900 / Loeber R., Loeber M. Dublin: Four Courts, 2006. 799 p.

в английской столице. Определенные профессии привлекали неимущих ирландцев, заселяющих целые кварталы в Лондоне и его предместьях. Низшие слои ирландского населения также могли рассчитывать на поддержку своих соотечественников. Упоминание о таких постоялых дворах, как «Джордж» на улице Олдерс-Гейт и «Три чашки» на Брэд-Стрит, «где обычно останавливаются ирландцы», дает возможность увидеть, что необходимая информация транслировалась среди ирландских общин[1]. Более того, факт того, что некоторые владельцы таверн и кофеен являлись выходцами из Ирландии, побуждала других ирландских приезжих посещать их заведения. Скопление ирландцев на Королевской бирже в Сити было настолько велико, что для них было отведено «ирландское отделение»[2]. В нарративных повествованиях часто упоминается о том, как ирландцы в Лондоне объединялись в целые группы. Чувство общей идентичности и желание весело отпраздновать встречу отличали ирландцев от других мигрантов[3].

В источниках нередко встречается информация о гостеприимстве и особенностях приемов ирландской знати в Лондоне. Свидетельства о проживании и взаимодействии менее обеспеченных ирландцев, поселившихся в столице, либо скудны, либо носят обобщенный характер. В исследованиях, часто относящихся к началу XIX в., демонстрируется высокий уровень эксплуатации рабочих и рост предубеждений по отношению к ирландцам в лондонском обществе[4].

---

[1] Barnard T. Writing and Publishing Histories in Eighteenth-Century Ireland // Constructing the Past: Writing Irish History, 1600–1800 / Ed. By Forrest S., Williams M. Woodbridge: Boydell, 2010. P. 100.

[2] Burdy S. The Life of Philip Skelton / Ed. by Moore N. Oxford: Clarendon, 1914. P. 100.

[3] Barnard T. Making the Grand Figure: Lives and Possessions in Ireland, 1641–1770. New Haven: Yale Univ. Press, 2013. P. 310-333.

[4] Beames T. The Rookeries of London. L.: Thomas Bosworth, 1852. 309 p.

Неприятие со стороны англичан усиливало общинное самосознание бедных ирландцев, замедляя их адаптацию. Впрочем, в источниках встречаются упоминания о религиозных обрядах и развлекательных мероприятиях, в которых участвовали представители низших слоев. Проведение матчей по херлингу в 1770-х гг. в Блумсбери свидетельствует о способности ирландцев адаптироваться к враждебной среде, хотя вряд ли матчи рассчитывались исключительно на ирландское население[1]. Убеждения в том, что ирландцы обладают развитой физической силой или особыми способностями к работе в качестве жокеев, кучеров, конюхов или берейторов, создавали устойчивые стереотипы. Таверны и часовни с характерной ирландской атмосферой, а также спортивные площадки были местами, где трудолюбивые и преуспевающие ирландские переселенцы могли встретиться и отдохнуть. Некоторые масонские ложи привлекали большое число людей ирландского происхождения, чему способствовали выдающая роль и активное участие Лоуренса Дермотта в лондонском масонстве середины XVIII в.

Большинство бедных ирландцев в английской столице оставались католиками. В Лондоне также служили священники ирландского происхождения. Часовня посольства Сардинии, расположенная в центре города, была одним из самых посещаемых мест, где совершались католические обряды. Иногда в ней служили священники из Ирландии[2]. Ирландский францисканец, проживающий в часовне в Линкольнс-Инн, в 1748 г. сообщил, что во время сбора урожая и сенокоса прибывало большое количество людей. Это были «беднейшие слои населения», они приезжали «отовсюду, чтобы заработать средства на оплату аренды, всем известно о том, как они бедствуют в своей стране. Некоторые из ми-

[1] Bergin J. Irish Catholics and Their Networks in Eighteenth-Century London // Eighteenth-Century Life. 2015. Vol. 30. № 1. P. 66-102.

[2] Penning H. The Irish Dominican Province, 1698-1797. Dublin: Dominican Publications, 1990. P. 230-231.

грантов умерли, другие обзавелись семьями и осели в Лондоне. Церковь была переполнена ими»[1]. Священник также отметил, что в часовне был только один духовник, «который также говорил по-ирландски. Однако я заметил, что ирландские прихожане подают мне знаки, что не могут исповедоваться на английском языке, поэтому в определенное время года я заслушиваю исповеди ирландского населения дольше, чем обычно. На десять исповедующихся ирландцев приходится один англичанин. Более того, я встречался с людьми, которые годами не могли исповедоваться из-за отсутствия ирландского духовника. В окрестностях того места, где я служил почти четыре года, есть кварталы, жители которых говорят только на ирландском языке»[2].

Священник утверждал, что был их «ординарием» в тот период, и сказал, что никогда не слышал ни об одном английском священнике, который бы поднимался на их чердаки или спускался в подвалы. «Дома общественных собраний — это те места, где находят прибежище эти бедные люди, так как у них нет возможности арендовать комнату». Английское духовенство знало только то, что они ирландцы, «никогда не проверяя, говорят ли они по-английски»[3].

Источники свидетельствуют об еще одном лондонском священнике, который владел ирландским языком. Выдающийся врач, анатом и химик Бернард Коннор сделал успешную карьеру врача, побывал в Польше и написал отчет о своем исследовательском опыте. Вернувшись в Лондон, Коннор принял англиканскую веру. Однако тяжело заболев, он пригласил в свою спальню священнослужителя, говорящего по-ирландски, который засвидетельствовал, что провел над Конором обряд последнего помазания[4].

---

[1] Davies P. Lost London, 1870-1945. London: Transatlantic, 2009. P. 136.

[2] Ibid. P. 138.

[3] Ibid.

[4] Hayley W. A sermon preached in the parish church of St. Giles in the Fields: at the funeral of Bernard Connor, M.D., who departed this

Лондонские обыватели могли идентифицировать ирландцев по их акценту, который можно было часто услышать в мегаполисе[1]. Ирландский акцент не всегда можно было распознать среди пестроты провинциальных диалектов города. Устоявшиеся стереотипы наделяли ирландцев, как шотландцев и валлийцев, определенными чертами[2]. Но, за исключением театральных постановок, эти отличительные особенности не всегда были характерны для всех ирландцев, встречающихся в городе.

Несомненно, личные связи и деловые отношения ирландцев в Лондоне выстраивались вокруг родства или общего происхождения[3]. Записки о деятельности ирландского государственного деятеля Ричарда Эджуорта в период его обучения праву в 1720-х гг. и дневник Роберта Френча, составленный во время поездки из Монивае в Лондон в 1751 г., показывают, что они использовали ирландские связи в Лондоне в качестве основы для своей будущей карьеры[4]. Однако дальнейшее обучение, профессиональная деятельность и путешествия делали неизбежным взаимодействие ирландцев с иными этно-конфессиональными группами. По прошествии какого-то времени ирландские переселенцы все глубже про-

---

life, Oct. 30, 1698. With a Short Account of his Life and Death. L.: Jacob Tonson, 1699. 36 p.

[1] Barnard T. Making the Grand Figure: Lives and Possessions in Ireland, 1641–1770. New Haven: Yale University Press, 2013. P. 328-329.

[2] Hayton D. From Barbarian to Burlesque: English Images of the Irish, ca. 1660-1750 // Irish Economic and Social History. 1988. Vol. 15. P. 1-24.

[3] Cullen L. The Two George Fitzgeralds of London, 1718-1759 // Irish and Scottish Mercantile Networks in Europe and Overseas in the Seventeenth and Eighteenth Centuries / Ed. Dickson D., Parmentier J., Ohlmeyer J. Gent: Academia, 2007. P. 251-270.

[4] Barnard T. Making the Grand Figure: Lives and Possessions in Ireland, 1641–1770. New Haven: Yale University Press, 2013. P. 326-337.

никались атмосферой крупного мегаполиса, осваивали английский язык и культурные нормы многообразной столицы. Взаимодействие исключительно в рамках миграционных сетей, наделяло приезжих связами и ресурсами, необходимыми для выживания в английской столице только в начальный период жизни в Лондоне, в последующем подобные отношения сводили на нет цель путешествия, замедляя процесс адаптации и языковой ассимиляции.

Анализ источников позволяет полагать, что благодаря языку и вероисповеданию ирландская идентичность сохранялась и даже укреплялась. Однако, в процессе адаптации ирландские переселенцы высшего и среднего слоев впитывали в себя элементы имперской культуры нового типа, приобретали иные поведенческие черты, не выделяющие их из общей массы населения мегаполиса. Напротив, ирландцы из низших сословий, столкнувшись с неприятием лондонского общества, взаимодействовали исключительно в рамках своей общины, сохраняя элементы традиционной культуры.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Источники / Sources

The Correspondence of Henry Hyde, Earl of Clarendon / Ed. By Singer S.W.L.: H. Colburn, 1828. Vol. 2. 620 p. — https://catalog.hathitrust.org/Record/000772832 (April, 2022).

Berriman W. Youth the proper Season of Discipline. A Sermon Preach'd before the Society Corresponding with the Incorporated Society in Dublin, for promoting English Protestant Working-Schools in Ireland. L.: M. Downing, 1742. 50 p. — https://archive.org/details/sermonpreachedbe00keeniala (April, 2022).

Brenan B. The Painter's Breakfast: A Dramatick Satire. Dublin: Sarah Cotter, 1756. 26 p.

Brodrick J. Sr St. John Brodrick's vindication of himself from the aspersions cast on him in a pamphlet written by Sir Rich. L.: printed for the author, 1689. 31 p. — https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A29611.0001.001/1:2?rgn=div1;view=fulltext (April, 2022).

Bulkeley R. The proposal for sending back the nobility and gentry of Ireland. L.: Samuel Holford, 1690. 24 p. — https://catalogue.nli.ie/Record/vtls000195820 (April, 2022).

Hayley W. A sermon preached in the parish church of St. Giles in the Fields: at the funeral of Bernard Connor, M.D., who departed this life, Oct. 30, 1698. With a Short Account of his Life and Death. L.: Jacob Tonson, 1699. 36 p.

Howard R. A Sermon Preach'd in Christ-church, Dublin, before the Incorporated Society for Promoting English Protestant Schools in Ireland. Dublin: Geo. Grierson, 1738. 26 p. — https://archive.org/details/sermonpreachedbe00keeniala (April, 2022).

Letter from Andrew Caldwell, London, addressed to "Dear Madm" Elizabeth Caldwell, 10 July 1777 // Royal Irish Academy, Caldwell MSS, 12 R 41/60. — https://www.ria.ie/sites/default/files/caldwell-collection-catalogue-sp-list-a040.pdf (April, 2022).

Marriage of Margaret and James. Excerpt from The Ash MSS: written in the year 1735, by Lieut. Col. Thomas Ash, and Other Family Records / Ed. by Martin E.T. Belfast, 1890. 78 p.

Records of the General Synod of Ulster from 1691 to 1820. Belfast: Archer and Sons Printers, 1897. Vol. 2. 558 p.

Some Account of the Life of Joseph Pike of Cork, in Ireland, Who Died in the Year 1729. London: Darton and Harvey, 1837. 392 p.

Stoughton W. A sermon preach'd before the state in Christ-church in Dublin, on Monday January 31. L.: John Baker, 1709. 20 p. — https://archive.org/details/sermonpreachdbe00smal (April, 2022).

Wilkinson T. Memoirs of his own life. York: Wilson, Spence, and Mawman, 1790. Vol. 1. 240 p. — https://play.google.com/books/reader?id=gEs6AAAAcAAJ&pg=GBS.PA6&hl=ru (April, 2022).

Исследования / Scientific research

Clark P. British Clubs and Societies, 1580–1800: The Origins of an Associational World. Oxford: Oxford University, 2000. 516 p.

Conway Letters: The Correspondence of Anne, Viscountess Conway, Henry More, and Their Friends, 1642–1684 / Ed. by Nicolson M. Oxford: Clarendon Press, 1992. 592 p.

Barnard T. Crises of Identity among Irish Protestants, 1641–1685 // Past and Present. Vol. 127, 1990. P. 39-83.

Barnard T. “Introduction” to The Dukes of Ormonde, 1610–1745 / Ed. by Barnard T., Fenlon J. Woodbridge: Boydell, 2000. 291 p.

Barnard T. Making the Grand Figure: Lives and Possessions in Ireland, 1641–1770. New Haven: Yale University Press, 2013. P. 334-335. 520 p.

Barnard T. A New Anatomy of Ireland: The Irish Protestants, 1641–1770. New Haven: University Press, 2003. 489 p.

Barnard T. The Uses of 23 October 1641 and Irish Protestant Celebrations // English Historical Review. 1991. Vol. 106. P. 889-920.

Barnard T. The Worlds of a Galway Squire: Robert French of Monivae, 1716–1779 // Galway: History and Society / Ed. by Gillespie R., Moran G. Dublin: Geography, 1996. P. 271-296.

Barnard T. Writing and Publishing Histories in Eighteenth-Century Ireland // Constructing the Past: Writing Irish History, 1600–1800 / Ed. By Forrest S., Williams M. Woodbridge: Boydell, 2010. P. 95-112.

Beames T. The Rookeries of London. L.: Thomas Bosworth, 1852. 309 p.

Bergin J. Irish Catholics and Their Networks in Eighteenth-Century London // Eighteenth-Century Life. 2015. Vol. 30. № 1. P. 66-102.

Berman R. The London Irish and the Antients Grand Lodge // Eighteenth-Century Life. Vol. 39. № 1. 2015. P. 103-130.

Burdy S. The Life of Philip Skelton / Ed. by Moore N. Oxford: Clarendon, 1914. 255 p.

Cullen F., Foster R. “Conquering England”: Ireland in Victorian London. L.: National Portrait Gallery, 2005. 240 p.

Cullen L. The Two George Fitzgeralds of London, 1718–1759 // Irish and Scottish Mercantile Networks in Europe and Overseas in the Seventeenth and Eighteenth Centuries / Ed. Dickson D., Parmentier J., Ohlmeyer J. Gent: Academia, 2007. P. 251-270.

David Alexander. The Dublin Group: Irish Mezzotint Engravers in London, 1750–1775 // Quarterly Bulletin of the Irish Georgian Society. 1973. Vol. 16. P. 73-93.

Davies P. Lost London, 1870–1945. London: Transatlantic, 2009. 368 p.

A Guide to Irish Fiction, 1650–1900 / Loeber R., Loeber M. Dublin: Four Courts, 2006. 799 p.

Hayes D. The Works in Verse of Daniel Hayes, Esq. L.: Printed in the year, 1769. P. 10-11. 374 p.

Hayton D. The Anglo-Irish Experience, 1680–1730: Religion, Identity, and Patriotism. Woodbridge: Boydell, 2012. 246 p.

Hayton D. From Barbarian to Burlesque: English Images of the Irish, ca. 1660–1750 // Irish Economic and Social History. 1988. Vol. 15. P. 1-24.

Lock F. Edmund Burke. Vol. 1 (1730–1784). Oxford: Oxford University Press, 1998. 616 p.

Penning H. The Irish Dominican Province, 1698–1797. Dublin: Dominican Publications, 1990. 630 p.

Pollard M. Dictionary of the Dublin Book Trade, 1550–1800. Oxford: Clarendon Press, 1989. 304 p. — https://archive.org/details/dublinstradeinbo0000poll/page/n5/mode/2up (April, 2022).

Pollard M. Who's for Prison? Publishing Swift in Dublin // Swift Studies. 1999. Vol. 14. P. 37-49.

Redford B. Dilettanti: The Antic and the Antique in Eighteenth-Century England. Los Angeles: J. Paul Getty Museum, 2008. 240 p. — https://www.getty.edu/publications/resources/virtuallibrary/9780892369249.pdf (April, 2022).

Wynne M. Thomas Frye (1710–1762) // Burlington Magazine. 1972. Vol. 114 (827). P. 79-84.

М.А. Мухин
(Ростов-на-Дону)

«ЮНИОНИСТКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ» И УИЛЬЯМ РОБЕРТСОН

Исследование Александра дю Туа «“Юнионистский национализм” в восемнадцатом веке: Уильям Робертсон и Джеймс Андерсон»[1] несомненно вызывает интерес. Автор приходит к выводу, что шотландский историк У. Робертсон является ранним представителем «юнионистского национализма»[2]. Прежде его не рассматривали как историка, конструирующего образы прошлого исходя из национально-ориентированных взглядов. Как отмечает дю Туа, исследователи до него традиционно делали акцент лишь на сильной связи У. Робертсона с идеями французских и английских авторов[3]. В 2006 году дю Туа предложил рассматривать фигуру историка как представителя раннего «юнионисткого

[1] Toit A. Unionist Nationalism in the Eighteenth Century: William Robertsom and James Anderson (1662–1728) // The Scottish Historical Review. 2006. Vol. 85. No 220. Part 2. P. 305-314.

[2] Toit A. Op. cit. P. 312.

[3] Kidd C. Subverting Scotland's Past: Scottish Whig Historians and the Creation of an Anglo-British Identity 1689–1830. Cambridge, 1993. P. 97-115, 180-198; O'Brien K. Narratives of enlightenment: cosmopolitan history from Voltaire to Gibbon. Cambridge, 1997. P. 93-166.

национализма». Если принять предложенный взгляд, то потребуется пересмотр традиционных оценок и некоторых других шотландских деятелей Эпохи Просвещения. Или все-таки взгляды Уильяма Робертсона можно считать лишь отдаленно схожими с «юнионистским национализмом»?

Александр дю Туа, как он сам указывает в своей статье[1], исходит из концепции «юнионистского национализма», предложенной Грэмом Мортоном[2]. До публикации исследований Г. Мортона в рамках общепринятой исследовательской позиции историки отмечали, что как минимум до последней трети XIX века у шотландцев было блеклое и слабое чувство национальной идентичности. Г. Мортон в научной работе[3], являющейся исходной точкой для исследования дю Туа, доказывал, что жители Северной Британии в середине XIX веке испытывали гордость от принадлежности к шотландской нации, а чувства собственного достоинства и исключительности пронизывали их культуру. При этом носители шотландской идентичности не были противниками единого с Англией государства. Шотландцы, придерживающиеся «юнионистского национализма» в XIX веке, выступали за местную автономию, но не стремились к национальной независимости. Г. Мортон приходит к выводу, что шотландцы установили Уильяму Уоллесу памятник, так как с их точки зрения, его борьба за независимость страны позволила Шотландии быть не завоеванной областью, а равным и величественным партнером Англии. Риторика «юнионистского национализма» была прямолинейной, и притязания на власть в обществе включали в себя множество публичных актов, направленных на прославление шотландской нации.

[1] Toit A. Op. cit. P. 312.

[2] Morton G. Unionist Nationalism: Governing Urban Scotland, 1830–1860. East Lothian, 1999; Morton G. Unionist-nationalism: the historical construction of Scottish national identity, Edinburgh, 1830–1860. Ph. D. diss., Edinburgh, 1994.

[3] Morton G. Unionist Nationalism: Governing Urban Scotland, 1830–1860. East Lothian, 1999.

Г. Мортон писал не об юнионизме с элементами национализма, а о национализме, который напрямую не противоречил юнионизму. Последующие исследователи, разрабатывающие идеи Г. Мортона, значительно расширили область их применения. Так, К. Кидд в труде «Союз и юнионизм: Политическая мысль в Шотландии, 1500–2000» указывал на то, что большая часть шотландского национализма до 1950-х годов носила юнионистский характер[1]. А Линдси Патерсон в 1994 г. отмечала, что «юнионисткий национализм» не был вполне мертв даже в конце XX века[2].

Ориентируясь на работы Г. Мортона, Александр дю Туа, в рамках своего исследования использовал труд Уильяма Робертсона «История Шотландии во времена правления королевы Марии и короля Якова VI»[3] как источник. Дю Туа обратил внимание на то, что в своем труде автор утверждал, что Шотландия имела долгую историю независимости и сопротивления иностранному господству. Отрицает деятель эпохи Просвещения и древнее право Англии на господство над Шотландией. «Невероятные рассказы о ранней британской истории, частичные свидетельства невежественных летописцев, предполагаемые договоры и хартии являются доказательствами, на которых Эдуард основал свое право на суверенитет Шотландии…»[4]. Дю Туа также акцентирует внимание на сходстве позиции У. Робертсона в отношении нелегитимности претензий англичан на включение Шотландии в ее состав с тезисами патриотических авторов (в частности, Джеймса Андерсона[5]). Упомянутое позволяет Алек-

[1] Kidd C. Union and Unionisms: Political Thought in Scotland, 1500–2000. Cambridge, 2008. P. 257-300.

[2] Paterson L. Autonomy of modern Scotland. Edinburgh, 1994. P. 60.

[3] Robertson W. The works of William Robertson, with an account of his life and writings. London, 1824. Vol. 1.

[4] Ibid. P. 11.

[5] Anderson J. An Historical Essay shewing that the Crown and Kingdom of Scotland is Imperial and Independent. Edinburgh, 1992.

сандру дю Туа считать этого деятеля эпохи Просвещения ранним «юнионистким националистом». Но стоит задуматься о правильности выводов дю Туа. Действительно ли взгляды У. Робертсона укладываются в рамки «юнионисткого национализма»?

Александр дю Туа противопоставляет презрение Дэвида Юма к ранней шотландской истории («маловероятно, чтобы нация, столь грубая и неотесанная, обладала какой-либо историей»[1]) оценкам Уильяма Робертсона, и приходит к выводу, что Робертсон все же был далек от пренебрежительного отношения к прошлому Северной Британии. Однако, несмотря на то, что Уильям Робертсон более сдержанно относится к истории Шотландии, он все же высказывает много негативных оценок. В частности, автор многократно критикует шотландское прошлое, сомневаясь в достоверности событий. Историк даже вычеркивает целые периоды из истории Шотландии: «Первые века шотландской истории темны и сказочны»[2]. Не доверяет он и шотландским источникам. «Король шотландцев (по словам их собственных сказочных авторов), одержал полную победу над пиктами и объединил под одной монархией всю страну…»[3]. Большего доверия с точки зрения У. Робертсона часто заслуживают не шотландские, а английские записи. «В третьем периоде история Шотландии, главным образом с помощью записей, сохранившихся в Англии, становится более достоверной: не только события связаны, но и объясняются их причины и следствия…»[4]. Автор не только не испытывает гордость за «древнее» прошлое Шотландии, но и фактически отрицает возможность восстановить ход ранней истории государства.

---

[1] Toit A. Op. cit. P. 306.

[2] Robertson W. The works of William Robertson, with an account of his life and writings. London, 1824. Vol. 1. P. 1.

[3] Ibid. P. 3.

[4] Ibid. P. 5.

Уильям Робертсон восхищается английскими институтами: «…Многие причины способствовали тому, что правительство в Англии раньше достигло совершенства, чем в Шотландии; поскольку строгость феодальных институтов ослабла раньше, и ее недостатки были устранены с большей легкостью в одном королевстве, чем в другом, Англия возглавила все эти изменения, и граждане и рыцари графства появились в парламентах этой страны, прежде чем о них услышали в нашем [парламенте]»[1]. В рамках первой книги автор пишет с гордостью о шотландской нации, говоря лишь о победе над англичанами в войнах за независимость. К тому же У. Робертсон был убежден, что Шотландия отставала от общемировых процессов. Также историк включает Шотландию в систему европейских стран без всяких оговорок, не считая ее путь исключительным. Он отмечает: «Глубокое знание этой общей системы, частью которой является каждое королевство в Европе, не менее необходимо для понимания истории нации, чем знакомство с ее особым управлением и законами»[2]. С точки зрения У. Робертсона Шотландия не являлась особенным королевством.

Согласно оценке Г. Остандера[3] часть современников (в частности, Томас Джефферсон) не идентифицировали Уильяма Робертсона и его эдинбургских коллег как шотландцев. В произведениях авторы эпохи Просвещения эмоционально-экспрессивно не подчеркивали личную связь с Шотландией. Показательно, что труд «История о государствовании императора Карла V» У. Робертсона начинается с критики национальной истории как локальной по значению[4]. Можно предположить, что в целом история Шотландии

[1] Ibid. P. 64.

[2] Ibid. P. 68.

[3] Ostrander G. M. Jefferson and Scottish Culture // Historical Reflections / Réflexions Historiques. 1978. Vol. 5, No. 2. P. 248.

[4] Robertson W. The history of the reign of the Emperor Charles V. London, 1769. Vol. 1. P. ix.

с точки зрения автора представляет меньший интерес, чем история Великобритании.

Александр дю Туа склоняется к позиции, что Уильям Робертсон не использовал прямолинейную риторику в выражении своих взглядов близких к «юнионисткому к национализму», так как опасался вызвать неудовольствие Британской политической элиты. С той же степенью уверенности можно предположить, что положительные оценки прошлого Шотландии вызваны желанием заручиться поддержкой аудитории, на которую было ориентировано произведение. Труд «История Шотландии…» можно сравнить с книгой англичанина Френсиса Гроуза, которая посвящена памятникам Шотландии. Произведение Гроуза[1] было рассчитано на коммерческий успех у широкой публики, но автор практически не подвергает критики историю Шотландии в отличие от У. Робертсона. Френсис Гроуз восхищенно описывает шотландские памятники и даже утверждает, что «…Северная Британия содержит все виды древних памятников, обычно встречающихся на Юге, с добавлением некоторых, характерных для нее самой»[2]. Нет аргументированных оснований утверждать, что симпатия к прошлому Шотландии могла вызвать негативную реакцию у политической элиты.

Александр дю Туа утверждает, что с точки зрения Уильяма Робертсона именно революция 1688 года установила свободу в Шотландии[3], а следовательно она — более важное событие, чем Акт об Унии[4]. Однако, отсутствует прямое сравнение роли двух событий, и можно лишь предполагать оценку У. Робертсона. Несмотря на отмеченную дю Туа «банальность»[5], необходимо учитывать концовку исто-

[1] Grose F. The antiquities of Scotland. London, 1797. Vol. 1.

[2] Ibid. P. i.

[3] Toit A. Op. cit. P. 310.

[4] Union with England Act 1707. — http://rahbarnes.co.uk/union/union-of-1707/union-with-england-act-1707/ (февраль, 2022).

[5] Toit A. Op. cit. P. 310.

рии Шотландии, в которой комментируется объединение Англии и Шотланлии: «Шотландцы, бывшие в течение целого столетия в ситуации, не менее губительной для свободы, чем для духа нации, сразу же получили привилегии, более ценные, чем те, которыми прежде пользовались их предки»[1]. Стоит отметить, что в концовке истории Шотландии У. Робертсон утверждает, что различия между англичанами и шотландцами стираются (язык, стандарт вкуса, развлечения[2]), им не выделяются никакие особенные национальные черты, которые могли бы сохраниться. Нет ощущения, что он считает важным сохранение шотландской идентичности. При этом высказываемая Уильямом Робертсоном симпатия к союзу ставит под сомнения тезис Александра дю Туа, что шотландский историк не написал историю Британии от 1688 до 1714 года из-за не совсем однозначного отношения к объединению Англии и Шотландии. Но несмотря на отсутствие однозначных аргументов, все же нельзя отрицать допустимость этого предположения.

Нет оснований считать, что Уильям Робертсон в большой степени разделял взгляды, высказанные в историческом труде Джеймса Андерсона[3], имеющем яркий прошотландский характер (на влияние которого фокусировал внимание Александр дю Туа). В XVIII веке доступ к источникам был ограничен, поэтому неудивительно, что У. Робертсон обратился к одному из немногих доступных текстов. Из-за ограниченного количества литературы и источников, которые автор использовал, влияние каждого из них достаточно заметно. Историку было затруднительно обратиться к первоисточникам и даже доступ к вторичным источникам вызы-

[1] Robertson W. The history of Scotland during the reigns of Queen Mary and of King James till his accession to the crown of England with a review of the Scottish previous to that period. London, 1840. Vol. 2. P. 254.

[2] Ibid. P. 254.

[3] Anderson J. An Historical Essay shewing that the Crown and Kingdom of Scotland is Imperial and Independent. Edinburgh, 1992.

вал сложности. У. Робертсон в письме к сэру Дэвиду Далримплу, лорду Хейлзу, пишет: «У меня есть более распространенные истории о том времени, такие как сочинения Бьюкенена, Споттисвуда и Нокса, но есть несколько сборников работ Андерсона, Джебба, Форбса и других, которые я не знаю, где найти. Я убежден, что большинство этих книг имеются у вас в библиотеке, и льщу себя надеждой, что вы будете так добры, что позволите мне ими воспользоваться»[1]. Наиболее яркое сходство с трудом Джеймса Андерсона связано с традиционным аргументом в пользу независимости Шотландии в Средние века. У. Робертсон согласен с Андерсоном в том, что шотландские монархи приносили оммаж только за те земли, которые принадлежали им на территории Англии. Таким образом, оба историка едины в том, что Англия не имела законных прав на включение Шотландии в ее состав. Но вывод Робертсона мог быть связан не с патриотизмом или «юнионистким национализмом» историка, а с его исследовательской позицией. Следует подчеркнуть, что Уильям Робертсон отмечал: «Союз сделал дебаты о независимости предметом простого любопытства»[2].

В.Ю. Апрыщенко в статье «Дэвид Юм и Британская юнионистская традиция эпохи Просвещения» отмечал: «Уильям Робертсон стремился отстаивать прагматичную позицию, гарантировавшую, что шотландская церковь станет частью британских легислатур»[3]. Фактически, У. Робертсон выступал против внутренней автономии Шотландии, которая считается важнейшим идеологическим элементом «юнионисткого национализма».

---

[1] Robertson W. The works of William Robertson, with an account of his life and writings. London, 1824. Vol. 1. P. xiv.

[2] Toit A. Op. cit. P. 311.

[3] Апрыщенко В. Ю. Дэвид Юм и британская юнионистская традиция эпохи Просвещения // Диалог со временем. 2011. № 37. С. 11.

Во второй половине XVIII века одна из проблем, которая широко обсуждалась в Шотландии, была связана с законом о милиции[1]. Александр дю Туа, ссылаясь на оценку Р. Шера, отмечает, что Уильям Робертсон рассматривал проблему милиции как «критическое испытание свободы Шотландии и жизнеспособности союза»[2]. Тем не менее ряд исследователей считали, что поддержка закона о милиции Уильямом Робертсоном была связана лишь с ностальгией[3]. Показательно, что никакой реакции в связи с тем, что проект милиции не был принят, от историка не последовало, что отмечает и сам дю Туа[4]. К тому же после отклонения закона о милиции У. Робертсон не проявлял никакого желания обсуждать Унию 1707 г. Подобную реакцию нельзя считать однозначной, она может свидетельствовать как о частичном разочаровании в едином с Англией государстве, так и о резком снижении интереса к институту милиции со стороны У. Робертсона. Нельзя утверждать, что ситуация с законом о милиции свидетельствует о том, что он был «юнионистским националистом».

Нет существенных оснований полагать, что Уильям Робертсон в труде «История Шотландии во времена правления королевы Марии и короля Якова VI», конструируя шотландское прошлое, исходил из взглядов, которые можно отнести к «юнионистскому национализму». Подтверждает мнение, высказанное Александром дю Туа в исследовании «“Юнионистский национализм” в восемнадцатом веке: Уильям Робертсон и Джеймс Андерсон» лишь утверждение У. Робертсона, что Шотландия не была частью Англии в Средние века. Может быть для историка Шотландия и партнер Анг-

[1] Апрыщенко В.Ю. Клановая система Горной Шотландии: традиции и модернизация. Ростов н/Д., 2006. С. 251.

[2] Sher R.B. Church and University in the Scottish Enlightenment: The Moderate Literati of Edinburgh. Princeton, 1985. P. 227.

[3] The Cambridge Companion to the Scottish Enlightenment / Ed. by A. Broadie. Cambridge, 2003. P. 270.

[4] Toit A. Op. cit. P. 314.

лии, но автор не верит в исключительность нации и не испытывает заметной гордости от принадлежности к ней. Нет оснований утверждать, что У. Робертсон действовал исходя из взглядов, которые можно было бы отнести «юнионисткому национализму». При этом вряд ли можно отрицать, что тезис Уильяма Робертсона о независимости Шотландии мог повлиять на взгляды «юнионистких националистов». Кроме того, следует отметить, что исследование Александра дю Туа поднимает проблему, которая не была затронута в более ранних научных работах и требует тщательного изучения.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

Anderson J. An Historical Essay shewing that the Crown and Kingdom of Scotland is Imperial and Independent. Edinburgh, 1992.

Grose F. The antiquities of Scotland. London, 1797. Vol. 1.

Robertson W. The history of Scotland during the reigns of Queen Mary and of King James till his accession to the crown of England with a review of the Scottish previous to that period. London, 1840. Vol. 2.

Robertson W. The history of the reign of the Emperor Charles V. London, 1769. Vol. 1.

Robertson W. The works of William Robertson, with an account of his life and writings. London, 1824. Vol. 1.

Union with England Act 1707. — http://rahbarnes.co.uk/union/union-of-1707/union-with-england-act-1707/ (April, 2022).

Исследования

Апрыщенко В.Ю. Дэвид Юм и британская юнионистская традиция эпохи Просвещения // Диалог со временем. 2011. № 37. С. 5-23.

Апрыщенко В.Ю. Клановая система Горной Шотландии: традиции и модернизация. Ростов н/Д., 2006.

Kidd C. Subverting Scotland's Past: Scottish Whig Historians and the Creation of an Anglo British Identity 1689–1830. Cambridge, 1993.

Kidd C. Union and Unionisms: Political Thought in Scotland, 1500–2000. Cambridge, 2008.

Morton G. Unionist Nationalism: Governing Urban Scotland, 1830–1860. East Lothian, 1999.

Morton G. Unionist-nationalism: the historical construction of Scottish national identity, Edinburgh, 1830–1860. Ph.D. diss., Edinburgh, 1994.

O'Brien K. Narratives of enlightenment: cosmopolitan history from Voltaire to Gibbon. Cambridge, 1997.

Ostrander G. M. Jefferson and Scottish Culture // Historical Reflections / Réflexions Historiques. 1978. Vol. 5, No. 2. P. 233-249.

Paterson L. Autonomy of modern Scotland. Edinburgh, 1994.

Sher R. B. Church and University in the Scottish Enlightenment: The Moderate Literati of Edinburgh. Princeton, 1985.

The Cambridge Companion to the Scottish Enlightenment / Ed. by A. Broadie. Cambridge, 2003.

Toit A. Unionist Nationalism in the Eighteenth Century: William Robertsom and James Anderson (1662–1728) // The Scottish Historical Review. 2006. Vol. 85. No 220. Part 2. P. 305-314.

REFERENCES

Sources

Anderson J. An Historical Essay shewing that the Crown and Kingdom of Scotland is Imperial and Independent. Edinburgh, 1992.

Grose F. The antiquities of Scotland. London, 1797. Vol. 1.

Robertson W. The history of Scotland during the reigns of Queen Mary and of King James till his accession to the crown of England with a review of the Scottish previous to that period. London, 1840. Vol. 2.

Robertson W. The history of the reign of the Emperor Charles V. London, 1769. Vol. 1.

Robertson W. The works of William Robertson, with an account of his life and writings. London, 1824. Vol. 1.

Union with England Act 1707. — http://rahbarnes.co.uk/union/union-of-1707/union-with-england-act-1707/ (April, 2022).

Scientific research

Apryshhenko V. Ju. Djevid Jum i britanskaja junionistskaja tradicija jepohi Prosveshhenija // Dialog so vremenem. 2011. № 37. С. 5-23.

Apryshhenko V. Ju. Klanovaja sistema Gornoj Shotlandii: tradicii i modernizacija. Rostov n/D., 2006.

Kidd C. Subverting Scotland's Past: Scottish Whig Historians and the Creation of an Anglo British Identity 1689–1830. Cambridge, 1993.

Kidd C. Union and Unionisms: Political Thought in Scotland, 1500–2000. Cambridge, 2008.

Morton G. Unionist Nationalism: Governing Urban Scotland, 1830–1860. East Lothian, 1999.

Morton G. Unionist-nationalism: the historical construction of Scottish national identity, Edinburgh, 1830–1860. Ph. D. diss., Edinburgh, 1994.

O'Brien K. Narratives of enlightenment: cosmopolitan history from Voltaire to Gibbon. Cambridge, 1997.

Ostrander G. M. Jefferson and Scottish Culture // Historical Reflections / Réflexions Historiques. 1978. Vol. 5, No. 2. P. 233-249.

Paterson L. Autonomy of modern Scotland. Edinburgh, 1994.

Sher R. B. Church and University in the Scottish Enlightenment: The Moderate Literati of Edinburgh. Princeton, 1985.

The Cambridge Companion to the Scottish Enlightenment / Ed. by A. Broadie. Cambridge, 2003.

Toit A. Unionist Nationalism in the Eighteenth Century: William Robertsom and James Anderson (1662–1728) // The Scottish Historical Review. 2006. Vol. 85. No 220. Part 2. P. 305-314.

О.И. Рудая
(Ростов-на-Дону)

ИСТОРИЯ «ПОЛИТИЧЕСКИХ БЛУЖДАНИЙ» ДЖОНА СТРЭЧИ

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ БИОГРАФИИ В ПЕРИОД С 1924 ПО 1931 ГОДЫ

Эвелин Джон Стрэчи известен, прежде всего, как крупный английский экономист, публицист и теоретик лейборизма, много писавший о кризисе капиталистической системы и угрозе фашизма в Европе и Великобритании в межвоенный период. Знают его и как общественного деятеля, активно участвовавшего в антифашистской борьбе за сохранение мира на континенте, а также как лейбористского политика, занимавшего в послевоенные годы посты министра продовольствия и государственного секретаря по военным вопросам. Однако такой насыщенной событиями общественно-государственной деятельности предшествовал семилетний период поисков, которые сам Стрэчи характеризовал «как длинную и скучную историю политических блужданий»[1]. Насколько непростой и запутанной была эта история, и предстоит выяснить в рамках данной статьи.

Джон Стрэчи родился 21 октября 1901 г. в Гилфорде — административном центре графства Суррей. Он был третьим

[1] Стрэчи Дж. Воспитание коммуниста // Интернациональная литература. 1934. № 2. С. 123.

ребенком в семье крупного издателя и редактора Джона Сент Лоу и Эми Стрэчи. Следуя семейной традиции, Джон — младший поступил в Оксфорд и получил прекрасное образование в Итоне и колледже Магдалины. В годы учебы вместе со своим другом Робертом Бутби он редактировал университетское обозрение “Oxford Fortnightly Review”, а также активно участвовал в деятельности студенческого драматического общества в качестве актера и драматурга. Однако из-за возникших проблем со здоровьем учебу в Оксфорде пришлось прервать и покинуть его стены в 1922 г., не получив степени.

В 1923 г. вопреки ожиданиям родителей молодой журналист вступил в ряды Независимой лейбористской партии (НРП). В буржуазных кругах, из которых он происходил, и особенно в семье данное решение вызвало не просто непонимание, а резкое недовольство. По воспоминаниям публициста, оно было воспринято как «достойное сожаления чудачество», повлекшее за собой «достаточно серьезные личные осложнения»[1]. Помимо возникших разногласий с отцом, на которого молодой Стрэчи смотрел как на «очень старомодного интеллектуала», этот поступок не позволил ему унаследовать принадлежавшую родителю газету “Spectator” — известное консервативное издание, являвшееся до Первой мировой войны самым влиятельным из всех лондонских еженедельников. Впрочем, данное обстоятельство не мешало журналисту регулярно печатать в нем свои статьи и рецензии, что приносило ему ежегодный доход в более чем 400 фунтов стерлингов[2].

Следует подчеркнуть, что для начала 1920-гг., когда в мире были еще свежи воспоминания о революционных событиях 1917 г. в России, вступление в партию, провозгласившую своей целью построение социализма, являлось достаточ-

[1] Стрэчи Дж. Воспитание коммуниста. С. 123.

[2] John Strachey Facts. — http://biography.yourdictionary.com/john-strachey (февраль, 2022).

но смелым и неординарным поступком. Тем более это касалось представителя буржуазии, которому по природе происхождения было свойственно «отмахиваться» от чуждых его социальной среде радикальных политических убеждений. К таким взглядам можно было прийти только через неизбежный протест против класса и общества в результате болезненной идиосинкразии, затруднявшей процесс приспособления к буржуазной среде. В этом контексте вступление Стрэчи в партию лейбористов необходимо рассматривать как достаточно «серьезный шаг», ставший «логическим следствием того морального, культурного и антирелигиозного бунта, в котором (*он. — О. Р.*) разбил оковы старых традиций»[1].

Решающее влияние на возникновение подобных умонастроений и действий оказала Первая мировая война, которая сильно поколебала не только социально-экономические, но и нравственные устои английского общества. Викторианская система идеалов и ценностей, переставшая соответствовать реалиям послевоенного времени, была «вдребезги» разбита. Старые табу и запреты больше не действовали, им на смену пришла «новая свобода» и образовавшийся под её воздействием «культурный вакуум»[2].

Утратив веру в прежнюю «идеологическую систему, мораль, религию и социальное кредо», Стрэчи, как и многие другие представители молодого поколения британцев, инстинктивно пытался заполнить этот «вакуум». Начался непростой, но закономерный процесс идеологических поисков и «блужданий». Он происходил на фоне тех общественных изменений, которые переживала Британия после окончания мировой войны. Наиболее значимыми из них стали усиление

---

[1] Стрэчи Дж. Воспитание коммуниста. С. 123.

[2] Рудая О.И. Духовная атмосфера британского общества после Первой мировой войны глазами Джона Стрэчи // Закономерности и тенденции развития науки в современном обществе: сб. статей Междунар. науч.-практ. конф. (5 ноября 2016 г., г. Волгоград). В 3 ч. Ч. 3. Уфа, 2016. С. 18-20.

социальной напряженности, а также кризис старой и зарождение новой двухпартийной системы.

В этих сложных условиях Стрэчи со свойственным его возрасту нетерпением и идеализмом надеялся сгладить общественные противоречия и в достаточно короткий срок построить общество с новой социально-экономической структурой. Реализацию своих мечтаний он связывал с лейбористским движением, заметно активизировавшимся на политической арене Великобритании в начале 1920-х гг.

Не исключено, что решение вступить в НРП стало результатом знакомства Стрэчи с выдающимися фабианцами Беатрисой и Сиднеем Веббами, отстаивавшими тезис о необходимости осуществления в стране социалистических преобразований путем постепенных, эволюционных методов. Определенную роль в политическом выборе Стрэчи сыграла и его поездка в Австрию, столицу которой он посетил в 1922 г. Увидев тяжелое положение, царившее в послевоенное время в Вене, молодой журналист по возвращении на родину написал серию статей, посвященных проблеме венгерских эмигрантов, придерживавшихся социалистических и коммунистических позиций.

Спустя десять лет публицист отмечал, что действительно стал социалистом, насколько ему позволяло «весьма ограниченное понимание смысла социальных и политических явлений»[1]. В то время он искренне желал, чтобы капиталистов лишили собственности, и власть перешла к рабочему классу, но при этом как типичный представитель послевоенного поколения молодежи не понимал сложной природы социального процесса. «Я и мне подобные становились жертвами всякого рода иллюзий, — писал Стрэчи. Мы не были контрреволюционерами, не были даже благонамеренными реформистами. Нам не был ясен даже смысл слов «революционный» и «реформистский»[2].

---

[1] Стрэчи Дж. Воспитание коммуниста. С. 123.

[2] Там же.

Процесс идеологического поиска сопровождался стремлением быть в эпицентре общественно-политических событий, происходивших в стране в 1920-е гг. Будучи членом левого крыла лейбористской партии, вместе с одним из её лидеров — молодым политиком Освальдом Мосли Стрэчи опубликовал в 1925 г. «Бирмингемские предложения» (“Birmingham proposals”). Впервые они были изложены Мосли на 33 ежегодной конференции НРП и после обсуждений и некоторых дополнений одобрены Бирмингемским отделением лейбористской партии и Федерацией НРП. Данный документ представлял собой набор радикальных социалистических предложений по реформированию британского общества. Важной государственной задачей провозглашалась проблема бедности и ее «особого случая» безработицы, которая, по утверждению авторов «Предложений», имела не только экономические, но и моральные последствия. Называя бедность «реальностью современной жизни», Стрэчи и Мосли призывали правительство к более активным действиям по борьбе с безработицей, являвшейся «её самым очевидным доказательством и проявлением»[1].

В том же году Стрэчи был издан памфлет под характерным названием «Революция при помощи разума» (“Revolution by Reason”), где рассматривались различные способы государственного вмешательства в экономику с целью организации производственных ресурсов, регулирования рынка рабочей силы, увеличения покупательной способности населения. По мнению публициста, «капиталистическое общество переживало глубочайший кризис». Все индустриальные проблемы, имевшие серьезные последствия в социальной, технической и коммерческой сферах, коренились в экономической системе, которая «не работала на полную мощность, производила меньше товаров и услуг, чем раньше» и «медленно переставала функционировать»[2].

---

[1] Strachey J. Revolution by Reason. New York, 1985. P. 8, 18, 25.
[2] Ibidem. P. 20, 25, 123.

Стрэчи полагал, что выход из кризиса состоял в «осуществлении фундаментальных изменений во всей структуре (*капиталистического общества. — О. Р.*) в течение относительно небольшого промежутка времени»[1]. Он выражал уверенность в том, что «вся экономическая структура рано или поздно будет заменена новой», и модернизация британского общества должна основываться на принципах либерального социализма.

Помимо политики, экономики и трудовых отношений, Стрэчи активно интересовался культурой, поддерживая дружеские отношения с целым рядом её представителей. Так, в 1925 г. он подготовил цикл радиопередач для Би-Би-Си, посвященных общим проблемам философии, в обсуждении которых принимал участие известный философ Сирил Джод. Стенограмма этих трансляций впоследствии была опубликована как «Философия после ужина» (“After Dinner Philosophy”)[2].

Став относительно заметной фигурой в лейбористском движении, Стрэчи в качестве журналиста участвовал в различных общественных мероприятиях и митингах. В 1926 г. он был назначен редактором издававшейся НРП газеты “Socialist Review”. В том же году во время всеобщей забастовки рабочих вместе с 19 членами бирмингемского стачечного комитета Стрэчи, редактировавший его Бюллетень (“Birmingham Strike Committee Bulletin”), был арестован. После освобождения ему предложили стать соредактором журнала “The Miner” — печатного органа крупнейшего профсоюза страны — Федерации британских шахтеров. Данная работа позволила Стрэчи установить более тесный контакт с представителями рабочего класса и, в частности, с лидером горняков Артуром Куком. Вместе с ним в 1928 г. публицист совершил свою первую поездку в Советский Союз в качестве гостя советских шахтеров.

---

[1] Ibid. P. 45.

[2] John Strachey Facts.

Результатом этого турне стало написание брошюры под названием «Рабочий контроль в русской горной промышленности» (“Workers Control in the Russian Mining Industry”), в которой Стрэчи пришел к выводу о том, что советские шахтеры были лучше британских, а также выразил восхищение системой здравоохранения СССР[1].

По мнению биографа Стрэчи Майкла Ньюмана, сотрудничество и дружба с Куком оказали огромное влияние на взгляды журналиста и привели его к «более радикальной политической перспективе», усилив возросшее у него внимание к марксизму[2]. Совместная поездка в Советскую Россию лишь укрепила этот мировоззренческий интерес.

Аналогичная оценка воззрений Стрэчи представлена и в работе британского исследователя Ноэля Томпсона, который характеризует деятельность публициста в период с 1925 по 1929 гг. как путь «становления английского марксиста», хотя и без «ясной идеологической траектории»[3].

В 1929 г. в возрасте 28 лет Стрэчи решил более активно заняться политикой и принял участие в выборах. Он баллотировался в избирательном округе города Астон (Бирмингем) и, завоевав более 1500 голосов, стал членом парламента от лейбористской партии[4]. Это были первые всеобщие выборы в Великобритании, и победу на них одержали лейбористы, сформировавшие свое второе правительство во главе с Рамсеем Макдональдом. В его составе журналист, незадолго до этого сложивший с себя полномочия редактора изданий “Socialist Review” и “The Miner”, был назначен личным парламентским секретарем Мосли, который стал канцлером герцогства Ланкастерского и координатором политики правительства по безработице.

---

[1] Ibidem.

[2] Newman M. John Strachey. Manchester, 1989. P. 19.

[3] Thompson N. John Strachey: An Intellectual Biography. Basingstoke, 1993. P. 25.

[4] John Strachey Facts.

В ноябре 1929 г. Стрэчи впервые выступил в Палате общин по вопросу об экономических отношениях между Великобританией и Россией. В своей речи он не только высказался против разрыва торговых связей с Советским Союзом, но напротив, отстаивал необходимость увеличения объемов торговли между двумя государствами[1].

Непродолжительная поездка в Соединенные Штаты, состоявшаяся в первые месяцы «великой депрессии», укрепила данные представления и породила у Стрэчи пессимистические представления о способности капитализма как экономической системы обеспечить занятость населения. В феврале 1930 г. он сделал еще одно выступление в парламенте о российской торговле, а в марте и апреле дважды заявлял о необходимости принятия законопроекта в горнодобывающей отрасли[2].

Летом 1930 г. Стрэчи совершил вторую поездку в СССР. В течение трех недель, проведенных в Советской России, он побывал на заводах, в колхозах, посетил шахту и строительство плотины. Увиденное произвело на Стрэчи достаточно сильное впечатление, хотя и не породило у него веру в коммунистический рай. Основная идея, которую он вынес из этой поездки, заключалась в том, что Советский Союз являлся важным рынком сбыта британских товаров. Ее практическим результатом стало выступление Стрэчи с соответствующим докладом в Палате общин[3].

Однако работа в парламенте с лейбористами оказалась недолгой. Когда в феврале 1931 г. Мосли, не получивший поддержки своих проектов со стороны правительства, объявил о создании так называемой Новой партии, публицист откликнулся на его призыв и покинул ряды лейбористского движения. Вполне очевидно, что это решение было вызвано разочарованием действиями лейбористов и их способностью

[1] Ibidem.
[2] Ibid.
[3] Thomas H. John Strachey. London, 1973. P. 32.

эффективно решить социально-экономические проблемы британского общества. Ведущие партии оказались не только не в состоянии приспособиться к условиям нового мира, рожденного «Великой» войной 1914–1918 гг., но и вывести страну из экономического кризиса, разразившегося в начале 1930 г.

Новая партия, напротив, подавала определенные надежды на реализацию социальных проектов по реорганизации экономической структуры, а её лидер казался волевым и решительным политиком, способным покончить со всеми беспорядками в государстве. Противопоставляя себя традиционным партиям, названным «старой бандой», организация Мосли представляла собой «новую и энергичную альтернативу», дававшую её членам возможность удовлетворить, в том числе и политические амбиции.

В Новой партии Стрэчи стал ближайшим помощником лидера по экономическим вопросам. Он входил в состав специально сформированного совета, отвечавшего за политику организации, и принимал активное участие в разработке различных программ. Примечательно, что первоначальные проекты экономических и политических преобразований партии базировались на концепции, обозначенной в «Революции при помощи разума», с особым акцентом на государственное управление и необходимость «изолировать» британскую экономику посредством тарифных барьеров и имперских преференций[1]. По сути, в Стрэчи Мосли нашёл талантливого и ценного сотрудника, столь необходимого при создании политической организации. Как справедливо отмечает британский историк Мэтью Уорли, «широта знаний Стрэчи, особенно его понимание экономической теории Дж. М. Кейнса, сильно обогатили политическую мысль Мосли»[2].

---

[1] Worley M. Oswald Mosley and the New Party. Basingstoke, 2010. P. 6.

[2] Ibidem. P. 4.

Вместе с С. Джодом, также вступившим в Новую партию, Стрэчи подготовил проект преобразований государственной системы Британии, который был подробно изложен в статье «Парламентская реформа: цели Новой партии»[1]. В нем указывалось, как организация Мосли, в случае ее прихода к власти, будет принимать законы.

Авторы проекта прямо утверждали, что «парламент умирает и умирает дискредитированным. Никто, кроме профессиональных парламентариев, … не может сомневаться в этом»[2]. В этих условиях Джод и Стрэчи предлагали усилить исполнительную власть, «ограничив состав Кабинета министров пятью министрами без портфеля», и существенным образом сократить функции парламента, который «больше не будет брать на себя задачу законодательства и управления», а станет «стражем и защитником национальных свобод». Примечательно, что ограничение парламентских функций, по утверждению руководителей Новой партии, не представляло «собой какого-либо беспрецедентного нововведения». Джод и Стрэчи предлагали «вернуться к практиковавшейся во время войны законодательной процедуре с помощью указа»[3], когда правительственные распоряжения не требовали рассмотрения в парламенте.

Стрэчи также руководил первой избирательной кампанией, которую проводила Новая партия в ходе дополнительных парламентских выборов в апреле 1931 г. Его усилиями были организованы многочисленные предвыборные митинги, на которых пропагандировалась необходимость реформирования политической и экономической системы, борьба с безработицей. Несмотря на активную агитацию, Аллен Янг, являвшийся единственным кандидатом партии, не только не получил необходимого для победы количества

[1] Strachey J., Joad C.E.M. Parliamentary Reform: The New Party's Proposals // Political Quarterly. Vol. ii (1931).

[2] Ibidem. P. 319.

[3] Strachey J., Joad C.E.M. Parliamentary Reform: The New Party's Proposals // Political Quarterly. Vol. ii (1931). P. 326, 327, 336.

голосов, но и расколол избирателей, в результате чего выборы в лейбористском округе выиграл консерватор[1].

После объявления результатов голосования собравшаяся около городского зала толпа рабочих была настроена «очень враждебно по отношению к Мосли и Новой партии». Она «яростно ревела», в адрес её лидера и Янга звучали угрозы и выкрики: «Иуды!», «Предатели!». По свидетельству Стрэчи, Мосли, видя происходящее, сказал: «со времен войны эта толпа не дает никому что-либо сделать»[2]. Поражение партии на выборах и реакция ее лидера произвели достаточно сильное впечатление на Стрэчи, который сделал вывод о том, что «это был момент рождения британского фашизма»[3].

В дальнейшем организация Мосли не имела политического успеха и на своих митингах часто сталкивалась с враждебным отношением со стороны населения. В этих весьма неблагоприятных условиях руководитель решил изменить стратегию и тактику своей партии. По словам Стрэчи, в частных разговорах он всё чаще и чаще начал употреблять термин «фашизм»[4], а в конце мая 1931 г. приступил к созданию молодёжных подразделений, которые стали быстро приобретать черты штурмовых отрядов. Летом Мосли установил контакт с Адольфом Гитлером и нацистами, стремясь познакомиться с их методами руководства и действия. С этого времени в политической деятельности Новой партии стало доминировать насилие, а решение ее лидера «повернуть партию в сторону фашистского типа организации — очевидным»[5].

---

[1] Прокопов А.Ю. Фашисты Британии. Союз Освальда Мосли: идеологи и политика (1932-1940 гг.). СПб., 2001. С. 65; Mandle W.F. The New Party // Historical Studies. Australia and New Zealand. Oct. 1966. Vol. XII. N 47. P. 347. Новая партия набрала 4 472 голосов (Mandle W.F. Op. cit.)

[2] Strachey J. The Menace of Fascism. London, 1934. P. 161.

[3] Ibidem.

[4] Strachey J. The Menace of Fascism. P. 176.

[5] Ibidem.

Существенные изменения претерпела и партийная программа организации. Она эволюционировала к построению «корпоративного государства» и к «движению, которое не просто намеревалось захватить политическую власть», но и «трансформировать все сферы и стороны национальной жизни... в движение порядка, дисциплины, преданности, а также динамического прогресса; в движение твердой решимости... которое подобно сабле, рассекающей морской узел, (*сокрушает. — О. Р.*) прошлое для построения нового государства»[1]. Иными словами, партия, первоначально ориентированная на разработку и практическую реализацию программы по преодолению в стране экономического кризиса, превратилась в организацию, преследовавшую исключительно политические цели.

Несмотря на данную трансформацию, Стрэчи, стоявший у истоков Новой партии, всё ещё пытался сохранить, по крайней мере, видимость её социалистического начала. Критический момент наступил в конце июля, когда публицист по распоряжению своего руководителя составил партийный «Меморандум» по вопросу об отношении к Советской России. Это был просоветский документ, предусматривавший установление «всестороннего экономического и политического сотрудничества» с СССР[2], который Мосли решительно отклонил, аргументировав своё решение тем, что «если Новая партия будет занимать пророссийскую позицию, все надежды на поддержку со стороны консерваторов и капиталистов рухнут»[3].

Позиция лидера и поворот в политике организации оказались неприемлемыми для Стрэчи и вынудили его, убежденного приверженца социалистических идей и ярого противника любых проявлений праворадикальных тенденций, выйти из Новой партии. Примечательно, что спустя три года

[1] Цит. по: Worley M. Oswald Mosley and the New Party. P. 6.
[2] Mandle W.F. The New Party. P. 348.
[3] Strachey J. The Menace of Fascism. P. 164.

после ухода свою деятельность в организации Мосли публицист назвал «безумием авантюры», которое для него было «последней отчаянной попыткой избежать коммунизма»[1].

Еще более значимое для Стрэчи событие произошло в конце августа 1931 г., когда пало второе лейбористское правительство, столкнувшееся с серьезными проблемами, вызванными мировым экономическим кризисом. Отставку лейбористов публицист считал «решающей» в своей политической биографии. Кризис и последовавший за ним раскол рабочей партии стал для него «последней каплей», поставившей открыто вопрос о том, возможны ли мирные, эволюционные изменения в стране или их единственной альтернативой оставались фашизм и коммунизм. В своих заметках Стрэчи отмечал, что «ему нужно было увидеть бессилие и предательство социал-демократии в действии», только тогда он «поверил, что труп никогда не воскреснет», и «признался, что британская социал-демократия не друг, а злейший враг британских рабочих»[2]. И если в апреле 1927 г. на страницах “Social Review” журналист определенно писал о своём принятии «социалистического, но не коммунистического мировоззрения»[3], то спустя четыре года он был вынужден признать обратное и совершить поворот в сторону коммунизма.

Итак, 1931 г. стал переломным годом в политической судьбе Джона Стрэчи. Однако он оказался рубежным не только для публициста, но и для Великобритании в целом. Как пишет новозеландский исследователь У. Мэндл, «1931 г. был годом беспрецедентных перемен в британской политике, вызвавших чувства горечи и озлобления, а впоследствии научные и политические споры»[4].

---

[1] Стрэчи Дж. Воспитание коммуниста. С. 123.

[2] Там же.

[3] Thompson N. John Strachey: An Intellectual Biography. P. 26.

[4] Mandle W.F. The New Party. P. 343. По мнению исследователя, уход Стрэчи и Янга, которых он называет «решительными и самыми умными приверженцами» Новой партии, сильно ослабили организацию Мосли. (Mandle W. F. Op. cit. P. 353).

Политическая активность Стрэчи, наблюдавшаяся на протяжении второй половины 1920-х гг., была приостановлена. С 1931 г. он на время отошел от большой политики и занялся публицистикой, чтением лекций и общественной деятельностью.

Таким образом, достаточно непростой и даже «болезненный» период идеологических поисков и «блужданий» закончился. Стрэчи показал себя последовательным и убежденным социалистом, отстаивавшим реформистский путь преобразований в интересах рабочего класса. Революционные изменения с неизбежным насилием и террором, широко использовавшиеся радикальными движениями, считались для публициста недопустимыми. Однако в условиях разразившегося в стране экономического кризиса, обострившего проблемы капиталистического общества, он понял невозможность осуществления реформ в национальном масштабе и был вынужден признать, что коммунизм будет «меньшим злом», чем фашизм. С этого времени марксизм стал представляться единственной исторической перспективой, а его терминология — «самым лучшим методом, объяснявшим современные политические проблемы»[1]. Закономерным результатом данного выбора являлось сотрудничество Стрэчи с коммунистической партией Великобритании в 1930-е гг.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

Стрэчи Дж. Воспитание коммуниста // Интернациональная литература. 1934. № 2. С. 121-123.

Strachey J. Revolution by Reason. New York, 1985.

Strachey J. The Menace of Fascism. London, 1934.

Strachey J., Joad C. E. M. Parliamentary Reform: The New Party's Proposals // Political Quarterly. Vol. ii (1931). P. 319-336.

[1] Newman M. John Strachey. P. 20.

Исследования

Рудая О.И. Духовная атмосфера британского общества после Первой мировой войны глазами Джона Стрэчи // Закономерности и тенденции развития науки в современном обществе: сб. статей Междунар. науч.-практ. конф. (5 ноября 2016 г., г. Волгоград). В 3 ч. Ч. 3. Уфа, 2016. С. 18-20.

Прокопов А.Ю. Фашисты Британии. Союз Освальда Мосли: идеологи и политика (1932–1940 гг.). СПб., 2001.

John Strachey Facts. — http://biography.yourdictionary.com/john-strachey (April, 2022).

Mandle W. F. The New Party // Historical Studies. Australia and New Zealand. Oct. 1966. Vol. XII. N 47. P. 343-355.

Newman M. John Strachey. Manchester, 1989.

Thomas H. John Strachey. London, 1973.

Thompson N. John Strachey: An Intellectual Biography. Basingstoke, 1993.

Worley M. Oswald Mosley and the New Party. Basingstoke. Macmillan, 2010.

REFERENCES

Sources

Strechi Dzh. Vospitanie kommunista // Internacional'naya literatura. 1934. № 2. S. 121-123.

Strachey J. Revolution by Reason. New York, 1985.

Strachey J. The Menace of Fascism. London, 1934.

Strachey J. The Menace of Fascism. London, 1934.

Strachey J., Joad C. E. M. Parliamentary Reform: The New Party's Proposals // Political Quarterly. Vol. ii (1931). P. 319-336.

Scientific research

Rudaya O.I. Duhovnaya atmosfera britanskogo obshchestva posle Pervoj mirovoj vojny glazami Dzhona Strechi. // Zakonomernosti i tendencii razvitiya nauki v sovremennom obshchestve: sb. statej Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (5 noyabrya 2016 g., g. Volgograd). V 3 ch. Ch. 3. Ufa, 2016. S. 18-20.

Prokopov A.Y. Fashisty Britanii. Soyuz Osval'da Mosli: ideologi i politika (1932–1940 gg.). SPb., 2001.

John Strachey Facts. — http://biography.yourdictionary.com/john-strachey (April, 2022).

Mandle W. F. The New Party // Historical Studies. Australia and New Zealand. Oct. 1966. Vol. XII. N 47. P. 343-355.

Newman M. John Strachey. Manchester, 1989.

Thomas H. John Strachey. London, 1973.

Thompson N. John Strachey: An Intellectual Biography. Basingstoke, 1993.

Worley M. Oswald Mosley and the New Party. Basingstoke. Macmillan, 2010.

В.В. Клочков
(Ростов-на-Дону)

СЭР РОБЕРТ ПИЛЬ (1788–1850) В БРИТАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ И В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННИКОВ

Написание биографии всегда является делом более трудным, чем это представляется на первый взгляд. Это утверждение вдвойне справедливо в нашем случае, когда речь идет о политических деятелях, оставивших значительный след в истории. Дело не только в том, что этим политикам уделяется больше внимания по сравнению с их менее известными современниками, обширен фонд источников, или значительно само историческое полотно, на фоне которого разворачиваются биографические подробности. В политических фигурах «главного ряда», и первая половина XIX в. в истории Британии — одно из наиболее ярких подтверждений этому, биографическое описание зачастую позволяет поиному взглянуть на саму эпоху: ее достижения кажутся не столь значительными, пороки — более очевидными, а связь с традицией — многогранной и сложной по характеру. Эти особенности ясно различимы на примере биографии сэра Роберта Пиля (1788–1850) — одного из наиболее выдаю-

щихся идеологов и организаторов консервативной партии Великобритании в 30–50-е гг. XIX в.

В его случае биографические сложности определяются тем обстоятельством, что первую научную биографию, пусть и выполненную на высочайшем уровне выдающимся английским историком консервативной партии Н. Гэшем, Р. Пиль получил только в 1972 г., и с тех пор его личность и политические взгляды продолжают в большей или меньшей степени оставаться в центре академических дискуссий[1]. Кроме того, на сегодняшний день очевидно, что его заслуги оказались не до конца поняты современниками и, как представляется, все еще не оценены по достоинству потомками. За полвека, прошедшие со времени публикации Н. Гэша, которая по праву считается классической биографией Р. Пиля, многие аспекты его политической деятельности были в значительной степени переосмыслены, а историографические оценки, особенно в отношении его интеллектуального лидерства в партии и роли в ее основании, стали более осторожными[2]. Появились и новые биографии Р. Пиля, написанные, в отличие от работ Н. Гэша, не столько как жизнеописания, характерные для традиционного биографического нарратива, а по проблемному принципу[3]. В то же время, отсутствие академической биографии Р. Пиля на русском языке требует от исследователя, отважившегося на ее написание, четкого понимания того, что было сделано его британскими коллегами с 1972 г., и какие проблемы, связан-

[1] Gash N. Sir Robert Peel. L., 1972.

[2] Eastwood D. Peel and the Tory Party Reconsidered // History Today. 1992 (March). Vol. 42. P. 32-41. Эта статья (если не считать краткой биографии Р. Пиля, написанной Э. Эвансом годом ранее, см. *ниже*) стала отправной точкой в обосновании нового подхода к оценке достижений и неудач Р. Пиля.

[3] Evans E.J. Sir Robert Peel: Statesmanship, Power and Party. Lancaster, 1991; Gaunt R. Sir Robert Peel: The Life and Legacy. L., 2010; Read D. Peel and the Victorians. Oxford, 2016.

ные с личностью Р. Пиля, находятся сегодня в центре историографических дискуссий.

Сэр Роберт Пиль родился 5 февраля 1788 г. в Чембер Холл, неподалеку от городка Бери в графстве Ланкашир, и умер 2 июня 1850 г. в Лондоне, в собственном доме в Уайтхолл Гарденс после падения с лошади тремя днями ранее. Таким образом, даже сами топографические контуры жизни выдающегося политика привели его из промышленного Ланкашира, центра индустриальной революции, в самое сердце Лондона, средоточие политической власти. Несомненно, Р. Пиль был одной из самых значительных политических фигур Великобритании XIX в., но в то же время — одной из самых противоречивых. В своей политической карьере, продлившейся чуть более сорока лет (1809–1850) он последовательно занимал посты заместителя государственного секретаря по делам колоний (1810–1812), главного секретаря лорда-лейтенанта Ирландии (1812–1818), министра внутренних дел (1822–1827, 1828–1830), лидера тори в палате общин (1828–1830), канцлера казначейства (1834–1835) и премьер-министра (1834–1835, 1841–1846)[1]. Историческая репутация Р. Пиля зиждется главным образом на том, что он был первым признанным лидером консервативной партии (1834–1846). Как министр внутренних дел, он запомнился либерализацией уголовного законодательства и основанием лондонской полиции в 1829 г.[2]

Значимость Р. Пиля как премьер-министра определяется тем, что в 1834–1835 гг. он возглавлял последнее в конституционной истории Великобритании правительство парламентского меньшинства, а в 1841–1846 гг. при его непосредственном участии были разработаны фритредерские бюджеты 1842 и 1845 гг., принято новаторское законодательство по ирландским делам (1843–1845) и знаменитая банковская хартия 1844 г. Вершиной политической карьеры

[1] Gash N. Age of Peel. L., 1973.

[2] James P.S. Introduction to English Law. L., 1989. P. 178-181.

Р. Пиля стала отмена хлебных законов в 1846, стоившая консервативной партии раскола. Ирония же истории состоит в том, что Р. Пиль, прежде всего из-за его знаменитого «Манифеста из Тамуорта» (декабрь 1834 г.), считается основателем современного консерватизма, во время своего второго пребывания на посту премьер-министра фактически стал архитектором викторианского либерализма и свободной торговли. Более того, наиболее известные из его политических наследников — парламентская фракция, известная как «пилиты», — усилила эту связь, присоединившись в 1859 г. ко вновь образованной либеральной партии, а ее будущий лидер и ведущий либеральный политик поздневикторианской Англии У. Гладстон, вне всякого сомнения, обязан многими своими достижениями именно политическому ученичеству под руководством Р. Пиля[1]. Эта тесная связь Р. Пиля с викторианским либерализмом постоянно подчеркивается и в современной либеральной историографии, часто претендующей на политическое наследство Р. Пиля как на свою идейную собственность[2]. Все это усиливало политическое значение Р. Пиля, постоянно подчеркиваемое как современниками, так и историографами, и в этом отношении он добился, если использовать британский политический лексикон, «хорошей смерти». Однако следует помнить, что сам Р. Пиль вполне определенно утверждал, что действия, которые дважды отделяли его от мнимых последователей — эмансипация католиков в 1829 г. и отмена хлебных законов в 1846 г. — были, тем не менее, «самыми консервативными в его жизни»[3].

Таким образом, не будет преувеличением сказать, что историческое наследие Р. Пиля остается отчасти оспариваемым, а иногда и весьма сомнительным. Р. Пиль признается одной из ключевых фигур британской политики XIX в., однако современные историографические споры о его полити-

[1] Briggs A. Victorian People. L., 1973. P. 124.

[2] Jenkins T.A. The Liberal Ascendancy, 1830–1886. L., 1994. P. 78-80.

[3] Jenkins T.A. Sir Robert Peel. L., 1999. P. 109-110.

ческом темпераменте, манерах и идейном наследии открывают нам этого выдающегося персонажа несколько с иной стороны. Невозможно отрицать, что Р. Пиля помнят, прежде всего, по его роли в событиях 1829 и 1846 гг., когда он действовал так, как никогда бы не стал действовать консерватор. Неудивительно поэтому, что его преемники на посту лидера консервативной партии могли восхищаться его именем (хотя многие даже этого не сделали), но никогда не стремились подражать его примеру. Совершенно необходимая постановка «нации» выше «партии», как утверждал Р. Пиль в 1846 г. во время дебатов по отмене хлебных законов, стоила его партии раскола и потери политического влияния почти на 30 лет (до 1874 г.), а ему самому доставила репутацию сторонника идей, против которых он ранее решительно выступал[1]. Далеко не случайно поэтому, что имя и политическая харизма Б. Дизраэли оказались со временем сильнее, нежели у его политического предшественника на посту лидера консервативной партии.[2]

Тем не менее, ни один из образов Р. Пиля, сформировавшихся в современной историографии — ни парагона, ни изгоя — не является в полной мере удовлетворительным. Его репутация и политические достижения оценивались на протяжении последнего полувека по-разному, прежде всего на фоне У. Гладстона, Б. Дизраэли и в меньшей степени — лорда Пальмерстона. Современный исследователь У. Томас вполне справедливо отметил, что политические промахи Р. Пиля дополнялись такими особенностями его характера, как «отсутствие личной теплоты» к соратникам, а самого лидера консерваторов он описывал следующим образом:

> «Характер Пиля был странной смесью публичной артикуляции и подчеркнутой личной замкнутости. Непре-

[1] Peel Papers. British Library. Additional Manuscripts, 40309, f. 316.

[2] Gaunt R. Disraeli, Peel and the Corn Laws: the Making of a Conservative Reputation // The Historian 2008. Vol. 97. P. 30-33.

> взойденный при изложении в парламенте тонкостей сложного закона, он был неуклюжим в обществе и неумелым в понимании настроений, преобладающих среди его коллег и соратников. Его собственная огромная трудоспособность не позволяла понять мотивы людей, которые смотрели на политику как на времяпрепровождение, а на парламент как на клуб. Когда он еще не определился в выборе позиции, он предпочитал молчание консультациям, а во время кризисов, которые заставляли его коллег толпиться в клубах, чтобы обменяться новостями, он часто держался в стороне»[1].

Для политика, который долгое время играл ключевую роль в правительстве и партии, ощущение личной анонимности, окружающее Р. Пиля, кажется поразительным. И современники, и более поздние биографы испытывали немалые затруднения в попытках создать его более-менее удовлетворительный политический и идеологический портрет. Даже мнения его давних друзей, таких как Дж. У. Крокер, рядом с которым Р. Пиль провел большую часть своей жизни в политике, рассорившись с ним только после отмены хлебных законов, оказались до известной степени скомпрометированы знанием историков о том, насколько противоречивым бывало порой личное и политическое поведение лидера консерваторов[2].

Исходя из этого, после появления первой академической биографии Р. Пиля в 1972 г. британские историки постепенно перешли к переосмыслению его личности, а также политических и интеллектуальных достижений. По-иному стал осознаваться и тот политический контекст, в котором

---

[1] Thomas W. The Quarrel of Macaulay and Croker. Politics and History in the Age of Reform. Oxford, 2000. P. 95-97. Сходное мнение приводит в выдержках из знаменитых дневников Ч. Гревилла и К. Хибберт. См.: Hibbert C. Greville's England. Selections from the Diaries of Charles Greville, 1818–1860. L., 1981. P. 122-123.

[2] The Croker Papers. The Correspondence and Diaries of John Wilson Croker / Ed. by L.J. Jennings. Vol. I. L., 1884. P. 312-313.

сформировался Р. Пиль как консерватор или протолиберал (в зависимости от пристрастий исследователя и акцентов самого исследования). Так, представление о том, что Р. Пиль никогда не был истинным тори, но всегда оставался своего рода «либеральным волком в овечьей шкуре», имеет длительную историографическую родословную. Современники, в частности Ч. Гревилл, клерк Тайного совета, как, впрочем, и Ч. Арбетнот, полагали, что политическое будущее Р. Пиля как тори было обеспечено только тогда, когда его отец, Р. Пиль-старший, получил для него должность главного секретаря лорда-лейтенанта Ирландии в 1812 году[1]. Независимо от того, было это правдой или нет, сложно не согласиться с мнением лорда Хатертона о том, что Р. Пиль был до известной степени заложником своего политического ученичества:

> «Большим несчастьем Пиля было то, что он был введен в политическую жизнь под покровительством своего отца и [Спенсера] Персиваля (премьер-министра в 1806–1812 гг. — *В. К.*). Таким образом, он был вовлечен во все раздоры католической эмансипации и реформ различного рода — с неправильной стороны. Его здравый смысл позволил ему постепенно отбросить рабство ранних связей и… дезавуировать ложные принципы, которые он был вынужден защищать. При этом казалось, что он утратил последовательность и характер, хотя каждый человек в его ситуации сделал бы то же самое. Наши избиратели свободно даровали нам прощение заблуждений во мнениях и привилегию становиться мудрее с ходом событий. Но классы и партия пытались жестко удерживать его в исполнении своего долга, а при его отказе стремились заклеймить его позором»[2].

Представляется, что наблюдения лорда Хатертона заслуживают самого пристального внимания. Характерная

[1] Journal of Mrs. Arbuthnot / Ed. by F. Bamford & the Seventh Duke of Wellington. Vol. I. L., 1950. P. 416-417.

[2] Aspinall A. Extractions from Lord Hatherton's Diary // Parliamentary Affairs. 1964. Vol. XVII. № 4. P. 386.

секретность, которой Р. Пиль обычно окутывал свой политический курс, очень часто и, заметим, неблагоприятно для нашего героя сравнивалась его известными биографами со свободным, если не сказать безудержным энтузиазмом, который он проявлял, выступая за эмансипацию католиков в 1829 г. или отмену хлебных законов семнадцать лет спустя. Порой казалось, что этот энтузиазм был следствием скрытого ликования, с которым Р. Пиль освобождался от нежелательных политических союзников (здесь достаточно вспомнить его сложные отношения с фракцией ультра-тори после эмансипации католиков), следуя политическому курсу, которому, как утверждалось, он был постоянно привержен[1].

Во многом благодаря подобной интерпретации политических пристрастий Р. Пиля, на протяжении прошлого столетия в историографии доминирующие позиции занимали оценки его политической деятельности, высказанные консервативно настроенными историками Дж. К. Кларком, Р. Блейком и Н. Гэшем, которые подчеркивали его прагматизм и гибкость. Каждый из этих историков по-своему отстаивал видение Р. Пиля как выдающегося государственного и политического деятеля, приверженного идее структурированной и рациональной политической системы, максимально независимой от фракционных и личных интересов. По их мнению, именно так Р. Пиль ответил на вызов своего времени, аргументируя свой политический курс комплексом идей, базирующихся на практической необходимости и целесообразности. Это стоило ему политической репутации и упреков в непоследовательности, но в конечном итоге пошло на пользу миру и гармонии нации в целом[2].

---

[1] The Times. 1844. 21 March. P. 4.

[2] Blake R. The Conservative Party from Peel to Churchill. L, 1985; Blake R. The Conservative Party from Peel to Thatcher. Methuen, 1985; Clark G.K. Peel. L., 1936; Clark G.K. Peel and the Conservative Party. L., 1964; Gash N. The Founder of Modern Conservatism. In: Pillars of Government, and Other Essays on State and Society, 1770–1880. L., 1986.

Недавно Б. Хилтон бросил весьма успешный, хотя и ни в коей мере не полный вызов классической интерпретации политической деятельности Р. Пиля, предположив, что он был далек от того, чтобы быть исключительно прагматиком, лишенным какой бы то ни было системы ценностей. По его мнению, Р. Пиль мог быть скорее представлен как весьма жесткий политик и даже в определенной степени доктринер, на которого оказало серьезное влияние не только консервативное политическое ученичество, но и евангельское религиозное мышление его эпохи[1]. Однако вскоре и тезисы Б. Хилтона были поставлены под сомнение, и в целом вряд ли возможно говорить о том, что ему удалось в значительной степени поколебать оценки Р. Пиля, сформированные в британской историографии на протяжении XX в. При этом особой критике подверглось приписывание Р. Пилю и другим либеральным тори, в частности Дж. Каннингу, евангельских мотивов, якобы влиявших на их политические решения и пристрастия. Особенно же критично был принят аргумент Б. Хилтона о том, что Р. Пиль был «идеологически привержен» отмене хлебных законов еще с середины 20-х гг. XIX в.[2].

Также постепенно переоцениваются подходы к проблеме, связанной с закрепившимся в историографии представлением об интеллектуальном превосходстве Р. Пиля над его коллегами по партии и политическими оппонентами из рядов вигов. В последнее время вышел ряд работ, в которых лорд Дж. Рассел, граф Дерби и герцог Веллингтон показаны в качестве если и не интеллектуальных соперников Р. Пиля, то как политические деятели, которые весьма достойно выглядят на его фоне[3]. В этой связи не будет преувеличением

[1] Hilton B. Peel: A Reappraisal // Historical Journal 1979. Vol. XXII. № 3. P. 93-107.

[2] Morrow J. The Paradox of Peel as Carlylean Hero // Historical Journal. 1997. Vol. 40 № 107. P. 35-36. Фактически в статье предпринята попытка примирить критику Б. Хилтона с концепциями классической историографии.

[3] Parry J. Lord John Russell, First Earl Russell. In: Biographical dictionary of British Prime Ministers / Ed. by R. Eccleshall and G. Wal-

сказать, что в современной британской историографии «идеологическая известность» Р. Пиля все чаще ставится под сомнение. Он все еще остается центральной фигурой, в которой концентрируется главная дилемма консерватизма того времени, а именно — как провести современные, давно назревшие и практически необходимые реформы, не поставив в то же время под угрозу основы конституционного устройства страны и не допустив более широких и далеко идущих изменений. Эта дилемма была введена в британскую политическую повестку Французской революцией 1789 г., и политикам первой половины XIX в. приходилось сталкиваться с ней постоянно, независимо от их консервативных или иных пристрастий[1]. В последнее время историографический аспект исследования консервативной партии сместился в сторону изучения политических убеждений рядовых тори через публикации в консервативных журналах и труды консервативных интеллектуалов. Тори больше не считаются твердолобыми реакционерами и зашоренными фанатиками, и в этом отношении консерватизм Р. Пиля уже не кажется исследователям чем-то уникальным. Напротив, он все чаще предстает как один из вариантов (пусть и наиболее разработанного в деталях) ответа на насущные экономические и политические проблемы первой половины XIX в., ответа, возможно, весьма убедительного, но ни в коем случае не единственного в интеллектуальном ряду, доступном современникам[2].

---

ker. L., 1998. P. 151-161; Idem. Past and Future in the Later Career of Lord John Russell. In: History and Biography. Essays in Honour of Derek Beales / Ed. by T.C.W. Blanning and D. Cannadine. Cambridge, 1996. P. 142-172; Schrerer P. Lord John Russell. L., 1999. P. 112-118; Hawkins A. The Forgotten Prime Minister, the 14th Earl of Derby. Ascent, 1799–1851. Oxford, 2007. P. 312-323; Thompson N. Wellington after Waterloo. L., 1986. P. 234-241.

[1] Gaunt R. Conservative Politics in the Age of Reform, 1750–1850. L., 2016. P. 178-183.

[2] Gambles A. Rethinking the Politics of Protection: Conservatism and the Corn Laws, 1830–1852 // English Historical Review. 1998. Vol.

Таким образом, современная британская историография не предлагает исследователям сосредоточиться на написании очередной биографии Р. Пиля. После работ Н. Гэша вполне справедливо считать, что работа биографа (по крайней мере в том, что касается собственно подробностей жизни Р. Пиля) выполнена. Историографические разногласия затрагивают теперь более субъективные вопросы мотива, цели, следствий и значения тех или иных решений, принятых Р. Пилем по различным аспектам текущей политической повестки. Если бы кто-то все же решился сегодня писать биографию Р. Пиля, то такая работа неизбежно предполагала бы переосмысление отношения лидера консерваторов к тому, что он предпринял в ключевых сферах своей многогранной деятельности, которые и сформировали впоследствии ядро его политического наследия. Каждый раздел такой книги был бы посвящен сквозной теме или политическим кризисам в карьере Р. Пиля, а также анализу его успехов и неудач в каждом конкретном случае и тому влиянию, которое оказали принятые решения на карьеру и репутацию политика. Такой способ построения биографии Р. Пиля не нов, и впервые он был опробован Д. Ридом в конце 80-х гг. прошлого столетия. Именно Д. Рид выделил основные области достижений, с которыми тесно увязано имя Р. Пиля: реформа денежного обращения; реформа системы уголовных наказаний и организация полицейских сил; эмансипация католиков; тарифная реформа и установление принципа свободы торговли; отмена хлебных законов. При этом характерно, что Д. Рид не упомянул среди заслуг Р. Пиля основание консервативной партии — центрального элемента многочисленных работ Н. Гэша о лидере партии. Без внимания остались и особенности характера Р. Пиля и черты его личности, которые самым существенным образом влияли на принятие решений по ключевым вопросам политической повестки, не

CXIII. № 6. P. 928-952; Idem. Protection and Politics: Conservative Economic Discourse, 1819–1852. Woodbridge, 1999. P. 301-304.

говоря уже о том уникальном положении, которое занимал Р. Пиль в британской политике в последние четыре года жизни после раскола консервативной партии в 1846 году[1]. Именно на этих вопросах, оставленных без должного внимания, и сосредотачивается современная британская историография, используя при этом новый и недостаточно исследованный материал из широкого круга доступных источников[2].

Исследуя политическое и эпистолярное наследие Р. Пиля и те достижения, с которыми прочными узами связано его имя, можно до известной степени изучить и самого человека. Р. Пиль был весьма амбициозным политиком, причем не только в обычном смысле этого слова, но и в отношении того места, которое он отводил себе впоследствии в истории. Не будет ошибкой сказать, что многие из предпринятых им реформ и более скромных политических действий были проведены и осмыслены именно исходя из такого исторического масштаба. Однако этот процесс «сотворения себя» у Р. Пиля имел совершенно иную направленность, нежели у его не менее знаменитого преемника на посту лидера консерваторов Б. Дизраэли — последний приспосабливал свой самопризнанный гений к потребностям сегодняшнего дня, тогда как Р. Пиль задумывался над тем, как оценят его деяния потомки и историки[3]. Это важное наблюдение, в свою очередь, заставляет задуматься в более широком контексте о текущем состоянии историографии о Р. Пиле.

Главный вопрос, который при этом возникает у исследователя — насколько современные историографические взгляды на политические достижения и интеллектуальное наследие Р. Пиля соотносятся с его собственными попытка-

---

[1] Read D. Peel and the Victorians. Oxford, 1987. P. 64-65.

[2] Cowie L. Sir Robert Peel, 1788–1850. A Bibliography. Westport, Conn., 1996. На сегодняшний день это лучшая (хотя, конечно, уже неполная) библиография работ, когда-либо издававшихся о Р. Пиле.

[3] Richmond C. The Self-Fashioning of Disraeli. Cambridge, 1998. P. 202.

ми «создания репутации» в тех областях, которые он считал значимыми, и которые современники впоследствии действительно обсуждали. Также важно понимать, какие достижения Р. Пиля, представленные треть столетия назад Д. Ридом, действительно осознавались лидером консерваторов в качестве таковых, а какие относились лишь к попыткам создания посмертной репутации и славы. Наконец, пока без должного внимания остается и проблема соответствия представлении собственно Р. Пиля о своих достижениях с тем, что думали о них его современники.

Что касается последнего вопроса, то акцент Р. Пиля на понятиях чести, последовательности в обосновании необходимости реформ и определении их характера, а также постоянная забота о безупречности политической репутации и потомства в отношении его общественной репутации, довольно часто отмечался современниками. В 1848 г. консервативный журнал «Blackwood's Edinburgh Magazine» прямо обещал оставить Р. Пила «на суд того самого потомства, к которому он так своеобразно склонен обращаться»[1]. В этой связи можно отметить, что политическая эволюция Р. Пиля от строгого торизма его юности к либеральному консерватизму старости, отмеченная выше лордом Хатертоном, сделала его посмертное наследие предметом особой озабоченности для него самого. Тем не менее, это наследие стало результатом огромных усилий очень сложной и хрупкой личности, которую всегда больше боялись и уважали, нежели любили.

При этом редко кто из политиков первой половины XIX века проявлял более острый и постоянный контроль над своими действиями и высказываниями, нежели Р. Пиль. Его частое обращение к потомкам и истории было отмечено консервативным литератором Дж. Г. Френсисом как красноречивое указание на характер консервативного лидера. Он писал:

[1] Blackwood's Edinburgh Magazine. 1848. Vol. LXIV (November). P. 633.

> «Всякий раз, когда [Пиль] мог говорить со скромной гордостью о себе, своем происхождении, своих целях, своих надеждах; когда высшая цель — историческая известность — вытесняет на час меньшую, но более непосредственную ставку — временное мнение и власть, на которой, к сожалению, покоится окончательный триумф; тогда… вы видите, что внизу тлеет огонь, что есть моральное величие, о котором вы и не подозревали, что его стремления имеют тенденцию к своего рода величию, современно не совместимому с распространенными представлениями о его характере»[1].

Обычно предполагается, что свою первую «тоску по бессмертию» юный Роберт проявил в грамматической школе Хипперхолм в Ланкашире, где в десятилетнем возрасте вырезал на каменном блоке надпись: «Р. Пиль. Никакие враждебные руки не смогут способствовать моей гибели»[2]. Рано проявилась и склонность Р. Пиля к «игре на галерее» в Палате общин — факт, который он впоследствии довольно мудро не пытался скрыть. Биограф лорда Мельбурна У.М. Торренс заметил, что «заядлое самомнение и нервная раздражительность» юного Р. Пиля отражала его мироощущение как «кукушки из гнезда среднего класса в мире аристократической политики». Именно эти качества заставляли его взвешивать все, что он скажет в парламенте, до такой степени, что «…можно было сказать без преувеличения: прежде чем он ответил на вопрос или произнес речь, он мысленно исправил это для прессы»[3].

---

[1] Francis G.H. Sir Robert Peel as Statesman and Orator. L., 1846. P. 16-17.

[2] Этот факт был отмечен как минимум двумя современниками, публицистом Дж. Грантом и герцогом Веллингтоном. Grant J. Random Recollection of the House of Commons. L., 1836. P. 112; Wellington and His Friends / Ed by the Seventh Duke of Wellington. L., 1965. P. 129.

[3] Torrens W.M. Memoirs of the Right Honorable William, Second Viscount Melbourne. Vol. II. L., 1878. P. 53.

Ощущение того, что Р. Пиль с самых юных лет взвешивал то, что он произнес публично, на его репутацию в обществе, было показательным. На протяжении всей своей жизни он был известен весьма бурным темпераментом, который он тщательно, но не всегда успешно, пытался контролировать. При этом следует помнить, что фактически консервативный лидер сталкивался при этом с двойной дилеммой. С одной стороны, ему покровительствовали и относились снисходительно как к самому умному мальчику среди богатых отпрысков среднего класса, и он действительно выигрышно смотрелся среди довольно тусклых потомков аристократических родов. Лорд Байрон, который был пэром Р. Пиля в знаменитой школе Харроу, отмечал, что «я всегда был в передрягах, а он никогда»[1]. Политические амбиции для сына лелеял его отец, Роберт Пиль-старший, зажиточный ланкаширский фабрикант и торговец хлопком, ставший баронетом, членом палаты общин от местечка Тамуорт в Стаффордшире и личным другом премьер-министра У. Питта-младшего. Он щедро финансировал политическую карьеру сына не ее первых этапах, явно намереваясь «основать династию». Известно апокрифическое предостережение отца сыну, хотя и не подтвержденное документально, но несущее на себе ореол подлинности: «Боб, ты собака, если ты не премьер-министр, то я когда-нибудь лишу тебя наследства»[2].

Р. Пиль с самых ранних лет демонстрировал выдающийся интеллект, но при этом ему часто мешало то, что современники называли «непримечательной социальной родословной». Тем не менее, именно он стал первым среди студентов старейшего в Оксфорде колледжа Крайстчерч, кто получил двойное (по математике и классическим наукам)

[1] Gash N. Sir Robert Peel. L., 1972. P. 89.

[2] Rubinstein W.D. Who Were the Rich? A Biographical Directory of British Wealth Holders (1809–1839). L., 2009. Vol. I. P. 319; The History of Parliament. The Commons, 1790–1820 / Ed. by R.G. Thorne. L., 1986. Vol. IV. P. 745.

первое место в выпуске 1808 г. — факт, которым его отец по праву гордился всю жизнь[1]. Двоюродный брат нашего героя, сэр Лоуренс Пиль отмечал, что в молодости Р. Пиль был

> «...при строгой дисциплине, хороший мальчик с нежными манерами, скорее ищущий старших, нежели младших компаньонов, уклоняющийся от всякой двусмысленности и грубости, восхваляемый стариками, и потому не слишком популярный у молодых. Он был очень чувствителен и часто нетерпим к оппозиции со стороны своих юных товарищей, поскольку боялся насмешек слишком сильно. Нервы его иногда были натянуты, как лигатура на растении»[2].

Эти обстоятельства служат ярким свидетельством того, что Р. Пиль подвергался остракизму как «предатель» не только со стороны принявшей его аристократии, но и его «родного» среднего класса, прежде всего за его последующее поведение в политике. Один из критиков весьма проницательно заметил, что «класс и воспитание Пиля олицетворяют две тенденции, находящиеся в постоянном противоречии друг другу»[3].

«Средний класс», претендовавший на политические достижения Р. Пиля с точки зрения его происхождения и источников семейного благосостояния, надеялся, что именно эти факторы станут решающими для нашего героя при определении его политического курса на посту премьер-министра в 1841–1846 гг. Однако в ноябре 1845 г., когда Р. Пиль, все еще колеблющийся по ключевому вопросу об от-

---

[1] Gash N. Sir Robert Peel. L., 1972. P. 68.

[2] Sir Lawrence Peel. A Sketch of the Life and character of Sir Robert Peel. L., 1860. P. 48-49; Politics and Culture in Victorian England / Ed. by P. Ghosh & L. Goldman. Oxford, 2006. P. 47.

[3] Jean Baptiste Honore Raymond Capefigue. The Character of Sir Robert Peel. Quoted in: Taylor W.C. The Life and Times of Sir Robert Peel. L., 1851. Vol. II. P. 534-542; Punch. 1847. Vol. XII (January-June). P. 239.

мене хлебных законов, приехал на церемонию закладки железной дороги в Трент-Уэйли, журнал «The Economist» выразил свое разочарование колебаниями премьер-министра в следующем довольно высокопарном тексте:

> «Надеемся, что модели прялки Дженни и красильного чана будут размещены бок о бок с лопатой и тачкой [которыми, видимо, пользовался Пиль на церемонии закладки. — *В. К.*] и навсегда останутся памятниками тех средств, с помощью которых дом Пиля возник и были созданы его богатство и власть. Тогда удивленное, но не восхищенное потомство, противопоставляющее эти заветные памятники семейного величия [политической] позиции Пиля, станет говорить о нем не просто как о непоследовательном и глупом, но лживом и коварном. Премьер-министр, который заявлял, что обязан своим возвышением промышленности и который якобы чтил максимы справедливости и гражданской мудрости, фактически предал принципы своего собственного величия, лишив промышленность ее награды, а народ — хлеба»[1].

Многочисленные публичные заявления Р. Пиля о том, что он был сыном прядильщика, были ярким свидетельством его социального самосознания и ощущения тесной привязанности к среднему классу. В этом отношении ни прекрасный особняк, который Р. Пиль построил в Дрейтоне, неподалеку от приобретенного его отцом манора Тамуорт в Стаффордшире, ни великолепная коллекция голландской живописи эпохи Возрождения, размещенная в этом особняке, ни аристократический быт никогда не могли в полной мере компенсировать этого самоощущения. Заднескамеечник-тори У. Томас заметил по этому поводу, что

> «…мастерство Пиля в области бизнеса и его политическая проницаемость рано стали легендарными, но ему

[1] The Economist. 1845. 25 November. P. 1192. Впрочем, «The Economist» был целенаправленно создан для борьбы за отмену хлебных законов, поэтому к его свидетельствам в данном случае нужно относиться с осторожностью.

> недоставало общей культуры, или, скорее, у него были культурные устремления, которые его ранняя вовлеченность в политику оставила на голодном пайке. Пиль хотел даже отказаться от политики и искренне жаждал жизни деревенского джентльмена, но единственным следствием этого стала лишь его выраженная политическая незаменимость»[1].

Очевидно, что Р. Пиль самым противоречивым образом сочетал в себе жесткость, которая стала следствием его «непримечательной социальной родословной», которой он всю жизнь чурался, с определенным высокомерием и нежеланием идти на компромисс, характерными для его политического поведения уже в рамках аристократического класса. Это терзавшее Р. Пиля всю его жизнь несоответствие не было непреодолимым, и еще в 1828 г. Г. Арбетнот отмечала в своем известном дневнике, что «низкое рождение и вульгарные манеры Р. Пиля могли быть не только прощены, но и забыты, когда бы он только освоил искусство политического примирения»[2]. Склонность Р. Пиля к угрозам отставки (дважды только в 1844 г.), его неоднократные заявления о неограниченности той власти на посту премьер-министра, которую он был намерен осуществлять (накануне парламентских выборов 1841 г.), нежелание принять на себя рутинные обязанности по организации консервативной партии в 1821–1832 гг. (равно как и возобновить его после раскола 1846 г.), — все это свидетельствует о том, что Р. Пиль тяготился политической рутиной. Но он был незаменим для лорда Ливерпула во время кризиса 1825 г., связанного с католической эмансипацией, и для герцога Веллингтона во время аналогичного кризиса в 1829 г., его политический триумф 1844 г., обеспеченный принятием банковской хартии, не говоря уже о том, что устойчивость вигского кабинета лорда Дж. Расселла в 1846–

[1] The Times. 1828, 11 October. P. 4.

[2] The Journal of Mrs. Arbuthnot, 1820–1832 / Ed. by F. Bamford & the Seventh Duke of Wellington. L., 1950. Vol. II. P. 235.

1850 гг. во многом зависела от позиции пилитов, свидетельствовали о незаменимости Р. Пиля в британской политике 20–40-х гг. XIX в.[1].

Следует заметить, что Р. Пиль, по всей видимости, довольно рано осознал свое интеллектуальное превосходство над соратниками по партии, и это привело его к плохо скрываемым проявлениям снисходительности по отношению к своим политическим последователям. Неплохо знавший Р. Пиля отставной капитан Г. Мартин так описывал эту особенность характера выдающегося политика:

> «Когда он высказывал решающий аргумент, который, по его мнению, завершал вопрос, [он] обращался к своим сторонникам, спиной к Палате, держа руки под пальто, и выражая свою точку зрения с удивительной усмешкой превосходства на лице, словно вопрошая коллег — ну что, разве это не хороший удар? Я не могу сказать, что все это выглядело очень достойно и соответствовало общепринятым представлениям о парламентских действиях. Но, тем не менее, он был очень эффективным и намного более влиятельным среди членов [палаты общин], чем поклонники традиционного декламационного стиля ораторского искусства. Средний интеллект членов палаты давал шанс Пилю снизойти до них… и по закону природы, по которому низший ум должен подчиняться высшему, они сразу же признали в нем духа-хозяина»[2].

При этом, несмотря на все возможное признание заслуг Р. Пиля, его отношения с политическими последователями никогда не были гармоничными. Они жаловались друг другу на него, упрекая в том, что он не хочет находиться на своем посту (независимо от того, каким был этот пост), а затем критиковали за то, что занимая пост, он никогда не делал того, чего им бы хотелось. Любая неоднозначность в поведении

---

[1] Gash N. Sir Robert Peel. L., 1972. P. 112.

[2] Martin Henry, Cpt. A Personal Sketch of the Late Lamented Sir Robert Peel as a Parliamentary Speaker and Party Leader in the British House of Commons. Hamburg, 1850. P. 17-18.

Р. Пиля — от его довольно посредственного владения французским языком до сохранявшихся всю жизнь вульгарных привычек поведения за столом, — воспринимались одинаково негативно как политическими последователями, так и оппонентами, не говоря уже о его многочисленных аристократических недоброжелателях[1]. Когда же сэр Роберт безуспешно пытался снискать благосклонность и расположение юной королевы Виктории в 1839 г., его неудача была предопределена тем обстоятельством, что он нашел себе противоестественного «аристократического союзника» в лице лорда Мельбурна, своего бывшего политического оппонента и вигского премьер-министра. Последний со всей возможной снисходительностью позволил себе в личной беседе с королевой характерную ремарку, говорящую о мировоззрении Мельбурна не меньше, чем о мировосприятии Р. Пиля:

> «Вы должны знать, что [Пиль] — это человек, который не привык говорить с королевскими особами; человек совершенно другого калибра. Он не похож на меня. Я был воспитан с королями и принцами, я знаю Всю Семью и точно могу представить, что и как им можно и должно сказать; у него же нет такой легкости, и, вероятно, вам придется испытать по этой причине некоторое беспокойство»[2].

В аналогичной ситуации Ч. Гревилл жаловался, что Р. Пиль, бывая при дворе, пытался, несмотря на низкое социальное происхождение, занять «позицию мастера, дающего урок»[3].

Определенной компенсацией за отмеченное противоречие между происхождением и притязаниями на аристокра-

---

[1] The Diaries of Charles Greville / Ed. by D. Pearce. L., 2005. P. 142.

[2] Hibbert C. Queen Victoria in Her Letters and Journals. Stroud, 2000. P. 50.

[3] The Diaries of Charles Greville / Ed. by D. Pearce. L., 2005. P. 204.

тический образ жизни стала семейная жизнь Р. Пиля, которая, в отличие от большинства семейств его социальной группы того времени, не была отмечена скандалами и выносимыми на публику дрязгами. Семейное спокойствие поддерживалось значительным состоянием, накопленным Р. Пилем-старшим, и приумноженным благодаря неуклонному его восхождению к наследственному титулу баронета и столь же наследственному месту в палате общин от манора Тамуорт в Стаффордшире, который стал политической вотчиной семейства Пилей на несколько поколений. Именно это позволило Р. Пилю не только стать вторым баронетом после смерти отца, но и выгодно сочетать политические устремления последнего со своими собственными притязаниями на социальное благородство и статус покровителя культуры[1].

Деятельность Р. Пиля как коллекционера и покровителя искусств обычно упускается исследователями и меркнет на фоне анализа его политических пристрастий. Между тем, она дает много интересного материала для понимания характера нашего героя. Один враждебный Р. Пилю полемист писал в 1844 г., что «нет ничего, в чем премьер-министр ценил бы себя более, чем в тех незначительных познаниях, которые он имел в живописи»[2]. И хотя известный британский художник середины XIX в. Б. Хейдон также полагал, что познаниям Р. Пиля в живописи «не хватает некоторых важных деталей», он, тем не менее, вторил многочисленным современникам, превознося «изысканное собрание драгоценных камней» — собрание живописи премьер-министра, вершиной которого была знаменитая «Chapeau de Paille» («Соломенная шляпка») П. Рубенса[3]. Коллега Р. Пиля лорд Элленборо нахо-

[1] The History of Parliament. The Commons, 1790–1820 / Ed. by R.G. Thorne. L., 1986. Vol. IV. P. 746-750.

[2] Anon. Two Letters to Sir Robert Peel on His Proposed Banking Measures, Written by an Ex-MP. L., 1844. P. 5.

[3] The Diary of Benjamin Robert Haydon / Ed. by W.B. Pope. Harvard, 1962. Vol. III. P. 498-500.

дил его «расслабленным и оживленным» всякий раз, когда он «выходил на тему искусства» (в отличие от их обычных отношений, которые нельзя назвать безоблачными ввиду серьезных политических разногласий). Многочисленные наблюдатели также отмечали интерес и волнение Р. Пиля всякий раз, когда ему доводилось демонстрировать свою коллекцию[1]. Однажды Р. Пиль сказал посетителям своего дома, что «как вы знаете, я обладаю, наверное, самой прекрасной коллекцией портретов выдающихся англичан, какую только можно найти в частной галерее в стране, насчитывающей 11 премьер-министров Англии»[2].

Когда в апреле 1847 г. Р. Пиль открыл свой вновь отстроенный лондонский дом для 500 избранных посетителей, он приложил особые усилия, чтобы на публичной презентации его коллекции живописи присутствовали журналисты. Более того, вопреки обыкновению, он похвалил их (даже всегдашнего автора «Punch» У. Теккерея). Однако это «стремление к популярности путем похвалы», к сожалению для Р. Пиля, не принесло ему лестного отзыва от «*Punch*», на страницах которого появилась следующая ремарка:

> «Некоторые из наших современников приводили очень интересные подробности о портретной галерее, которую сэр Роберт Пиль сформировал в последнее время во всей возможной полноте. Политиков всех оттенков и всех фракций можно найти бок о бок в этой замечательной коллекции. Однако общеизвестно, что комната [где находятся картины] освещается фонарем в центре, который представляет собой шестиугольник, на каждой стороне которого можно видеть портреты владельца в образе шести его самых любимых персонажей. Фонарь вращается, так что посетители могут постоянно видеть

[1] Lord Ellenborough. Political Diary, 1828–1830 / Ed. by Lord Colchester. L., 1881. Vol. I. P. 175.

[2] Nottingham University Manuscript Department. Newcastle of Clumber Collection, Ne C 5289 / 2-3. Peel to Newcastle (October 1843).

сэра Роберта в новом обличии. Комната полна всех оттенков эпохи, но вращающийся фонарь эпохи наиболее уместно занимает центр»[1].

Слава Р. Пиля как ценителя изобразительного искусства в 30–40-е гг. XIX в. уступала лишь его славе парламентского оратора. Со времен классической биографии Н. Гэша именно ораторская репутация Р. Пиля почиталась основой его политического успеха и причиной быстрого получения первого министерского поста. Лорд Эшли утверждал, что «Пиль был мастером в искусстве говорить»[2]. В свою очередь, лорд Элленборо, отмечая несомненные ораторские качества Р. Пиля, указывал, что он «имел большие недостатки как спикер, хотя и обладающий некоторым тактом, но упускающий внимание аудитории»[3]. Довольно часто Р. Пиля упрекали в склонности к излишней аффектации в ущерб содержанию речи — в том же самом обвиняли юного Дизраэли, а журнал «Punch» писал, что «речи Пиля имеют удивительное сходство с картинами Тернера: оба достойны восхищения, но ни один из них не понятен»[4]. Тем не менее, по словам У. Гладстона, Р. Пиль всегда полагался на свое красноречие и «был склонен думать, что чем меньше времени уделяется подготовке парламентской речи, тем лучше». При этом именно Р. Пиль советовал юному У. Гладстону «никогда не быть слишком кратким, если говоришь официально»[5]. В свою очередь, Г. Френсис, выдающийся англиканский богослов и поэт, считал, что своеобразный

[1] Punch. 1847. Vol. XII (January–June). P. 44.

[2] Southampton University Library. Broadlands Papers. Shaftesbury Diaries, SHA / PD1, f. 83. 6 May 1834. Учитывая мастерство самого лорда Эшли, комплимент был обоюдоострым.

[3] The National Archives. Ellenborough Diaries, PRO 30 / 12 / 28 / 5. P. 252 (3 April 1835).

[4] Punch. 1845. Vol. VIII (January–June). P. 267. Джозеф Маллорд Уильям Тернер (1775–1851) — один из наиболее известных английских пейзажистов и маринистов романтического направления в живописи, предшественник импрессионизма.

[5] Peel Papers. British Library. Add. Man., 40309, f. 318.

стиль Р. Пиля при обращении к палате общин лишил его истинной известности как оратора. Он писал:

> «Слава первоклассного оратора никогда не удовлетворила бы амбиции сэра Роберта Пиля, даже если бы он смог когда-либо достичь ее. Его стиль правильный, но не элегантный, весьма сложный, но не изящный. Бегло обращаясь со словами, он не имеет власти над языком. Он начинает великолепную по смыслу речь — как, например, о введении подоходного налога или о своих валютных планах — с напыщенной натяжкой и преувеличенной торжественностью и полуслышным тоном затаившей дыхание важности, что само по себе уже почти бурлеск. Иногда он снисходительно относится к откровенным проявлениям недостойного легкомыслия, сам же редко снисходил до шуток, как будто нарочно упрятывая их глубоко в ткань высказывания, произнесением которого он в данный момент озабочен»[1].

Наконец, известный радикал и участник чартистского движения Р. Лоури, впервые посетивший палату общин в 1839 г., был также разочарован неудовлетворительным качеством парламентского красноречия. Особенно он был удивлен Р. Пилем, который «не привлек бы внимания к проблемам рабочего человека»[2].

При этом Р. Пиль всегда крайне болезненно относился к выпадам политических оппонентов, которые, как ему казалось, затрагивали его личную честь. «Обвините его в чем-либо, например, в наличии качеств, личных или общественных, несовместимых с характером человека чести, — заметил в 1836 г. лорду Кардвеллу известный автор парламентских зарисовок Д. Грант, — и он тут же потребует от вас объяснения, которое, если оно не будет найдено им удовле-

---

[1] Quoted in: Sir Lawrence Peel. A Sketch of the Life and character of Sir Robert Peel. L., 1860. P. 48-49; Politics and Culture in Victorian England / Ed. by P. Ghosh & L. Goldman. Oxford, 2006. P. 300-301.

[2] Robert Lowery. Radical and Chartist / Ed. by B. Harrison & P. Hollis. L., 1979. P. 140.

творительным, тут же будет продолжено выпадом враждебному собранию»[1]. Совершенно очевидно, что в политической системе первой половины XIX в., все еще вдохновляемой высоко ценимым чувством аристократического идеала, Р. Пиль, будучи выходцем из рядов среднего класса, воспринял этический кодекс аристократа с большей энергией, чем это было обычно принято. Немногие политические деятели Великобритании того времени выступали с большим количеством публичных вызовов «для удовлетворения джентльмена», чем Р. Пиль. Самым известным из адресатов подобных вызовов был ирландский адвокат Д. О'Коннелл — лидер ирландской Католической ассоциации и глава движения за эмансипацию католиков и отмену «Акта об унии» между Англией и Ирландией 1800 г. В сентябре 1815 г. Р. Пиль не раз выступал в палате общин против позиции Д. О'Коннелла, который фактически подталкивал Р. Пиля к публичному вызову, намекая, что сэр Роберт никогда не осмелился бы так резко выступать против него, если бы не парламентский иммунитет. Д. О'Коннелл преследовал Р. Пиля вне стен палаты общин «с решимостью поистине замечательной», что не сулило последнему ничего хорошего, учитывая то обстоятельство, что буквально за полгода до этого Д. О'Коннелл (кстати, прекрасный стрелок) убил на дуэли Дж. Н. Д'Эстерра, члена Гильдии торговцев Дублина. Следует заметить, что Р. Пиль в этой сложной для себя ситуации не воспользовался привилегией парламентского иммунитета и не обратился к властям, но напротив, проявил немалую изобретательность в попытках уехать на континент и там уладить свои разногласия с Д. О'Коннеллом при помощи дуэльных пистолетов. Неизвестно, чем закончилось бы дело, если бы супруга Д. О'Коннелла, «опасаясь за жизнь своего мужа», не поспособствовала его аресту, чтобы остудить пыл Р. Пиля, который счел себя лично оскорбленным упреками в трусости — каче-

[1] The National Archives. Cardwell MSS, PRO 30 / 48 / 53. ff. 114-116 (3 March 1864).

стве, несовместимом с этическим кодексом джентльмена. Так или иначе, но спор пролился более десяти лет, и Д. О'Коннелл принес извинения Р. Пилю только в 1826 году[1].

Пятнадцать лет спустя после этого инцидента, в апреле 1831 г., Р. Пиль просил своего секретаря сэра Г. Хардинга «выразить неудовольствие» Дж. С. Хобхаузу за «использование резких выражений» в адрес Р. Пиля в парламентской речи последнего 25 апреля. При этом было сказано, что если конфликт не будет урегулирован путем принесения соответствующих извинений, между двумя парламентариями будет организована «встреча с секундантами» в Дувре. Конфликт удалось погасить буквально в последний момент при участии этих самых секундантов — Г. Хардинга и лорда Дейкера[2].

Эти примеры убедительно показывают, что Р. Пиль был чрезвычайно чувствителен к нападкам и оскорблениям в свой адрес со стороны политических оппонентов. Он был готов отстаивать свою личную честь в такой степени, которая была совершенно исключительной для высокопоставленного политического деятеля, который служил министром короны, был лидером оппозиции и премьер-министром[3]. В 1837 г., когда случился очередной конфликт между Р. Пилем и капитаном Тауншендом (его соперником на выборах в маноре Тамуорт), дело снова едва не дошло до пистолетов. Обозреватель «Таймс» Дж. Уолтер писал тогда с плохо скрываемой иронией, что «жизнь сэра Роберта была слишком ценной, чтобы рисковать мелкими противниками».

---

[1] Geoghegan P., King D. The Rise of Daniel O'Connell, 1775–1829. Dublin, 2008. P. 89-94.

[2] Peel Papers. British Library. Additional Manuscripts, 40309, f. 319.

[3] Впрочем, такое поведение не было чем-то исключительным для тори — достаточно вспомнить знаменитую дуэль между герцогом Веллингтоном и лордом Винчелси в Баттерси Филдс в марте 1829 г. из-за разногласий по вопросу эмансипации католиков. См.: Wellington and His Friends / Ed by the Seventh Duke of Wellington. L., 1965. P. 207-211.

Именно он посоветовал Дж. У. Крокеру «изобрести на будущее некие средства, чтобы с их помощью можно было бы избежать [для Р. Пиля. — *В. К.*] тех опасностей, которым он подвергался больше, чем любой публичный человек своего времени»[1].

Тридцать лет спустя, уже после смерти Р. Пиля, лорд Кардвелл поделился своими соображениями по поводу чувствительности Р. Пиля к личным выпадам с его будущим биографом Г. Смитом. Он писал:

> «Пиль появился в общественной жизни в тот момент, когда аристократическая дерзость все еще была на высоте, и когда сын хлопкового прядильщика не мог руководить палатой общин, не подвергаясь воздействию множества доказательств, порой весьма унизительных, того факта, что окружающие не считали его одним из них. Дуэли в то время не только считались делом джентльменом, но и служили пробным камнем хорошего поведения…. С того времени железные дороги, законопроекты о реформах и другие благотворные влияния научили нас лучшим взглядам на жизнь. Поэтому я не удивляюсь реакции Пиля в 1837 году, хотя если бы кто-то счел меня трусом десять лет спустя, я уже вряд ли прибег бы к общеизвестному способу оправдания, а решись я на это еще пять лет спустя — меня сочли бы ненормальным»[2].

Учитывая эту постоянную и трепетную привязанность Р. Пиля к святости принципов и личной чести, вполне резонно предположить, что ему в качестве собеседника порой не хватало хорошего чувства юмора. Эту черту характера Р. Пиля отметил хорошо его знавший Г. Хобхаус, написавший однажды, что «гений Пиля был слишком громоздким

---

[1] The Croker Papers. The Correspondence and Diaries of John Wilson Croker / Ed. by L. J. Jennings. L., 1884. Vol. I. P. 409-410.

[2] The National Archives. Cardwell MSS, PRO 30 / 48 /53. ff. 114-116 (3 March 1864).

для шуток»[1]. Несмотря на все несомненные навыки Р. Пиля как политика и парламентария, его соратники и недоброжелатели были едины в том, что он был человеком вспыльчивым и непримиримым. Б. Дизраэли описывал его как «самого холодного и надменного из людей», а автор знаменитого «Журнала» Г. Арбетнот так обрисовала в 1831 г. эту сторону характера будущего лидера консерваторов:

> «Пиль часто бывает смущен и робок, боится взять на себя обязательства, опасается иметь последователей и партию, поскольку они могут стать обузой в любых будущих договоренностях… Если кто-то из молодых последователей начинает говорить, он смеряет его ледяным взглядом, поскольку хорошая речь делала человека в его глазах опасным и воспринимаемым в качестве конкурента. И все же, пока он был на своем посту, он не переставал жаловаться на отсутствие поддержки. Он — надменный, горький и высокомерный ненавистник всякого инакомыслия»[2].

Такого же мнения о Р. Пиле придерживался и супруг Г. Арбетнот, который в период его первого премьерства в 1834–1835 гг. жаловался герцогу Веллингтону на то, что «у Пиля нет того, что я должен назвать чувством высокородного джентльмена; он всегда руководствуется личными эгоистичными мотивами, не скрывая этого от соратников и друзей»[3].

В силу этих особенностей характера Р. Пиль никогда не воспринимался современниками в качестве «клубного» политика, несмотря на всю развитость и значимость клубной политической культуры в Великобритании первой половины XIX в. Обедая в компании Р. Пиля, лорд Эшли «чувствовал

---

[1] Quoted in: Conversations with Wellington / Ed. by Earl of Stanhope. L., 1988. P. 190.

[2] The Journal of Mrs. Arbuthnot, 1820–1832 / Ed. by F. Bamford & the Seventh Duke of Wellington. L., 1950. Vol. II. P. 312.

[3] Prime Ministers Papers / Ed. by R.J. Olney & J. Melvin. Wellington Political Correspondence. L., 1986. Vol. II (1834–1835). P. 561.

себя по соседству с айсбергом», а будущий консервативный лидер лорд Стэнли отметил, что «Пиль никогда не говорит за обедом больше, чем того требует вежливость»[1]. Известный историк А. Бриггс, отмечая эту замкнутость Р. Пиля, писал, что «ум его был слишком занят потребностями общества, чтобы отвлекаться на более мелкие дела»[2]. При этом, тем не менее, отмечалось, что именно Р. Пиль, во многом благодаря не самым выдающимся качествам своего характера, установил новые стандарты отношения премьер-министра к своим обязанностям, олицетворяя решимость, трудолюбие и внимание к деталям, которые стали залогом его политического успеха. Тот же А. Бриггс отмечал, что «когда лорд Эшли был занят кампанией по ограничению рабочего времени промышленных рабочих в 40-е гг. XIX в., Р. Пиль никогда не ограничивал себя в качестве премьер-министра девятичасовым рабочим днем»[3]. Ближайший сподвижник Р. Пиля сэр Дж. Грэхем писал в 1842 г., что «у нас никогда не было министра, который был бы настолько истинно первым министром как он есть и действительно осведомлен о делах в каждом департаменте»[4]. В часто и обширно цитируемом письме Ч. Арбетноту (в котором отражены комментарии, данные Р. Пилем ряду парламентских корреспондентов), Р. Пиль говорит о бремени, которое возлагает на себя премьер-министр, следующее:

> «Должным образом исполнять обязанности премьер-министра означает читать все, что он должен читать, включая иностранную корреспонденцию, поддерживать связь, которую он должен поддерживать, с королевой,

[1] Southampton University Library. Broadlands Papers. Shaftesbury Diaries, SHA / PD2, f. 56. 78. October 1841.

[2] Briggs A. Sir Robert Peel. In.: The Prime Ministers / Ed. by H. Van Thal. Vol. I. From Sir Robert Walpole to Sir Robert Peel. L., 1974. P. 377.

[3] Ibid. P. 379.

[4] Quoted in: Gaunt R. Sir Robert Peel: The Life and Legacy. L., 2010. P. 48.

> видеть всех, кого он должен видеть, контролируя предоставление привилегий и распоряжение гражданским и церковным покровительством; писать своей рукой в ответ каждому примечательному человеку, который решит написать ему, чтобы быть готовым к каждой дискуссии, включая не только самые главные, но и менее значимые проблемы, а также сидеть в палате общин восемь часов в день в течение ста восемнадцати дней»[1].

По всей видимости, самой обременительной частью обязанностей премьер-министра для Р. Пиля была необходимость время от времени присутствовать в палате лордов, где его социальное происхождение доставляло ему множество поводов для беспокойства. Лорд Стэнли отмечал, что Р. Пилю также стоило больших усилий постоянно переписываться с королевой и участвовать в церемониальных мероприятиях при дворе, пусть и не таких многочисленных, но отнимающих много времени и душевных сил. Он считал, что «часть времени, которое Пиль провел с королевской четой, могло быть с куда большей выгодой отдано молодым консервативным депутатам». Впрочем, лорд Стэнли не преминул заметить и то обстоятельство, что «во время аудиенций королева многое сделала для того, чтобы поддержать своего перегруженного работой и атакуемого оппозицией премьер-министра»[2].

Также стоит заметить, что чувство ответственности, с юных лет присущее Р. Пилю, было почти так же велико, как уже отмеченные выше честолюбие и властный эгоизм, не всегда удачно скрываемые и, вероятно, развитые в большей степени, нежели это обычно отмечается его многочисленными биографами. Уже упомянутый выше клерк Тайного совета и автор знаменитых «Дневников» Ч. Гревилл писал в

---

[1] The Correspondence of Charles Arbuthnot / Ed. by A. Aspinall. Royal Historical Society. 3rd Series. Vol. LXV. L., 1941. P. 237.

[2] The Letters of Queen Victoria. A Selection from Her Majesty's Correspondence Between the Years 1837–1861 / Ed. by A.C. Benson & Viscount Esher. Honolulu, 2002. Vol. II. P. 35.

1833 г., в разгар острых парламентских дебатов по вопросу о возможности использования доходов ирландской церкви в интересах правительства, что «под спокойной внешностью Пиля скрываются безграничные амбиции»[1]. За два года до этого лорд Элленборо также отметил, что «талант Пиля в высшей степени приспособлен для того, чтобы обратить все на свой счет. Если он и думает о чем-то в качестве конечной цели, то он думает только о сэре Роберте Пиле»[2]. Во время государственного визита российского императора Николая I в Великобританию в 1844 г. журнал «Punch» саркастически отметил, что «посещая Виндзорский замок с королевой Викторией и императором, сэр Роберт Пиль был единственным, кто не был облачен в парадный костюм, подчеркивая этим, что именно на нем лежат все тяготы подготовки приема, и именно он берет на себя инициативу во всем»[3].

Возможно, привычный эгоизм Р. Пиля, который уже был отмечен выше и характерный для него как в частной, так и в публичной жизни, мог иметь не столь печальные следствия для его политической карьеры, если бы он не был столь категоричен в непризнании заслуг коллег в правительстве и соратников по партии[4]. В марте 1844 г. журнал «The Economist» подсчитал, что во время двадцатиминутной речи в палате общин Р. Пиль использовал слово «я» двадцать шесть раз, словосочетание «мой кабинет» сорок раз. Конечно, как уже отмечалось, этот журнал нельзя упрекнуть в излишней лояльности как консерваторам, так и лично премьер-министру, но и в этих обстоятельствах приведенная статистика выглядит весьма показательной[5].

---

[1] The Diaries of Charles Greville / Ed. by D. Pearce. L., 2005. P. 113.

[2] Lord Ellenborough. Political Diary, 1828–1830 / Ed. by Lord Colchester. L., 1881. Vol. I. P. 402.

[3] Punch. 1844. Vol. VI (January-June). P. 42.

[4] Southampton University Library. Broadlands Papers. Shaftesbury Diaries, SHA / PD2, f. 61. 28 August 1841.

[5] The Economist. 1844. 16 March. P. 596.

Таким образом, вопрос об особенностях характера Р. Пиля и их тесной связи с базовыми установками его политического поведения был широко освещен современниками, но, по странному стечению обстоятельств, практически выпал из поля зрения современной британской историографии. Щедро наделенный талантами, которые делали его амбициозным и решительным, сэр Р. Пиль в то же самое время предстает перед нами отчужденным, замкнутым, излишне озабоченным посмертной славой, нетерпеливым, порой даже капризным, и преувеличенно серьезным. Эти две противоречивые ипостаси его характера — талант и амбиции — самым причудливым образом сплетались в те мгновения политической карьеры нашего героя, когда требовалось принять значимое политическое решение, которое могло стоить карьеры. Эмансипация католиков в 1829 г. и отмена хлебных законов в 1846 г. служат в данном случае ярчайшими примерами таких кризисов, которые преображали Р. Пиля, давая ему возможность проявить свои лучшие качества во всем их грандиозном масштабе, но дорого обходились его партии и сторонникам. Именно об этом было прекрасно сказано через сорок дней после смерти Р. Пиля на страницах «The Illustrated London News», когда обозреватель популярного журнала писал:

> «Если общественное осуждение, или, напротив, общественная целесообразность, или же государственная необходимость, либо какой-либо иной мотив заставляли сэра Роберта Пиля увидеть, что настало время для решительных изменений в политике, он исходил из того, что он не должен был быть министром, чтобы вводить в общественную практику те нововведения, которым он долго и настойчиво препятствовал. Но личные амбиции и любовь к славе, возможно, повлияли на сэра Роберта Пиля, когда он воспользовался такими великими и заманчивыми случаями, которые представились ему в 1829 и в 1846 годах, чтобы вписать свое имя на страницы истории. Возможно, есть доля правды и в том, что он нико-

гда не был склонен отказываться от такой ослепительной награды, как посмертная слава»[1].

Впоследствии указанный журнал постепенно дистанцировался от столь резкой оценки деятельности Р. Пиля, но то обстоятельство, что тема противоречий в характере Р. Пиля и баланса таланта и честолюбия в его политической деятельности вообще была поднята в журнальной эпитафии, заслуживает внимания и наводит на определенные размышления[2]. Учитывая же, что в современной британской историографии уделено значительное внимание попыткам разгадки «разума мистера Гладстона», «самосозданию Дизраэли» и познанию «мира лорда Солсбери», становится очевидным, что пришло время для создания новой профессионально написанной биографии сэра Р. Пиля, и ее автору предстоит решить немало новых задач, которые не ставились за полвека, прошедшие с классического исследования Н. Гэша. По-видимому, главной из них станет попытка углубиться в эго сэра Р. Пиля, дающее ключ к пониманию многих аспектов его личности и политической карьеры.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Источники / Sources

Anon. Two Letters to Sir Robert Peel on His Proposed Banking Measures, Written by an Ex-MP. L., 1844.

Blackwood's Edinburgh Magazine. 1848. Vol. LXIV (November).

Capefigue Jean Baptiste Honore Raymond. The Character of Sir Robert Peel. In: Taylor W.C. The Life and Times of Sir Robert Peel. L., 1851. Vol. II.

Conversations with Wellington / Ed. by Earl of Stanhope. L., 1988.

The Correspondence of Charles Arbuthnot / Ed. by A. Aspinall. Royal

[1] The Illustrated London News. 1850. 13 July. P. 46.

[2] Gaunt R. Sir Robert Peel: The Life and Legacy. L., 2010. P. 41. Именно этот современный биограф Р. Пиля обратил внимание на посвящение Р. Пилю на страницах «The Illustrated London News».

Historical Society. 3rd Series. Vol. LXV. L., 1941.

The Croker Papers. The Correspondence and Diaries of John Wilson Croker / Ed. by L. J. Jennings. Vol. I–III. L., 1884.

The Diaries of Charles Greville / Ed. by D. Pearce. L., 2005.

The Diary of Benjamin Robert Haydon / Ed. by W.B. Pope. Harvard, 1962. Vol. III.

The Economist. 1844. 16 March; 1845. 25 November.

Francis G. H. Sir Robert Peel as Statesman and Orator. L., 1846.

Grant J. Random Recollection of the House of Commons. L., 1836.

Hibbert C. Greville's England. Selections from the Diaries of Charles Greville, 1818–1860. L., 1981.

Hibbert C. Queen Victoria in Her Letters and Journals. Stroud, 2000.

The History of Parliament. The Commons, 1790–1820 / Ed. by R.G. Thorne. L., 1986. Vol. IV.

The Journal of Mrs. Arbuthnot, 1820–1832 / Ed. by F. Bamford & the Seventh Duke of Wellington. Vol. I–II. L., 1950.

The Illustrated London News. 1850. 13 July.

The Letters of Queen Victoria. A Selection from Her Majesty's Correspondence Between the Years 1837–1861 / Ed. by A.C. Benson & Viscount Esher. Honolulu, 2002. Vol. II.

Lord Ellenborough. Political Diary, 1828–1830 / Ed. by Lord Colchester. L., 1881. Vol. I.

Martin Henry, Cpt. A Personal Sketch of the Late Lamented Sir Robert Peel as a Parliamentary Speaker and Party Leader in the British House of Commons. Hamburg, 1850.

The National Archives. Ellenborough Diaries, PRO 30/12/28/5. P. 252 (3 April 1835); Cardwell MSS, PRO 30 / 48 / 53. ff. 114-116 (3 March 1864).

Nottingham University Manuscript Department. Newcastle of Clumber Collection, Ne C 5289 / 2-3. Peel to Newcastle (October 1843).

Peel Papers. British Library. Additional Manuscripts, 40309, f. 316, 318, 319.

Politics and Culture in Victorian England / Ed. by P. Ghosh & L. Goldman. Oxford, 2006.

Prime Ministers Papers / Ed. by R.J. Olney & J. Melvin. Wellington

Political Correspondence. L., 1986. Vol. II (1834–1835).

Punch. 1844. Vol. VI (January–June); 1845. Vol. VIII (January–June); 1847. Vol. XII (January–June).

Sir Lawrence Peel. A Sketch of the Life and Character of Sir Robert Peel. L., 1860.

Southampton University Library. Broadlands Papers. Shaftesbury Diaries, SHA / PD1, f. 83. 6 May 1834; SHA / PD2, f. 61. 28 August 1841; SHA / PD2, f. 56. 78. October 1841.

The Times. 1828, 11 October; 1844. 21 March; 1845. 13 October.

Torrens W.M. Memoirs of the Right Honorable William, Second Viscount Melbourne. Vol. II. L., 1878.

Wellington and His Friends. Ed by the Seventh Duke of Wellington. L., 1965.

Исследования / Scientific research

Aspinall A. Extractions from Lord Hatherton's Diary // Parliamentary Affairs. 1964. Vol. XVII. № 4. P. 378-394.

Blake R. The Conservative Party from Peel to Churchill. L, 1970.

Blake R. The Conservative Party from Peel to Thatcher. Methuen, 1985.

Briggs A. Victorian People. L., 1973.

Briggs A. Sir Robert Peel. In.: The Prime Ministers / Ed. by H. Van Thal. Vol. I. L., 1974.

Clark G.K. Peel. L., 1936.

Clark G.K. Peel and the Conservative Party. L., 1964.

Cowie L. Sir Robert Peel, 1788–1850. A Bibliography. Westport, Conn., 1996.

Eastwood D. Peel and the Tory Party Reconsidered // History Today. 1992 (March). Vol. 42. P. 32-41.

Evans E.J. Sir Robert Peel: Statesmanship, Power and Party. Lancaster, 1991.

Gambles A. Rethinking the Politics of Protection: Conservatism and the Corn Laws, 1830–1852 // English Historical Review. 1998. Vol. CXIII. № 6. P. 928-952.

Gambles A. Protection and Politics: Conservative Economic Discourse, 1819–1852. Woodbridge, 1999. P. 294-314.

Gash N. Sir Robert Peel. L., 1972.

Gash N. Age of Peel. L., 1973.

Gash N. The Founder of Modern Conservatism. In: Pillars of Government, and Other Essays on State and Society, 1770–1880. L., 1986.

Gaunt R. Disraeli, Peel and the Corn Laws: the Making of a Conservative Reputation // The Historian 2008. Vol. 97. P. 27-39.

Gaunt R. Sir Robert Peel: The Life and Legacy. L., 2010.

Gaunt R. Conservative Politics in the Age of Reform, 1750–1850. L., 2016.

Geoghegan P., King D. The Rise of Daniel O'Connell, 1775–1829. Dublin, 2008.

Hawkins A. The Forgotten Prime Minister, the 14th Earl of Derby. Ascent, 1799–1851. Oxford, 2007.

James P.S. Introduction to English Law. L., 1989.

Jenkins T.A. The Liberal Ascendancy, 1830–1886. L., 1994.

Jenkins T.A. Sir Robert Peel. L., 1999.

Morrow J. The Paradox of Peel as Carlylean Hero // Historical Journal. 1997. Vol. 40 № 107. P. 35-36.

Parry J. Past and Future in the Later Career of Lord John Russell. In: History and Biography. Essays in Honour of Derek Beales / Ed. by T.C.W. Blanning and D. Cannadine. Cambridge, 1996.

Parry J. Lord John Russell, First Earl Russell. In: Biographical Dictionary of British Prime Ministers / Ed. by R. Eccleshall and G. Walker. L., 1998.

Read D. Peel and the Victorians. Oxford, 1987.

Richmond C. The Self-Fashioning of Disraeli. Cambridge, 1998.

Robert Lowery. Radical and Chartist / Ed. by B. Harrison & P. Hollis. L., 1979.

Rubinstein W.D. Who Were the Rich? A Biographical Directory of British Wealth Holders (1809–1839). L., 2009. Vol. 1.

Schrerer P. Lord John Russell. L., 1999.

Thomas W. The Quarrel of Macaulay and Croker. Politics and History in the Age of Reform. Oxford, 2000.

Thompson N. Wellington after Waterloo. L., 1986.

Н.В. Ласкова
(Ростов-на-Дону)

ОТ УРОДЛИВОГО ГОРБУНА К ГОЛУБОГЛАЗОМУ КРАСАВЦУ

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО ВИЗУАЛЬНОГО ОБРАЗА РИЧАРДА III В XXI ВЕКЕ

В истории Средневековья есть немало личностей, образы которых, сформированные в массовом восприятии, а иногда и в научных кругах, сильно отличаются от реально существовавшего положения вещей. По прошествии столетий в силу ряда обстоятельств — недостатка подлинных исторических источников, особенностей политической конъюнктуры, наконец, творческой фантазии художников, писателей, драматургов, кинематографистов, можно вспомнить целый ряд героев средневековья, за которыми прочно закрепился определенный устойчивый имидж. Екатерина Медичи, Папа Римский Александр VI Борджиа — искусные отравители; Маргарита Валуа, Мария Стюарт — королевы, страдавшие из-за своих любовных страстей; алчный Филипп IV Красивый, вызвавший жестокое проклятие на весь королевский род до тринадцатого колена и др. Но, пожалуй, самой одиозной фигурой в этом отношении оказался превзошедший многих в своей искаженной славе последний представитель мужской линии Плантагенетов на английском престоле Ричард III, за которым вот уже более пяти столетий тянется

репутация уродливого злодея в самом крайнем проявлении — жестокого тирана, узурпатора и детоубийцы. Несмотря на то что он правил Англией всего два года, характеристика его царствования стала для историков настоящим яблоком раздора. В XIX–XX вв. исследователи спорили о том, виновен ли Ричард в убийстве Генриха VI Ланкастера и его сына, своих племянников, травил ли он жену, планировал ли жениться на собственной племяннице и даже о степени его физического уродства[1].

Ситуация осложняется тем, что до наших дней не дошло ни одного прижизненного портрета монарха, а самая ранняя копия, выполненная с утерянного оригинала, датируется примерно 1520-ми годами[2]. Со временем, некоторые вопросы перестали быть центром дискуссии, тем не менее и сейчас существуют ричардианцы и антиричардианцы, по-прежнему одни провозглашают Ричарда III достойным во всех отношениях правителем, другие — кровавым тираном и убийцей.

Если задаться вопросом, что же стало причиной неугасающей популярности образа Ричарда III — одного из череды правителей времен войны Роз, то ответ будет достаточно определенным — «великая сила искусства». Творчество гениального Уильяма Шекспира, его пьеса «Ричард III» из цикла Исторических хроник на многие столетия определила негативный имидж Ричарда. Шекспир, создав образ не просто короля, но короля — последовательного злодея, в чистом виде антигероя, наделенного особым зловещим обаянием, тем самым предопределил его популярность. За четверть века после первого выхода в свет в 1597 г. и до 1627 г. пьеса

[1] Браун Е.Д. Ричард III и его время. Роковой король эпохи Войн Роз. М., 2016. С. 3.

[2] Hammond C. Richard III // The Richard III Society. — http://www.richardiii.net/2_4_0_riii_appearance.php (февраль, 2022); Браун Е.Д. Визуальный образ Ричарда III в XV–XVIII вв. // Человек и общество перед судом истории. М., 2013. С. 115-144.

Шекспира «Ричард III» переиздавалась шесть раз, что свидетельствует о ее популярности[1]. Из всего цикла исторических хроник «Ричарда III» чаще других ставили на театральной сцене и экранизировали[2].

В трагедии Шекспира король предстает уродливым душой и телом. Шекспировский Ричард убивал всех, кто стоял между ним и троном. Он лично заколол принца Эдуарда Ланкастера и короля Генриха VI, а затем подстроил гибель своего родного брата Джорджа Кларенса. Он соблазнил вдову Эдуарда Ланкастера, а потом приказал отравить несчастную женщину, чтобы вступить в брак с собственной племянницей; захватил трон; казнил политических оппонентов; и, наконец, приказал задушить малолетних наследников Эдуарда IV, своих родных племянников. Внешность Ричарда Глостера представлена такой же уродливой как его душа и деяния: это хромой, кривоногий и сухорукий карлик-горбун. Он страшен настолько, что собаки начинают лаять, стоит ему появиться в их поле зрения. Этот пугающий своим видом даже животных человек шел к трону, не останавливаясь ни перед какими преступлениями. В последние минуты жизни Ричард бестолково мечется по полю битвы, восклицая: «Коня, коня! Венец мой за коня!». В конце концов граф Ричмонд — таков был титул Генриха Тюдора — лично убивает его в поединке, восклицая над трупом: «Победа наша; сдох кровавый пес»[3]. Именно в таком неприглядном образе Ричард III предстает перед читателями и зрителями уже не одно столетие. Есть британская экранизация 1995 г., в которой действие шекспировской пьесы перенесено из последней

---

[1] Николаев В.Д.. Шекспир. Энциклопедия. Ричард III. — http://www.w-shakespeare.ru/library/nikolaev-shekspir-enciklopediya.html (февраль, 2022).

[2] Каплун М. Король на все времена: История экранизаций жизни короля Ричарда III. — http://www.lumiere-mag.ru/korol-na-vse-vremena (февраль, 2022).

[3] Шекспир У. Ричард III (пер. Анны Радловой). — http://lib.ru/SHAKESPEARE/shks_richardIII_1.txt (февраль, 2022).

четверти XV в. в 1930-е годы — период кризиса британской монархии и распространения идей британского фашизма.

В ней Ричард показан как фашист, замышляющий узурпацию престола. Уже в первых кадрах худой, хромой, сгорбленный человек в полевой форме и противогазе расстреливает принца Эдуарда Ланкастера из маузера, затем проходит в комнату короля Генриха и убивает его выстрелом в голову. Убийца снимает противогаз: и, неожиданно для себя, зритель видит, что это не кто иной как Ричард, герцог Глостерский! Такой вариант шекспировского злодейства с фашистским уклоном[1]. Есть даже японская манга «Реквием по королю Роз»[2] — версия шекспировской пьесы в виде комиксов.

Следует отметить, что Шекспир был далеко не первым автором, наделившим Ричарда Глостера крайне негативными качествами. Историю «злодея Ричарда» сочинили задолго до Шекспира авторы, выполнявшие политический заказ новой династии Тюдоров. Историки уже давно заявили о формировании в английской средневековой историографии так называемого Тюдоровского мифа, конструировавшего историю Англии в угоду новой династии. Это комплекс политико-исторических теорий, целью которых было установление легитимной основы новой королевской династии, а содержание сводилось к обоснованию утверждения о том, что блестящий герой Генрих VII избавил страну от кровавого чудовища Ричарда III[3]. Созданию тюдоровской версии истории Англии, в частности, демонического образа Ричарда

---

[1] Каплун М. Указ. соч.

[2] Канно А. Реквием по королю Роз. — https://readmanga.io/rekviem_po_koroliu_roz (февраль, 2022).

[3] Барг М.А. Шекспир и история. Гл. IV. — Шекспир и тюдоровская историография: Тюдоровская историографическая традиция (w-shakespeare.ru) (февраль, 2022); Сорокина Т.Б. «Тюдоровский миф» в английской историографии //Политическая жизнь Западной Европы: Античность, Средние века, Новое и Новейшее время. Вып. 13. Сборник статей участников XI Всероссийского научного семинара. Арзамас, 2018. С. 28.

III, значительно поспособствовали «История королей Англии» Джона Ройса, «История Англии» Полидория Вергилия, «История короля Ричарда III» Томаса Мора[1]. К концу XVI в. Шекспир, используя имеющиеся хроники, блестяще завершил формирование тюдоровского мифа, создав тот зловещий образ Ричарда, который на долгие годы стал самым популярным. Со временем — к середине XX столетия, подвергшиеся жесткой критике средневековые хроники стали привлекать только в качестве дополнительных источников, и в историографии Ричард III был практически полностью реабилитирован[2]. Кроме того, развенчанием шекспировского клише и просвещением публики относительно Ричарда III в Великобритании уже почти столетие — с 1924 г. активно занимается «Общество Ричарда III»[3], участники которого называют себя ричардианцами и всеми возможными способами возвеличивают образ своего кумира. Однако в сознании миллионов новые взгляды специалистов-

[1] Joannis Rossi antiquarii warwicensis Historia regum Angliae. Oxonii, 1745; Vergil Polidor. Anglica Historia. Latin text and English translation (ed. and trans. Dana J. Sutton, 2005) — http://www. philological.bham.ac.uk/polverg/ (февраль, 2022); Gransden A. The Humanist historians: Thomas More and Polidor Vergil // Historical Writing in England: c.1307 to the early sixteenth century. L., 1996. P. 425-453; Мор. Т. История короля Ричарда III // Томас Мор. Эпиграммы. История Ричарда III. М., 1973; Кузнецов Е.В. «История Ричарда III» как исторический источник // Томас Мор. Эпиграммы. История Ричарда III. М.: Наука, 1973. С. 201-216; Кирюхин Д.В. Образ династии Тюдоров в «Истории Англии» Полидора Вергилия // Историки между очевидным и воображаемым: проблемы визуализации в исторической мысли. Материалы XVII чтений памяти члена-корреспондента АН СССР С.И. Архангельского. 7–8 апреля 2011 г. Н. Новгород: НГПУ, 2011. С. 62-65. Браун Е.Д. Войны Роз: История. Мифология. Историография. М.; СПб., 2016. С. 135-167.

[2] Kendall P. M. Richard the Third. L., 1955; Buck G. The History of king Richard III. Gloucester, 1979; Ross C. Richard III. L., 1983.

[3] The Richard III Society. — http://www.richardiii.net/2_4_0_riii_appearance.php (февраль, 2022).

исследователей с трудом пробивают себе дорогу. Тем более, что традиционная шекспировская версия в очередной раз заявила о себе в вышедшем на экран в 1955 г. культовом фильме со знаменитым Лоуренсом Оливье в главной роли. В работах отечественных историков эволюция взглядов тоже имела место. Каждое поколение исследователей видело в Ричарде III что-то свое. Он был представлен то символом тирании, то олицетворением реакционного общественного строя, то невинной жертвой борьбы за власть[1]. Реабилитированный образ показан в трудах современных авторов — Н.И. Басовской, В.Г. Устинова, наиболее полная картина о «казусе» Ричарда III представлена в работах Е.Д. Браун[2].

Поскольку достижения защитников Ричарда III известны в основном профессионалам и немногим любителям истории, для большинства он по-прежнему остается «шекспировским злодеем». Конечно, театр — не академический институт, и в существовании сценических условностей, жанрового своеобразия литературного произведения, как и творческого видения автора, никто сегодня не сомневается. Но то, что настоящий Ричард III почти совершенно не был похож на своего сценического двойника для большинства людей стало неожиданным открытием только после 2013 г., благодаря средствам массовой информации, активно освещавшим археологическую находку в старинном английском городе Лестере.

В ситуации, когда события XV века все дальше отдаляются от нас во времени, усложняя попытки приблизиться к истине, специалистам для выстраивания доказательной базы остается надеяться на данные археологии и современные

[1] Браун Е. Образ Ричарда III в информационном пространстве отечественной историографии // Люди и тексты. Исторический альманах. 2014. № 5. С. 233-236.

[2] Басовская Н.И. Ричард III Йорк — король Англии Выступление в программе «Все так» на радиостанции «Эхо Москвы» 8 и 15 сент. 2012. — https://www.youtube.com/watch?v=MIzE0_Du8fWk (март, 2022); Устинов В.Г. Ричард III. М., 2015; Браун Е.Д. Ук. соч.

научные достижения, которые позволяют осуществить генетическую идентификацию, выявить возраст, причину смерти, достаточно определенно смоделировать внешний облик. К сожалению, современным археологам нечасто удается отыскать останки известных людей или следы исторических событий, относящихся к столь отдаленному от нас Средневековью, но в случае с Ричардом III все это оказалось возможным. И обнаружение захоронения Ричарда III осенью 2012 г. в Лестере на территории, где размещалась автопарковка у муниципального совета социальных служб, стало настоящей сенсацией[1]. Исследования в области генетической генеалогии, остеологии, радиоуглеродного датирования, генетической реконструкции, проведенные специалистами в течение последующих нескольких лет, хотя и не позволили дать окончательный ответ на все спорные вопросы относительно морального облика последнего Плантагенета, но все-таки сократили их количество.

Масштабный археологический проект раскопок на территории, где размещалась автопарковка у муниципального совета Лестера был инициирован в 2011 г. Обществом Ричарда III, в частности одним из его активных деятелей — сценаристом и продюсером Филиппой Лэнгли. Мысль найти тело английского короля, погибшего в битве, волновала его поклонников давно, но даже если бы останки нашли, доказать, что это скелет именно Ричарда III, было бы невозможно без сведений о живущих ныне потомках, необходимых для проведения анализа ДНК. Поэтому только после того, как историк и специалист по генеалогии Джон Эшдон-Хилл обнаружил прямых потомков сестры Ричарда Анны, проект

[1] Richard III: Discovery and identification // University of Leister. — https://le.ac.uk/richard-iii (март, 2022); Ершова Т. Бесчестие или триумф Английские археологи нашли останки Ричарда III. — https://lenta.ru/articles/2013/02/06/richard/ (март, 2022); Семушин Д. Шекспировский «символ зла»: обнаружены останки английского короля Ричарда III — горбуна. — https://regnum.ru/news/polit/1621740.html (март, 2022).

«В поисках Ричарда» начал реализовываться. Основной целью было — определить местонахождение церкви Грей Фрайерс в Лестере, в которой согласно источникам, было захоронено тело Ричарда III. После кропотливой работы в архивах, в процессе раскопок осенью 2012 г. была обнаружена не только монастырская церковь, но и могила, в которой, предположительно находились останки Ричарда III[1].

В последующие несколько месяцев велась работа по установлению личности найденного в Лестере скелета — проведение радиоуглеродного анализа и анализа ДНК костей. Ключевым среди этих исследований ученые назвали анализ ДНК, который показал совпадение с ДНК двух потомков Ричарда III по материнской линии. Одним из них оказался проживавший в Лондоне гражданин Канады Майкл Ибсен (правнучатый племянник старшей сестры Ричарда III). По словам экспертов, гены потомков Ричарда имеют особые признаки, не имеющие сегодня широкого распространения в Западной Европе[2]. Идентификацию останков Ричарда III провозгласили одним из самых важных открытий в британской археологии. Публикации о находке широко разошлись по мировым СМИ.

---

[1] Buckley R., Morris M, Appleby J., King T., O'Sullivan D., Foxhal L. The king in the car park': new light on the death and burial of Richard III in the Grey Friars church, Leicester, in 1485. — https://www.researchgate.net/publication/273293657_'The_king_in_the_car_park'_New_light_on_the_death_and_burial_of_Richard_III_in_the_Grey_Friars_church_Leicester_in_1485 (март, 2022); The Richard III Society. — http://www.richardiii.net/2_4_0_riii_appearance.php (март, 2022).

[2] Treble P. Canada's connection to King Richard III: The inside story. The king was identified by DNA from a Canadian who just built the regal coffin //Maclean's 22 March, 2015. — https://www.macleans.ca/society/canadas-connection-to-king-richard-iii-the-inside-story/ (март, 2022); Richard III: Discovery and identification // University of Leicester. — https://le.ac.uk/richard-iii/identification/genetics/living-relatives (март, 2022).

Для обнародования результатов поисков команда специалистов из Лестерского университета вместе с главным археологом проекта Ричардом Бакли 4 февраля 2013 г. провела конференцию, онлайн-трансляцию которой вела газета The Guardian. На конференции огласили, что найденные кости датируются 1455–1540 годами и принадлежат человеку 30-летнего возраста. Кроме того, скелет имел повреждения на костях черепа, ярко выраженный правосторонний неврожденный сколиоз. Это, в свою очередь, означает, что Ричард III был сутулым, но не горбатым. «Кости его ног были нормальными и симметричными» — значит, Ричард не был и хромым. Ученые также заявили, что смерть наступила в результате сильного удара по основанию черепа — либо мечом, либо алебардой, причем с близкого расстояния, что, кстати, подтверждает шекспировскую версию о том, что Ричард III скончался в пешем бою. Однако ранения были обнаружены не только в области головы, но и по всему телу, и, возможно, они были получены после смерти, когда поверженного короля везли к месту захоронения привязанным к лошади. «Мы с уверенностью можем сказать, что эксгумированные останки принадлежат королю Ричарду III», — объявил ведущий археолог Ричард Бакли[1]. Обо всем этом три года спустя генетик, археолог и антрополог, преподаватель Лестерского университета доктор Тьюри Кинг рассказала в рамках лекции, которую она прочитала в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова в рамках фестиваля Наука 0+[2].

---

[1] Skeleton found in car park is that of Richard III — as it happened. — https://www.theguardian.com/science/blog/2013/feb/04/ richard-iii-skeleton-last-plantagenet-king-live#block-510f8651b5791b 9b8a5498c9 (апрель, 2022).

[2] Калитиевская И. Как откопали Ричарда III// Интервью с археологом, антропологом и генетиком из Лестерского университета Тури Кинг. — https://arzamas.academy/mag/389-richard? (апрель, 2022).

Следующим важным событием стала выполненная по заказу ричардианцев реконструкция лица Ричарда II, осуществленная экспертом в области черепно-лицевой идентификации, профессором Кэролайн Уилкинсон. В ходе реконструкции на отсканированный череп с использованием специального программного обеспечения были наложены слои мышц и кожи. В результате была получена трехмерная модель. Однако экспертам пришлось использовать сохранившиеся портреты Ричарда III в качестве образца для создания прически, цвета волос, глаз, кожи и одежды, так как эти детали невозможно восстановить на основе скелетных останков. Компьютерная реконструкция лица монарха была скопирована в пластике, а затем раскрашена. Модели были добавлены искусственные глаза, парик и шляпа. По словам историка Джона Ашдаун-Хилла, при взгляде на реконструкцию, создается впечатление, что «стоишь лицом к лицу перед живым человеком»[1]. «Его лицо не похоже на лицо тирана. Он очень красив. Глядя на него появляется ощущение, что с ним можно поговорить, побеседовать прямо сейчас», — считает Филиппа Лэнгли[2].

В дальнейшем погибший более пяти столетий назад король стал настоящим ньюсмейкером. Спорили о том, где и как его хоронить, в Лестере или Йорке, должна ли присутствовать королева? Елизавета II отказалась от перезахоронения останков Ричарда III в Лондоне в усыпальницах английских королей — Виндзорском замке и Вестминстерском аббатстве. В конце концов победил город Лестер как место последнего упокоения Ричарда. Мэр города Питер Соулсби отметил: «Лучше всего, если останки будут погребены на территории собора Лестера. Они более 500 лет лежали на том самом месте, куда падает тень собора, будет справедли-

[1] Британские ученые восстановили внешность короля Ричарда III // Взгляд 5 февраля 2013 — https://vz.ru/news/2013/2/5/619021.html (апрель, 2022).

[2] Там же.

во, если монарх будет с соответствующими почестями захоронен именно в этом здании»[1].

26 марта 2015 г. состоялась церемония перезахоронения Ричарда III. Гроб короля торжественно провезли по улицам Лестера. Проститься с королем пришли несколько десятков тысяч человек. От королевской семьи на церемонии присутствовала жена принца Эдуарда, графиня Уэсекская София и герцог Глостерский принц Ричард — тезка Ричарда III. Королева подготовила письмо, которое зачитали во время службы. Текст гласил: «Перезахоронение короля Ричарда Третьего — важное национальное и международное событие. Сегодня мы отдаем дань королю, жившему в неспокойные времена, королю, которого христианская вера поддерживала в жизни и на смертном одре. Обнаружение его останков в Лестере — одна из самых значительных археологических находок в истории нашей страны. Король Ричард III, погибший в возрасте 32 лет в битве при Босворте, теперь будет покоиться с миром в городе Лестер в самом сердце Англии»[2]. Знаменитый актер Бенедикт Камбербэтч, снявшийся в роли Ричарда в последней экранизации, принял непосредственное участие в церемонии. Он прочел стихотворение специально написанное к перезахоронению короля поэтессой Кэрол Энн Даффи[3].

Находка останков Ричарда окончательно развеяла визуальную составляющую тюдоровской легенды об уродливом внешнем облике короля. Это переменило и мнение многих британцев. В вышедшем в 2013 г. историческом сериале

---

[1] О месте захоронения Ричарда III // Археo 8 февраля 2013. — http://apxeo.info/mir/tri-britanskix-goroda-zayavili-svoe-pravo-na-perezaxoronenie-richarda-iii.html (апрель, 2022).

[2] Ричард III перезахоронен в Лестере // РИА Новости 26.03.2015. — https://ria.ru/20150326/1054665605.html? (апрель, 2022); King Richard III burial highlights. — https://youtu.be/fT9Dj9M4mJs (апрель, 2022).

[3] King Richard III burial highlights. — https://youtu.be/fT9Dj9M4mJs (апрель, 2022).

«Белая королева», Ричарда III, уже с минимальным гримом, играл молодой и внешне привлекательный актёр Анейрин Барнард.

И все-таки даже вновь полученные на основе современных методик сведения о внешнем облике и последних минутах жизни Ричарда III не устранили оснований для продолжения «великого спора» ричардианцев и антиричардианцев. Как бы этого не хотелось обеим сторонам, но по заявлению профессора Тури Кинг из отделения генетики и биологии генома Университета Лестера: «Развитие генетики никогда не докажет, был ли Ричард “злым”, поскольку такие факторы, как его воспитание и опыт, также оказывают серьезное влияние на личность человека»[1]. С этим, действительно, не поспоришь. Истина, как это часто бывает, находится где-то посередине.

Ричард III не был ужасным горбуном-тираном, но и лишенным амбиций человеком он тоже не был. Все Йорки и Ланкастеры, включая Генриха VII — короли и претенденты на корону, могут считаться людьми не менее порочными. Ричард был сыном своего жестокого века и для него было вполне естественным придерживаться принципа: «Убей или будешь убит!». Таким же был и его брат Эдуард IV, которого Шекспир без особых оснований выводит в амплуа слабого, но доброго монарха. Некоторые действия последнего Плантагенета может и не вписываются в современные представления о морали, но не выходят за рамки типичного для XV в. уровня жестокости. Ну а шекспировский злодей — это как раз случай, к которому очень хорошо подходит высказывание современного польского писателя и журналиста, известного своими афоризмами Габриэля Лауба: «Только искусство позволяет нам сказать даже то, чего мы не знаем»[2].

---

[1] Asharq Al-Awsat: тайна убийства «принцев в Тауэре» кроется в ДНК короля Ричарда III // a News 27.03.2021. — https://news.myseldon.com/ru/news/index/247970791 (апрель, 2022).

[2] Цитаты про искусство. — https://bestcitations.ru/raznye-citaty/citaty-pro-iskusstvo? (апрель, 2022).

Когда речь идет о формировании имиджа средневекового героя на уровне массового сознания, то историкам трудно конкурировать с Шекспиром. Шекспира не перепишешь, и его Ричард всегда будет впечатляющим «образцовым злодеем». Вместе с тем многообещающим достижением ричардианцев стало то обстоятельство, что, накануне выхода последней экранизации в 2016 г. они добились, чтобы телекомпания BBC предварила показ напоминанием о том, что «Ричард III» не историческое исследование, и события трагедии не соответствуют исторической действительности.

Всплеск энтузиазма ричардианцев на фоне произошедших событий позволяет надеяться и в дальнейшем на появление новой информации о Ричарде III. Филиппа Лэнгли, давая интервью, отмечала, что идентификация останков и моделирование внешнего облика Ричарда — это только завершение начала грандиозного проекта: «Мы собираемся полностью пересмотреть Ричарда III, мы собираемся полностью просмотреть все источники снова, и, надеюсь, для Ричарда также будет новое начало»[1], — заявила она.

В целом же, раскопки в Лестере и последовавшие за ними события в очередной раз показывают, насколько важную роль могут играть исследуемые на основе новейших технологий археологические находки в ситуации, когда письменных источников явно недостаточно, либо они имеют ярко выраженную политическую подоплёку.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

Мор. Т. История короля Ричарда III / Пер. с англ. и лат. М.Л. Гаспарова и Е.В. Кузнецова // Томас Мор. Эпиграммы. История Ричарда III. М., 1973.

[1] Second burial for Richard's remains // Express 04.02.2013. — https://www.express.co.uk/news/uk/375509/Second-burial-for-Richard-s-remains (апрель, 2022).

Шекспир У. Ричард III (пер. Анны Радловой). — http://lib.ru/SHAKESPEARE/shks_richardIII_1.txt (апрель, 2022).

Vergil Polidor. Anglica Historia. Latin text and English translation / Ed. and trans. Dana J. Sutton, 2005). — http://www.philological.bham.ac.uk/polverg/ (апрель, 2022).

Joannis Rossi antiquarii warwicensis Historia regum Angliae. Oxonii, 1745.

Исследования

Asharq Al-Awsat: тайна убийства «принцев в Тауэре» кроется в ДНК короля Ричарда III // a News 27.03.2021 — https://news.myseldon.com/ru/news/index/247970791 (апрель, 2022).

Барг М.А. Шекспир и история. Гл. IV. — Шекспир и тюдоровская историография: Тюдоровская историографическая традиция (w-shakespeare.ru [апрель, 2022]).

Басовская Н.И. Ричард III Йорк — король Англии Выступление в программе «Все так» на радиостанции «Эхо Москвы» 8 и 15 сентября 2012. — https://www.youtube.com/watch?v=MIzE0Du8fWk (апрель, 2022).

Британские ученые восстановили внешность короля Ричарда III // Взгляд 5 февраля 2013. — https://vz.ru/news/2013/2/5/619021.html (апрель, 2022).

Браун Е.Д. Визуальный образ Ричарда III в XV–XVIII вв. // Человек и общество перед судом истории / Под ред. В.М. Володарского. М., 2013. С. 115-144.

Браун Е. Д. Образ Ричарда III в информационном пространстве отечественной историографии // Люди и тексты. Исторический альманах. 2014. № 5. С. 233-236.

Браун Е.Д. Ричард III и его время. Роковой король эпохи Войн Роз. М., 2016.

Браун Е.Д. Войны Роз: История. Мифология. Историография. М - СПб., 2016.

Ершова Т. Бесчестие или триумф Английские археологи нашли останки Ричарда III. — https://lenta.ru/articles/2013/02/06/richard/ (апрель, 2022).

Калитиевская И. Как откопали Ричарда III. Интервью с археологом, антропологом и генетиком из Лестерского университета

Тури Кинг. — https://arzamas.academy/mag/389-richard? (апрель, 2022).

Канно А. Реквием по королю Роз. — https://readmanga.io/rekviem_po_koroliu_roz? (апрель, 2022).

Каплун М. Король на все времена: История экранизаций жизни короля Ричарда III. — http://www.lumiere-mag.ru/korol-na-vse-vremena (апрель, 2022).

Кирюхин Д.В. Образ династии Тюдоров в «Истории Англии» Полидора Вергилия // Историки между очевидным и воображаемым: проблемы визуализации в исторической мысли. Материалы XVII чтений памяти члена-корреспондента АН СССР С.И. Архангельского. 7–8 апреля 2011 г. Н. Новгород: НГПУ, 2011. С. 62-65.

Кузнецов Е.В. «История Ричарда III» как исторический источник // Томас Мор. Эпиграммы. История Ричарда III. М.: Наука, 1973. С. 201-216.

Николаев В.Д. Шекспир. Энциклопедия. Ричард III. — http://www.w-shakespeare.ru/library/nikolaev-shekspir-enciklopediya.html (апрель, 2022).

О месте захоронения Ричарда III //Археo 8 февраля 2013. — http://apxeo.info/mir/tri-britanskix-goroda-zayavili-svoe-pravo-na-perezaxoronenie-richarda-iii.html (апрель, 2022).

Ричард III перезахоронен в Лестере // РИА Новости 26.03.2015. — https://ria.ru/20150326/1054665605.html? (апрель, 2022).

Сорокина Т.Б. «Тюдоровский миф» в английской историографии // Политическая жизнь Западной Европы: Античность, Средние века, Новое и Новейшее время. Вып. 13. Сборник статей участников XI Всероссийского научного семинара. Арзамас, 2018. С. 27-33.

Устинов В.Г. Ричард III. М., 2015.

Цитаты про искусство. — https://bestcitations.ru/raznye-citaty/citaty-pro-iskusstvo? (апрель, 2022).

Buck G. The History of king Richard III. Gloucester, 1979.

Buckley R., Morris M, Appleby J., King T., O'Sullivan D., Foxhal L. The king in the car park': new light on the death and burial of Richard III in the Grey Friars church, Leicester, in 1485. —

https://www.researchgate.net/publication/273293657_'The_king_in_the_car_park'_New_light_on_the_death_and_burial_of_Richard_III_in_the_Grey_Friars_church_Leicester_in_1485 (апрель 2022).

Gransden A. The Humanist historians: Thomas More and Polidor Vergil // Historical Writing in England: c.1307 to the early sixteenth century. L., 1996. P. 425-453.

Hammond C. Richard III// The Richard III Society. — http://www.richardiii.net/2_4_0_riii_appearance.php (апрель, 2022).

Kendall P. M. Richard the Third. L., 1955.

King Richard III burial highlights. — https://youtu.be/fT9Dj9M4mJs (апрель, 2022).

Richard III: Discovery and identification // University of Leister — https://le.ac.uk/richard-iii Ross C. Richard III. L., 1983.

Second burial for Richard's remains // Express 04.02.2013. — https://www.express.co.uk/news/uk/375509/Second-burial-for-Richard-s-remains (апрель, 2022).

Skeleton found in car park is that of Richard III — as it happened. — https://www.theguardian.com/science/blog/2013/feb/04/richard-iii-skeleton-last-plantagenet-king-live#block-510f8651b5791b9b8a5498c9 (апрель, 2022).

The Richard III Society. — http://www.richardiii.net/2_4_0_riii_appearance.php (апрель, 2022).

Treble P. Canada's connection to King Richard III: The inside story. The king was identified by DNA from a Canadian who just built the regal coffin //Maclean's 22 March, 2015. — https://www.macleans.ca/society/canadas-connection-to-king-richard-iii-the-inside-story/ (апрель, 2022).

REFERENCES

Sources

Mor. T. Istoriya korolya Richarda III / Per. s angl. i lat. M. L. Gasparova i E. V. Kuznecova // Tomas Mor. Epigrammy. Istoriya Richarda III. M., 1973.

Shekspir U. Richard III (per.Anny Radlovoj). — http://lib.ru/SHAKESPEARE/shks_richardIII_1.txt (April, 2022).

Vergil Polidor. Anglica Historia. Latin text and English translation / Ed. and trans. Dana J. Sutton, 2005. — http://www.philological.bham.ac.uk/polverg/ (April, 2022).

Joannis Rossi antiquarii warwicensis Historia regum Angliae. Oxonii, 1745.

Scientific research

Asharq Al-Awsat: tajna ubijstva «princev v Tauere» kroetsya v DNK korolya Richarda III // a News 27.03.2021 — https://news.myseldon.com/ru/news/index/247970791 (April, 2022).

Barg M. A. SHekspir i istoriya. Gl. IV. — SHekspir i tyudorovskaya istoriogra-fiya: Tyudorovskaya istoriograficheskaya tradiciya (w-shakespeare.ru [April, 2022]).

Basovskaya N.I. Richard III Jork — korol' Anglii Vystuplenie v programme «Vse tak» na radiostancii «Ekho Moskvy» 8 i 15 sentyabrya 2012. — https://www.youtube.com/watch?v=MIzE0Du8fWk (April, 2022).

Britanskie uchenye vosstanovili vneshnost' korolya Richarda III //Vzglyad 5 fevralya 2013 — https://vz.ru/news/2013/2/5/619021.html (April, 2022).

Braun E.D. Vizual'nyj obraz Richarda III v XV–XVIII vv. // Chelovek i obshchestvo pered sudom istorii / Pod red. V.M. Volodarskogo. M., 2013. S. 115-144.

Braun E.D. Obraz Richarda III v informacionnom prostranstve otechestvennoj is-toriografii / Lyudi i teksty. Istoricheskij al'manah. 2014. № 5. C. 233-236.

Braun E.D. Richard III i ego vremya. Rokovoj korol' epohi Vojn Roz. M., 2016.

Braun E.D. Vojny Roz: Istoriya. Mifologiya. Istoriografiya. M.; SPb., 2016.

Citaty pro iskusstvo. — https://bestcitations.ru/raznye-citaty/citaty-pro-iskusstvo? (April, 2022).

Ershova T. Beschestie ili triumf Anglijskie arheologi nashli ostanki Richarda III. — https://lenta.ru/articles/2013/02/06/richard/ (April, 2022).

Kalitievskaya I. Kak otkopali Richarda III // Interv'yu s arheologom, antropologom i genetikom iz Lesterskogo universiteta Turi King https://arzamas.academy/mag/389-richard/ (April, 2022).

Kanno A. Rekviem po korolyu Roz. — https://readmanga.io/rekviem_po_koroliu_roz? (April, 2022).

Kaplun M. Korol' na vse vremena: Istoriya ekranizacij zhizni korolya Richarda III. — http://www.lumiere-mag.ru/korol-na-vse-vremena (April, 2022).

Kiryuhin D.V. Obraz dinastii Tyudorov v «Istorii Anglii» Polidora Vergiliya // Istoriki mezhdu ochevidnym i voobrazhaemym: problemy vizualizacii v istoricheskoj mysli. Materialy XVII chtenij pamyati chlena-korrespondenta AN SSSR S.I. Arhan-gel'skogo. 7–8 aprelya 2011 g. N. Novgorod: NGPU, 2011. S. 62-65.

Kuznecov E.V. «Istoriya Richarda III» kak istoricheskij istochnik // Tomas Mor. Epigrammy. Istoriya Richarda III. M.: Nauka, 1973. S. 201-216.

Nikolaev V.D. SHekspir. Enciklopediya. Richard III. — http://www.w-shakespeare.ru/library/nikolaev-shekspir-enciklopediya.html (April, 2022).

O meste zahoroneniya Richarda III //Arheo 8 fevralya 2013. — http://apxeo.info/mir/tri-britanskix-goroda-zayavili-svoe-pravo-na-perezaxoronenie-richarda-iii.html (April, 2022).

Richard III perezahoronen v Lestere // RIA Novosti 26.03.2015. — https://ria.ru/20150326/1054665605.html? (April, 2022).

Sorokina T.B. «Tyudorovskij mif» v anglijskoj istoriografii // Politicheskaya zhizn' Zapadnoj Evropy: Antichnost', Srednie veka, Novoe i Novejshee vremya. Vyp. 13. Sbornik statej uchastnikov XI Vserossijskogo nauchnogo seminara. Arzamas, 2018. S. 27-33.

Ustinov V.G. Richard III. M., 2015.

Buck G. The History of king Richard III. Gloucester, 1979.

Buckley R., Morris M, Appleby J., King T., O'Sullivan D., Foxhal L. The king in the car park': new light on the death and burial of Richard III in the Grey Friars church, Leicester, in 1485. — https://www.researchgate.net/publication/273293657_'The_king_in_the_car_park'_New_light_on_the_death_and_burial_of_Richard_III_in_the_Grey_Friars_church_Leicester_in_1485 (April, 2022).

Gransden A. The Humanist historians: Thomas More and Polidor Vergil // Historical Writing in England: c.1307 to the early sixteenth century. L., 1996. P. 425-453.

Hammond C. Richard III // The Richard III Society. — http://www.richardiii.net/2_4_0_riii_appearance.php (April, 2022).

Kendall P. M. Richard the Third. L., 1955.

King Richard III burial highlights**.** — https://youtu.be/fT9Dj9M4mJs (April, 2022).

Richard III: Discovery and identification// University of Leister https://le.ac.uk/richard-iii (April, 2022).

Ross C. Richard III. L., 1983.

Second burial for Richard's remains // Express 04.02.2013. — https://www.express.co.uk/news/uk/375509/Second-burial-for-Richard-s-remains (April, 2022).

The Richard III Society. — http://www.richardiii.net/2_4_0_riii_appearance.php (April, 2022).

Skeleton found in car park is that of Richard III — as it happened. — https://www.theguardian.com/science/blog/2013/feb/04/richard-iii-skeleton-last-plantagenet-king-live#block-510f8651b5791b9b8a5498c9 (April, 2022).

Treble P. Canada's connection to King Richard III: The inside story. The king was identified by DNA from a Canadian who just built the regal coffin // Maclean's 22 March, 2015. — https://www.macleans.ca/society/canadas-connection-to-king-richard-iii-the-inside-story/ (April, 2022).

Е.К. Склярова
(Ростов-на-Дону)

ЛИВЕРПУЛЬ В ВИКТОРИАНСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

Урбанизация, загрязнение окружающей среды, миграция, увеличение смертности населения, эпидемии обусловили проведение социальных реформ в Великобритании в эпоху королевы Виктории. Этот процесс постепенно стал особенностью развития не только Ливерпуля, а также всех викторианских городов и других городов мира в эпоху урбанизации. «Викторианские города», как новый научный термин и исторический феномен, со второй половины XX века стали объектом научных исследований в университетах Великобритании. Исследования продолжились в других странах мира и России, затрагивая демографические, культурные и социально-экономические аспекты развития городов Соединённого Королевства Великобритании и Ирландии. На основе историко-генетического, историко-сравнительного методов исследования предпринята попытка анализа роли Ливерпуля, его местных законов, администрации и выдающихся реформаторов в становлении социальной политики Великобритании. Актуальность комплексного изучения всех этих процессов даёт возможность выявить общие и специфические особенности развития городов в эпоху урбанизации, а также способы решения социально-экономических, демографических и медикосоциальных проблем.

В эпоху королевы Виктории большими городами Соединённого Королевства Великобритании и Ирландии считались Лондон, Дублин и Ливерпуль. В этот период количество населения последнего увеличилось почти в пять раз. Средняя продолжительность жизни населения при этом была ниже, чем во многих других городах страны (менее 35 лет)[1]. Парламентские исследования состояния городов страны в итоговом отчёте 1842 года зафиксировали низкую продолжительность жизни в столице и других городах Соединённого Королевства. Подчеркнув необходимость здравоохранения городов, наиболее низкая продолжительность жизни была зарегистрирована в Ливерпуле. В санитарном отчёте Эдвина Чедвика указывалось, что на рубеже 1830–1840-х годов в Ливерпуле ежегодно среди умерших дети рабочих (в возрасте до пяти лет) составляли наибольшую часть (около 62%)[2].

В 1844 году для всестороннего анализа факторов влияющих на здоровье населения городов был создан новый парламентский комитет. В его итоговом отчёте, за исключением Лондона, было определено пять крупнейших промышленных городов Великобритании. Это был Ливерпуль, а также Манчестер, Бирмингем, Глазго и Лидс[3].

Миграция привела к тому, что значительная часть населения не была его коренными жителями или уроженцами. Согласно данным государственной переписи населения 1851 года, большая часть населения Ливерпуля не была его коренными жителями (57,5%). По этим показателям город обгонял другие города Соединённого Королевства. Это стало

[1] The Victorian City: a Reader in British Urban History, 1820–1914 / Ed. by R. Morris, R. Rodger. L., N. Y., 1993. P. 2-3.

[2] Chadwick E. Report to Her Majesty's Principal Secretary of State for the Home Department, from the Poor Law Commissioners, on an Inquiry into the Sanitary Condition of the Laboring Population of Great Britain; with Appendices. Presented to Both Houses of Parliament, by Command of Her Majesty, July, 1842. L, 1842. P. 159-166.

[3] The Builder. 1844. Vol. 2. Apr. P. 187-199.

также особенностью развития и других городов страны — в Шотландии — в Глазго (55,9%), в Англии — в Манчестере (54,6%), Лондоне (38,3%)[1].

В эпоху промышленного переворота, урбанизации и эпидемий миграция населения значительно усилилась. Этому процессу способствовало появление и развитие новых видов транспорта. Великобритания стала первой страной мира, где были созданы железные дороги. Железнодорожное и судоходное строительство шло быстрыми темпами в Ливерпуле. В Лондоне, Манчестере, Бирмингеме, Глазго также появились новые пути сообщения. Паром между Дублином, Корком и Ливерпулем способствовал усилению миграции ирландцев в Ливерпуль[2].

Ирландские кварталы разрастались в Ливерпуле, став трущобами, пользующимися дурной славой. Миграция ирландцев в Ливерпуль усилилась после унии 1800 года с Ирландией. К 1841 году уже около 11,9% жителей Ливерпуля были ирландцами[3]. Дешевизна этой категории рабочих определяла специфику их миграции. Ирландские кварталы Ливерпуля, а также усилившийся поток мигрантов стал постоянным объектом внимания британского парламента[4]. К 1851 году в Ливерпуле уже более 22% населения города были выходцами из Ирландии[5].

---

[1] Sklyarova E.K. The Problems of migration during the period of urbanization in Great Britain and Ireland // Научный альманах стран Причерноморья. 2016. № 1 (5). P. 13.

[2] Irish Migrants in Britain, 1815–1914: A Documentary History / Ed. by R. Swift. Cork, 2002. P. 5-6.

[3] Whyte I. Migration and Settlement // A Companion to Nineteenth-Century Britain / Ed. by C. Williams. L., 2004. P. 283-284.

[4] First Report of the Commissioners for Inquiring into the State of Large Towns and Populous Districts // Parliamentary Papers. 1844. Vol. XVII. P. 15-193.

[5] The Victorian City: a Reader in British Urban History, 1820–1914 / Ed. by R. Morris, R. Rodger. L., N. Y., 1993. P. 4.

На основе официальных переписей населения, статистических данных исследователи отмечали, что в середине XIX века в Ливерпуль мигрировали и жители Уэльса[1]. В эпоху королевы Виктории Ливерпуль стал центром миграции населения всех частей Соединённого Королевства Великобритании и Ирландии.

Пресса подчёркивала антисанитарное состояние Ливерпуля, а также Бирмингема, Манчестера, Лидса, Шеффилда. Для проживания в Ливерпуле использовались подвальные помещения, где отсутствовали санитарно-технические нормы. Концентрация населения города в четыре раза превышала эти же параметры по Лондону. В первой половине XIX века в Ливерпуле, а также во многих других городах королевства росло количество кварталов и улиц городов, где здания строились без окон, а стены плотно прилегали друг к другу для экономии пространства. Расстояние между домами составляло не более пятнадцати футов[2].

В эпоху урбанизации появилась проблема закрытия кладбищ, которые были сооружены ещё в доиндустриальный период, но в эпоху промышленного переворота и урбанизации остались в центре растущего города. Местные жители и реформаторы настаивали на прекращении их работы, выносе новых за черту города. Это стало острой необходимостью в период эпидемий в Ливерпуле, а также в Лондоне, Вулвергемптоне, Манчестере, Йорке[3].

Комиссия, назначенная парламентом, работала в 1843–1845 гг. в крупнейших городах не только Англии и Уэльса, а также Шотландии и Ирландии. Врачи и инженеры повсеместно выявили факты антисанитарии, отсутствие окон и вентиляции, уборки улиц и канализации в Ливерпуле, а также в

[1] Pooley C.G. Welsh Migration in Great Britain, 1851–1871 // Journal of Historical Geography. 1983. № 9. P. 287-306.

[2] The Builder. 1844. Vol. 2. Mar. 30. P. 163; Apr. 20. P. 199.

[3] Sanitary Regulations // The Builder. 1845. Vol. 3. Apr. 12. P. 173.

Лондоне, Бирмингеме, Глазго, Дублине, Лидсе, Манчестере. По результатам проверки предлагалось ввести санитарно-технические нормы (строительства, водоснабжения, вентиляции), контролировать уборку улиц. Административная реформа предусматривала назначение инспекторов, местных советов здравоохранения[1].

Парламент Великобритании утвердил «Закон об обеспечении здоровья населения Ливерпуля и более лучшем регулировании строительства зданий,1842»[2]. Предлагалось введение Комитета здравоохранения, а также норм высоты потолков в комнатах (не менее 8 футов), расстояния между домами (не менее 24 футов). В комнате должно было быть не менее одного окна. Подвалы, где потолки менее 6 футов в высоту, не должны были использоваться для проживания населения.

Многообразие дублирующих структур управления и административных функций было проблемой для Ливерпуля, а также и всей Великобритании. Благоустройством Ливерпуля в первой половине XIX века занимались одновременно несколько организаций: Совет муниципалитета, Совет управления дорог, Собрание налогоплательщиков прихода, две частные водоснабжающие компании. Полномочия Городского совета Ливерпуля постепенно расширялись с ростом количества и масштабов эпидемий. Общественные дискуссии о составе и структуре работы муниципалитетов, качестве их работы, социальных расходах шли на страницах городской прессы[3].

Самуэль Хольм был одним из ведущих пропагандистов муниципализации и здравоохранения Ливерпуля, членом

[1] First Report of the Commissioners for Inquiring into the State of Large Towns and Populous Districts // Parliamentary Papers. 1844. Vol. XVII. P. 2-193.

[2] An Act of the Promotion of the Health of the Inhabitants of the Borough of Liverpool, and the better Regulation of Buildings in the Said Borough, 1842 // Vict. 5 & 6 c. xliv. P. 1129-1133.

[3] The Liverpool Mercury. 1849. February 21.

консервативной партии, парламентской комиссии. В 1842–1853 годах он был членом совета нескольких административных районов Ливерпуля, а с 1852 года — мэром Ливерпуля. Его прогрессивные предложения вошли в «Первый отчёт Королевской комиссии по здравоохранению городов, 1844», где он критиковал частную систему водоснабжения, настаивая на объединении дублирующих служб городов, в том числе и Ливерпуля, в один Городской комитет с одним руководителем. По его мнению, водоснабжение города должно руководиться общественными городскими службами под контролем налогоплательщиков[1].

«Закон об улучшении канализации и дренажа в районе Ливерпуль, а также о принятии дополнительных мер по санитарному регулированию указанного района» был принят в 1846 году. Закон явился продолжением муниципальной реформы 1835 года, показав новые возможности Ливерпуля в решении социальных и санитарных проблем города[2]. Деятельность городской администрации, начиная с введения муниципального закона 1835 года и до начала Первой мировой войны стала объектом региональных исследований учёных университета Ливерпуля. В исследовании отмечалось, что муниципальная политика была направлена на решение ключевых проблем Ливерпуля[3].

Как, и многие другие законы Великобритании, более кратко его называют, как «Ливерпульский санитарный закон, 1846». Дублирующие функции управления Ливерпуля корректировались и постепенно упразднялись. Совет муниципалитета Ливерпуля должен был осуществлять санитар-

---

[1] First Report of the Commissioners for Inquiring into the State of Large Towns and Populous Districts // Parliamentary Papers. 1844. Vol. XVII. P. 11, 193-194.

[2] An Act for the Improvement of the Sewage and Drainage of the Borough of Liverpool, and for making further Provisions for the sanitary Regulation of the said Borough, 1846 // 9 & 10 Vict. c. 127.

[3] Brian D. A History of the Corporation of Liverpool, 1835–1914. Liverpool, 1951. P. 95.

ный контроль и санитарную инспекцию. По новому закону Совет муниципалитета мог заставить любых собственников зданий обеспечить все строящиеся дома санитарно-техническими сооружениями. Законодательно обосновывалось введение единой системы управления городом. Впервые предлагалось ввести в состав совета санитарно-техническую администрацию, состоящую из инспектора, инженера, санитарного врача. Совет муниципалитета должен был заняться обработкой данных официальной статистики. «Ливерпульский санитарный закон, 1846», введение должности санитарного врача, санитарного инспектора и инженера-строителя стало частью формирования новой оплачиваемой системы управления викторианских городов. Исследователи отмечали, что этот закон, ведение должности санитарного врача, а также новых медикосоциальных законов 1848 года стало следствием эпидемий [1].

В середине XIX века Ливерпуль вошёл в историю, как город, который впервые в истории Соединённого Королевства ввёл должность санитарного врача, инженера-строителя и санитарного инспектора в состав городской администрации. К её работе начали привлекать специалистов, имеющих необходимое образование. Постепенно рос уровень профессионализма, формировалась муниципальная администрация Ливерпуля. Санитарным инспектором согласно «Ливерпульскому санитарному закону, 1846» впервые был назначен Томас Фреш (1803–1861)[2]. Он уже имел определённый опыт, работая в Комитете здравоохранения Ливерпуля ещё с 1844 года.

Примечательно, что в 1847 году согласно «Ливерпульскому санитарному закону, 1846» прогрессивными реформаторами Ливерпуля стали выходцы из Шотландии — Уильям Данкен и Джеймс. Ньюландс. Они оба вошли в состав Коми-

[1] Rogers A. Approaches to Local History. L., 1977. P. 33.

[2] Parkinson N. Thomas Fresh (1803–1861), Inspector of Nuisances, Liverpool's first Public Health Officer // Journal of Medical Biography. 2013. Vol. 21 (4). P. 238-249.

тета здравоохранения Совета муниципалитета Ливерпуля, имея уже значительный опыт работы.

Уильям Данкен (1805–1863) стал первым оплачиваемым санитарным врачом в Ливерпуле и Великобритании. Благодаря серии его сравнительных и статистических исследований санитарные проблемы Ливерпуля и других городов королевства стали широко известны общественности страны, обусловив пакет важнейших социальных реформ и законов. Однако его вклад в историю социальной политики, здравоохранения городов Соединённого Королевства Великобритании и Ирландии отражён не достаточно полно, и представлен относительно кратко лишь в одной монографии[1].

Шотландский инженер-строитель Джеймс Ньюландс (1813–1871) родился в Эдинбурге, став первым в Ливерпуле и Соединённом Королевстве городским инженером[2]. В его новые обязанности, как инженера, входило решение проблем дренажа, мощения улиц, сточных вод. За свою работу выпускник университета Эдинбурга стал получать 700 фунтов стерлингов в год[3]. Несмотря на ряд санитарных проблем, только в Ливерпуле благодаря санитарной реформе и Дж. Ньюлендсу в середине XIX века появились общественные бани[4]. С 1847 года муниципальные прачечные, кухни и бани, планировка дорог, общественные парки, освещение улиц стали программой деятельности новой санитарной администрации Ливерпуля. Дж. Ньюлендс предположил, что у него, как городского инженера, для уменьшения расходов на дренаж, «должны быть полномочия определять планировку но-

[1] Fraser W.M. Duncan of Liverpool. L., 1947.

[2] Girling R. Rubbish: Dirt on Our Hands and Crisis Ahead. L., 2011. P. 31.

[3] Hamlin C. James Newlands and the bounds of public health // Transactions of the Historic Society of Lancashire and Cheshire. 1994. Vol. 143. P. 120.

[4] Mumford L. Polytechnic Paradise: Coke town // The Urbanization of European Society in the Nineteenth Century / Ed. by A. Lees, L. Lees. Lexington, Massachusetts, Toronto, London, 1976. P. 94-99.

вых улиц, и что он должен иметь право контроля над районами Ливерпуля (Киркдейл, Эвертон, Токстет-Парк)»[1].

Новая канализационная система, как инженерная система, предложенная Дж. Ньюлендсом, «предотвращая слив неочищенных сточных вод и загрязнение питьевой воды, привела к уменьшению число смертей, вызванных эпидемией холеры и других болезней, передаваемых через воду». В 1842 году он стал автором одной из статей в энциклопедии «Британника», посвящённой «истории пароходства и изготовлению канатов»[2]. В 1848 году реформатор стал членом Института инженеров-строителей Великобритании.

Деятельность Дж. Ньюлендса, реформы в Ливерпуле получили признание инженеров королевства и правительства. Технические новации привлекли внимание и других городов Соединённого Королевства, а также зарубежных стран. В период Крымской войны (осады Севастополя, после битвы при Балаклаве) правительство Великобритании обратилось к муниципалитету Ливерпуля «с просьбой направить Дж. Ньюлендса в Крым в качестве инженера. Ставилась задача «помочь в ликвидации очагов эпидемии, которая привела к большим потерям среди британских войск». В итоге в 1855 году он был направлен правительством из Ливерпуля в Крым. Исследователи отмечали, что Дж. Ньюлендс «руководил ликвидацией катастрофических условий в армейских лагерях в Севастополе после битвы при Балаклаве в качестве правительственного санитарного комиссара. Флоренс Найтингейл направила благодарственное письмо в ливерпульский совет о работе Ньюлендса: “Поистине я могу сказать, что санитарное спасение пришло к нам из Ливерпуля”»[3].

---

[1] Sheard S. James Newlands and the origins of the municipal engineer // Engineering History and Heritage. 2015. Vol. 168. Is. 2. P. 83.

[2] Hamlin C. James Newlands and the bounds of public health // Transactions of the Historic Society of Lancashire and Cheshire. 1994. Vol. 143. P. 118-119.

[3] Sheard S. James Newlands and the origins of the municipal engineer // Engineering History and Heritage. 2015. Vol. 168. Is. 2. P. 85.

В 1840-х гг. британский парламент периодически обсуждал санитарные проблемы Ливерпуля, его доков, складов, а также эпидемий и дренажа[1]. Медикосоциальный опыт в реализации санитарных законов рассматривался в контексте соотношения местных и государственных законов[2]. Депутат из Ливерпуля Кардуэлл поднял вопрос о реализации и итогах практических санитарных мер в Ливерпуле[3].

В конце XIX века в британском парламенте был вновь поднят вопрос о Ливерпуле, как одном из самых густонаселённых городов и портов Соединённого Королевства Великобритании и Ирландии. Вопрос был адресован Совету местного самоуправления и его председателю. Санитарные проблемы порта рассматривались в контексте торговли из портов Турции и восточных частей Европы, а также опасения распространения очередной эпидемии холеры. Санитарный врач Ливерпуля информировал Медицинский отдел Совета местного самоуправления о том, что в Ливерпуле не возникло никаких трудностей в связи с правилами экспорта товаров из-за рубежа. Но опасения вызывали «причалы, около которых находилось более трёхсот тонн тряпья, привезённого из поражённых холерой мест в Европе». Лондонские торговцы тряпьём «отказывались прикасаться или брать их из страха заразиться холерой»[4].

Одним из объектов научных дискуссий в английской и российской историографии является вопрос о наиболее важных законах королевства, обусловивших введение здравоохранения городов Британии[5]. По мнению исследователей «Ливерпульский санитарный закон, 1846» был одним из

[1] Hansard's Parliamentary Debates. 3-rd Series. 1843. Vol. 67. c. 966-967.

[2] Ibidem. 1847. Vol. 94. c. 28-118.

[3] Ibidem. 1848. Vol. 97. c. 699.

[4] Ibidem. 1893. Vol. 17. c. 462.

[5] Smith F.B. The Contagious Disease Acts Reconsidered // Social History of Medicine. 1990. № 3. P. 197-215.

важнейших санитарных законов, принятых в эпоху королевы Виктории. Его значение заключалось в том, что в состав Совета муниципалитета города впервые был введён Комитет по здравоохранению[1].

Председателем Комитета по здравоохранению в составе Совета муниципалитета Ливерпуля был назначен Джон Тинн. Он поддержал введение новой единой системы муниципального контроля и инспекции, местного самоуправления, устранение дублирующих функций санитарных органов. Первоочередными задачами стала уборка и расширение улиц города, запрет погребений и антисанитарных боен скота в черте города, дренаж и водоснабжение жилых и общественных зданий. Большинство сторонников муниципализации поддержали «объединение всех властей Ливерпуля»[2].

На страницах периодической печати Ливерпуля развернулись дискуссии о водоснабжении и социальных расходах Совета муниципалитета города[3]. С 1846 года и до середины 1850-х гг. город израсходовал свыше 3,7 миллионов фунтов стерлингов на санитарные работы (водоснабжение, освещение, жилищную реформу, организацию прачечных, общественных бань, библиотек, парков)[4].

«Закон о лучшем водоснабжении Ливерпуля и его окрестностей, а также о разрешении мэру, олдерменам и горожанам указанного района приобрести Ливерпульские и Харрингтонские водяные заводы и Ливерпульские водопроводные сооружения, 1847» законодательно расширял полномочия санитарной администрации и мэра города. Новый закон предоставил Совету муниципалитета Ливерпуля право выкупить у двух частных компаний систему водоснабжения,

---

[1] Frazer D. Power and Authority in the Victorian City. Oxford, 1979. P. 28-36.

[2] The Liverpool Mail. 1846. May 9.

[3] The Liverpool Mercury. 1849. Feb. 21.

[4] Frazer D. Op. cit. P. 33-38.

сделав её достоянием общественности и объектом муниципального контроля[1].

Однако исследователи указывали, что в Ливерпуле, как и в столице королевства, многие санитарно-технические проблемы не были решены. Проблема обеспечения жильём рабочих промышленных городов и портов, а также мигрантов «не была разрешена до конца XIX века по причине сохранения традиционного для Великобритании принципа невмешательства государства в частные экономические вопросы»[2].

В дальнейшем, уже после реформ в Ливерпуле, решение социальных проблем городов Англии и Уэльса обосновывалось в первом «Законе об обеспечении общественного здравоохранения,1848». В результате этой важнейшей общегосударственной реформы произошло объединение большинства предыдущих санитарно-технических норм. Местные советы здравоохранения получили законодательное право устранять все нарушения санитарно-технических норм в городах. Постепенно должность санитарного врача и инспектора вводилась уже не только в Ливерпуле, но уже и в большинстве промышленных городов страны[3].

В эпоху Крымской войны (1853–1856) и после её окончания социальные реформы нового уровня контроля и инспекции должны были охватить санитарное состояние британской армии. Эти медикосоциальные и политические задачи стали актуальны для обеспечения военной мощи британской армии, а также «в промышленных городах и портах

---

[1] An Act for better supplying with Water the Borough Liverpool and Neighborhood thereof, and for authorizing the Mayor, Aldermen, and Burgesses of the said Borough to purchase the Liverpool and Harrington Watermen works and Liverpool Waterworks // 10 & 11 Vict. 1847. c. ccxlxi.

[2] Evans E.J. The Forging of the Modern State: Early Industrial Britain 1783–1870. Edinburgh, 2001. P. 197.

[3] An Act for promoting the Public Health, 1848 // 11 &12 Vict. c. 63. P. 721-784.

Соединённого Королевства — Кройдоне, Лондоне, Ливерпуле, Лидсе, Манчестере, Шеффилде»[1].

Уже после проведения ряда медикосоциальных реформ в Ливерпуле, в период завершения Крымской войны произошло становление общественного здравоохранения, которое «отделилось от клинической медицины» в Великобритании и в других странах мира[2]. Здравоохранение города стало общественным здравоохранением, новой сферой научного знания и объектом викторианской социальной политики. Для работы в новой сфере привлекались врачи, инженеры, строители, юристы. В 1864 году в Ливерпуле удалось добиться сноса антисанитарных домов. С 1865 года улицы города «по предложению Дж. Ньюлендса стали ежедневно убирать и поливать два раза в неделю. Была создана муниципальная служба уборки мусора» [3]. Санитарные реформы Ливерпуля стали постоянным объектом внимания периодической печати города[4]. Во второй половины XIX века в Ливерпуле, как и во всей Великобритании, начался период прогрессивных социальных реформ, становление социальной политики.

Таким образом, Ливерпуль, как и многие другие города Соединённого Королевства Великобритании и Ирландии, фигурировал в социальных отчётах, как центр миграции и международной торговли, высокой смертности и концентрации населения, трущоб и антисанитарии. В первой половине XIX века многие жители Ирландии, Шотландии, Уэльса мигрировали в Ливерпуль, который стал крупнейшим городом Великобритании в эпоху королевы Виктории. Росту миграции населения в Ливерпуль способствовала уния 1800

[1] Sklyarova E.K. Crimean war and establishment of Public health system in Great Britain // Научный альманах стран Причерноморья. 2017. № 1 (9). P. 26.

[2] The Evolution of Public Health during the Crimean War / E.K. Sklyarova, Y.A. Sidorenko, A.V. Safronenko, E.N. Butova // Bylye Gody. 2019. № 54 (4). P. 1629.

[3] Hamlin C. Op. cit. P. 136.

[4] Liverpool Mercury. 1861. April 6.

года с Ирландией, урбанизация, промышленный переворот, развитие транспорта и международной торговли. Миграция и концентрация населения расценивались, как фактор роста нищеты, болезней, эпидемий и смертности населения. Крупнейший викторианский город и порт Великобритании одним из первых ощутил на себе все негативные последствия промышленного переворота, урбанизации, миграции населения и антисанитарии. Порт, став центром международной торговли, рассматривался как источник эпидемий и в конце XIX века. Антисанитария, эпидемии, миграционные процессы обусловили необходимость объединения всех коммунальных служб Ливерпуля, а также изменение системы управления и унификации санитарных норм в городах страны. Пионерами здравоохранения Ливерпуля стали — доктор Уильям Данкен, инженер Дж. Ньюлендс, Т. Фреш, С. Хольм, Дж. Тинн. Для работы в новой социальной сфере привлекались врачи, инженеры, строители, юристы. Постепенно формировалась муниципальная администрация городов. К работе в структуре социальных служб начали более широко привлекать специалистов, имеющих необходимое образование. Реформы Ливерпуля привлекли внимание администрацию городов Соединённого Королевства и зарубежных стран. В период Крымской войны правительство Великобритании направило Дж. Ньюлендса в качестве санитарного комиссара в Крым для ликвидации антисанитарных условий и очагов эпидемии в армейских лагерях. Со второй половины XIX века здравоохранением Ливерпуля занимались — парламент, Совет муниципалитета и санитарный врач Ливерпуля, Совет местного самоуправления, Медицинский отдел Совета местного самоуправления Великобритании. Реформаторы и новые социальные службы определили становление социальной политики, здравоохранения городов и армии Соединённого Королевства Великобритании и Ирландии.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Источники / Sources

An Act for better supplying with Water the Borough Liverpool and Neighbourhood thereof, and for authorizing the Mayor, Aldermen, and Burgesses of the said Borough to purchase the Liverpool and Harrington Watermen works and Liverpool Waterworks // 10 & 11 Vict. 1847. c. ccxlxi.

An Act for the Improvement of the Sewage and Drainage of the Borough of Liverpool, and for making further Provisions for the sanitary Regulation of the said Borough, 1846 // 9 & 10 Vict. c. 127.

An Act of the Promotion of the Health of the Inhabitants of the Borough of Liverpool, and the better Regulation of Buildings in the Said Borough, 1842 // Vict.5&6 c. xliv. P. 1129-1133.

An Act for Promoting the Public Health, 1848 // 11 &12 Vict. c. 63. P. 721-784.

Chadwick E. Report to Her Majesty's Principal Secretary of State for the Home Department, from the Poor Law Commissioners, on an Inquiry into the Sanitary Condition of the Laboring Population of Great Britain; with Appendices. Presented to Both Houses of Parliament, by Command of Her Majesty, July 1842. L., 1842. P. 159-166.

First Report of the Commissioners for Inquiring into the State of Large Towns and Populous Districts // Parliamentary Papers. 1844. Vol. XVII. P. 15-193.

Hansard's Parliamentary Debates. 3-rd Series. 1843. Vol. 67. c. 966-967.

Hansard's Parliamentary Debates. 3-rd Series. 1847. Vol. 94. c. 28-118.

Hansard's Parliamentary Debates. 3-rd Series. 1848. Vol. 97. c. 699.

Hansard's Parliamentary Debates. 3-rd Series. 1893. Vol. 17. c. 462.

Sanitary Regulations // The Builder. 1845. Vol. 3. Apr. 12. P. 173.

The Builder. 1844. Vol. 2. March. 30. P. 163.

The Builder. 1844. Vol. 2. April. P. 187-214.

The Liverpool Mail. 1846. May 9.

The Liverpool Mercury. 1849. February 21.

The Liverpool Mercury. 1861. April 6.

Исследования / Scientific research

Brian D. A History of the Corporation of Liverpool, 1835–1914. Liverpool: Liverpool University Press, 1951. 211 p.

Evans E.J. The Forging of the Modern State: Early Industrial Britain 1783–1870. Edinburgh Pearson Education, 2001. 593 p.

Hamlin C. James Newlands and the bounds of public health // Transactions of the Historic Society of Lancashire and Cheshire. 1994. Vol. 143. P. 117-139.

Irish Migrants in Britain, 1815–1914: A Documentary History / Ed. by R. Swift. Cork: Cork University Press, 2002. 253 p.

Frazer D. Power and Authority in the Victorian City. Oxford: Oxford University Press, 1979. 190 p.

Fraser W.M. Duncan of Liverpool. London: Hamish Hamilton, 1947. 192 p.

Hamlin C. James Newlands and the bounds of public health // Transactions of the Historic Society of Lancashire and Cheshire. 1994. Vol. 143. P. 117-139.

Girling R. Rubbish: Dirt on Our Hands and Crisis Ahead. London: Random House, 2011. 432 p.

Mumford L. Polytechnic Paradise: Coke town // The Urbanization of European Society in the Nineteenth Century / Ed. by A. Lees, L. Lees. Lexington, Massachusetts, Toronto, London, 1976. P. 94-105.

Parkinson N. Thomas Fresh (1803–1861), Inspector of Nuisances, Liverpool's first Public Health Officer // Journal of Medical Biography. 2013. Vol. 21 (4). P. 238-249.

Pooley C. G. Welsh Migration in Great Britain, 1851–1871 // Journal of Historical Geography. 1983. № 9. P. 287-306.

Rogers A. Approaches to Local History. London: Longman, 1977. 265 p.

Sklyarova E.K. Crimean war and establishment of Public health system in Great Britain // Научный альманах стран Причерноморья [Nauchnyi almanakh stran Prichernomorya]. 2017. № 1 (9). P. 24-29.

Sklyarova E.K. The Problems of migration during the period of urbanization in Great Britain and Ireland // Научный альманах стран

Причерноморья [Nauchnyi almanakh stran Prichernomorya]. 2016. № 1 (5). P. 13-19.

Sheard S. James Newlands and the origins of the municipal engineer // Engineering History and Heritage. 2015. Vol. 168. Is. 2. P. 83-89.

The Evolution of Public Health during the Crimean War / E.K. Sklyarova, Y.A. Sidorenko, A.V. Safronenko, E.N. Butova // Bylye Gody. 2019. № 54 (4). C. 1623-1631.

The Victorian City: a Reader in British Urban History, 1820–1914 / Ed. by R. Morris, R. Rodger. L., N. Y., 1973. 2 Vols. 957 p.

Whyte I. Migration and Settlement // In: A Companion to Nineteenth-Century Britain / Ed. by C. Williams. London: Blackwell, 2004. P. 273-287.

М.А. Ковалёв
(Владимир)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОЛЕМИКА В ВЕЛИКОБРИТАНИИ В 90-Е ГОДЫ XVIII ВЕКА

ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМФЛЕТА ДЖ. РИВЗА «МЫСЛИ ОБ АНГЛИЙСКОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ»

Формирование британского консерватизма прочно увязывается историографией с именем мыслителя и политика Э. Бёрка (1729–1797). В то же время, идентификация известного просветителя с консерватизмом носит ретроспективный характер, т.к. последний термин появился во Франции в XIX в., в иных исторических и политических условиях[1]. Важнейшим признаком такой идентификации считается оппонирование идеям и практике Французской революции. Однако антиреволюционная мысль в Великобритании конца XVIII в. была представлена значительно шире, нежели Бёрком и его сторонниками. Но главное, что далеко не все идеи критиков революционного пути развития укладывались в бёрковскую концепцию, изложенную в «Размышлениях о революции во Франции». Речь в данном случае идет не столько о фигурах второго плана, сколько об альтернатив-

[1] Гарбузов В.Н. Консерватизм: ценности, идеи, политика // Метаморфозы истории. Альманах. 1997. № 1. С. 138-139.

ных традициях контрреволюционной мысли, их специфики и судьбе в истории британской общественно-политической мысли.

К предшественникам идеологов Консервативной партии Великобритании, сформировавшейся только в 1834 г., принято относить, помимо Э. Бёрка, ряд интеллектуалов и политиков XVI–XVIII вв. Прежде всего, речь идёт о просветителях, связанных с партией тори — непосредственным предшественником Консервативной партии, — особенно активных в период кон. XVII – нач. XVIII вв. Их взгляды проанализированы в монографиях И.А. Дубашинского, В.С. Муравьёва, Т.Л. Лабутиной, Е.Б. Рубинштейн, Т.Н. Васильевой, Л.В. Сидорченко[1]. Ещё один комплекс идей относится к публицистам кон. XVIII в., выступившим с критикой Французской революции (независимо от партийной принадлежности). Обзор зарубежной и отечественной историографии об Э. Бёрке, а также анализ его концепции консерватизма содержится в работе А.В. Чудинова[2]. Из более поздних трудов следует упомянуть исследования А. Нигела, А. Оуэна, Т. Хондриха, К. Робина, Э. Джонса[3]. Идейное наследие роя-

---

[1] См. напр.: Лабутина Т.Л. У истоков современной демократии. Политическая мысль английского Просвещения. 1689–1714 гг. М., 1994, Лабутина Т.Л. Культура и власть в эпоху Просвещения. М., 2005, Дубашинский И.А. Памфлеты Свифта. Рига, 1968, Муравьёв В.С. Джонатан Свифт. М., 1968, Васильева Т.Н. Александр Поп и его политические сатиры. (Поэмы 20–40-х гг. XVIII в.). Кишенёв, 1979, Сидорченко Л.В. Александр Поуп. В поисках идеала. Л., 1987; Она же. Александр Поуп и художественные искания в английской литературе первой четверти XVIII века. СПб., 1992.

[2] Чудинов А.В. Размышления англичан о Французской революции. Э. Бёрк. Дж. Макинтош. У. Годвин. М., 1996.

[3] Nigel A. A “lay divine”: Burke, Christianity, and the preservation of British State, 1790–1797. L., 1997; Owen A.A. The collapse of the British Empire as seen by Frankclin, Paine, and Burke. Bethlehem, 1998; Honderich T. Conservatism: Burke, Nozick, Bush, Blair? L., 2005; Робин К. Реакционный дух. Консерватизм от Эдмунда Бёрка

листов XVII в. (Р. Филмер, гр. Кларендон) также входит в багаж консервативной мысли. В обобщающих работах о британской консервативной традиции Кларендон, как правило, присутствует в числе наиболее значимых персоналий[1]. К числу наиболее ранних предшественников консерватизма принято относить англиканских богословов, отстаивавших интересы «высокой церкви» в противовес как католицизму, так и кальвинизму (Р. Хукер)[2]. Что касается движения якобитов, его принято выделять в самостоятельную политическую традицию, противостоящую двухпартийной системе в Великобритании в целом[3].

Все указанные группы идеологов, разбросанных и в хронологическом отношении, и по своей проблематике, объединяет ряд общих положений. Среди них следует упомянуть: принцип лояльности короне и англиканской церкви, доверие к традиционным учреждениям (включая парламентское представительство), ориентация на «земельный интерес» (джентри), отрицание радикальных преобразований в церкви и государстве. Однако следует иметь в виду, что подобные построения носят умозрительный характер, а сами мыслители, выдвигаемые в качестве предшественников консерватизма зачастую относились к различным интеллектуальным и политическим традициям, не всегда комплементарным друг другу. Роль Дж. Ривза в складывании консервативной традиции, рассмотрению взглядов которого посвящена настоящая статья, подчёркивали Р. Экклешел и Дж.

до Сары Пейлин. М., 2013; Jones E. Edmund Burke and the invention of modern conservatism, 1830–1914: An intellectual history. Oxford, 2017.

[1] Eccleshall R. English conservatism since the Restoration. An introduction and anthology. L., 1990; Hearnshaw F.J. Conservatism in England: an analytical, historical, and political survey. L., 1933.

[2] Ibid. P. 62-64.

[3] Станков К.Н. Король Яков II Стюарт и становление движения якобитов. 1685–1701. СПб., 2015. С. 35.

Сэк[1]. Хотя место данного автора среди его коллег-критиков революции остаётся не вполне определённым.

Французская революция и последовавшие за ней якобинский террор и войны коалиций вызвали бурную полемику в Европе и по ту сторону Атлантики. Политическая элита Великобритании, как и общественность страны, оказались расколоты. Ставшее во фактически не актуальным второй половине XVIII в. партийное деление на тори и вигов сменилось новой консолидацией сил. Выступивший в феврале 1790 г. с парламентской речью против революции Э. Бёрк, а осенью того же года опубликовавший свой знаменитый памфлет «Размышления о революции во Франции», претендовал на роль одного из идеологов «новых вигов». Симпатии к революции разделяли, напротив, крупнейшие политические деятели того времени — У. Питт Младший и Ч. Фокс. В дальнейшем У. Питт перейдёт на консервативные позиции. Обстановка в Британии была нестабильной на протяжении всех 80-х гг. XVIII в., что связано также с последствиями Войны за независимость Североамериканских колоний. В 90-е гг. формируется сеть демократических обществ, называвших себя корреспондентскими. В них состояли низы среднего класса (фермеры, фригольдеры, лавочники, мелкие предприниматели), добивавшиеся расширения избирательного права. Опираясь на опыт Франции, они не исключали возможности отстаивания своих прав революционным путём. В 1792 г. во многих графствах вспыхнули восстания, которыми руководи корреспондентские общества. Взаимосвязь между ними происходила посредством переписки, а координацию деятельности осуществляло Лондонское корреспондентское общество во главе с сапожником Т. Гарди[2].

---

[1] Eccleshall R. English conservatism since the Restoration. An introduction and anthology. L., 1990; Sack J.J. From jacobite to conservative: reaction and orthodoxy in Britain, c. 1760–1832. Cambridge, 1993.

[2] Лабутина Т.Л., Ильин Д.В. Английское Просвещение: общественно-политическая и педагогическая мысль. СПб., 2012. С. 218-219.

20 ноября того же года Дж. Ривзом создано Общество защиты свободы и собственности против республиканцев и левеллеров (или Общество Короны и якоря — по названию паба в Стренде, где было образовано). В короткий срок по всей Британии возникло около 2 тыс. аналогичных ассоциаций. Для идейного объединения своих сторонников Ривз инициировал публикацию «Мыслей об английском правительстве»[1]. Написанные анонимно в эпистолярной форме, они содержат четыре письма, выходившие с 1795 по 1800 гг. Основная полемика разгорелась вокруг первого письма, где изложены основополагающие принципы автора, заключавшиеся в поддержке королевской власти, церкви, сельского среднего класса, министерства У. Питта. Протестовавший против репрессий в отношении английских радикалов Ч. Фокс обвинил Общество Ривза в симпатиях к королевской тирании. По его словам, подобные идеи, высказанные веком ранее, могли бы считаться якобитскими. Назначенная парламентом комиссия определила автора скандального письма. Вместе с группой вигов Ч. Фокс убедил главного прокурора подвергнуть Ривза преследованию за клевету на британскую конституцию[2].

Предположительно ирландец по происхождению, Ривз получил нетипичное для своей среды хорошее образование в Итоне и Оксфорде. Письма также не были его первым сочинением. Среди наиболее важных из его трудов следует упомянуть «Историю английских законов» (1783–1784 гг.). Интересно отметить, что двадцатью годами ранее Э. Бёрк приступил к написанию «Краткой истории Англии» (оставшейся незаконченной), в которой сетовал на отсутствие обобщающего труда по истории права в Англии[3]. Ривз также

[1] Reeves J. Thoughts on the English Government. Addressed to the quiet good sense of the people of England in a series of letters. Letter the first. L., 1795.

[2] Eccleshall R. English conservatism since the Restoration. An introduction and anthology. L., 1990. P. 36.

[3] Morley J. Burke. L., 1909. P. 26-27.

не был новичком в политике: некоторое время он состоял в одном из вигских клубов, поэтому хорошо знал данную среду изнутри. В 1791–1793 гг. занимал пост председатели суда в Ньюфаундленде. На момент написания писем состоял должностным лицом в столице[1].

Первое письмо Дж. Ривза представляет собой законченное по композиции произведение с чёткой структурой изложения. По существу, оно представляет собой хорошо аргументированный политический памфлет. Автор начинает с обращения к читателю, т.е. к англичанам как политической нации — подданным королевства всех состояний и классов, а также национальностей. Выбор объекта обращения он обосновывает тем, что самого себя считает англичанином, а не гражданином мира. Более того, свой памфлет он позиционирует как основанный на здравом смысле, в силу чего рассчитывает на поддержку соотечественников, поскольку по его словам, здравый смысл в Англии ценится более, чем где-либо[2]. Действительно, наряду с англиканством, развитие наук и светской философии в XVIII в. являлось в Великобритании одним из маркеров национальной идентичности[3].

Рассуждения о национальном характере англичан у Ривза играют роль фундамента дальнейших рассуждений. Просветительский дискурс нередко обращался к данной теме. Например, популярностью пользовался исторический миф об исконных свободах англичан, унаследованных ими от своих англосаксонских предков[4]. В данном отношении

---

[1] Beddel A.V. John Reeves's prosecution for a seditious libel, 1795-6: a study in a political cynicism // The Historical Journal. 36. 4 (1993). P. 799-801.

[2] Reeves J. Thoughts on the English Government. Addressed to the quiet good sense of the people of England in a series of letters. Letter the first. L., 1795. P. 2.

[3] Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности. М., 2012. С. 88.

[4] Айзенштат М.П. Исторический миф в политической культуре Британии XVIII в. // Британия: История, культура, образование:

автор памфлета не оригинален. Он полагает национальный характер англичан, выражающийся в их законах и правительстве, наделённым рядом черт.

Во-первых, англичанам присуще чувство свободы. Однако речь идёт не об абстрактной свободе, а о свободе личности и собственности. Её ощутимыми плодами пользуется каждый подданный королевства. Такую свободу следует признать скорее гражданской, нежели политической. Во-вторых, англичанин предпочитает силу. Но сила должна пониматься не как вульгарное насилие над своим ближним, а как внешний по отношению к каждому индивиду институт, выступающий для них арбитром. Более точное название для неё — покровительство. Данную функцию исполняет монарх; насилие же и беззаконие автор относит на счёт республиканской формы правления. Третья черта английского характера — умеренность. Англичанин не склонен к радикализму, поскольку имеет уважение к общественному положению человека, признаёт субординацию. Мыслитель отмечает, что в Англии нет сословных привилегий, аналогичных французским эпохи Старого порядка. В этом — утверждает он — и заключается подлинное равенство, достичь которого невозможно посредством просветительских доктрин. Философию такого рода он называет «сердечной», а не «умственной». Наконец, в-четвёртых, англичане любят покой, которому не способствуют мятежи и ниспровержение устоев[1].

Означает ли сказанное, что властные прерогативы оказываются полностью в руках короля? Всё же, Ривза нельзя причислить к сторонникам абсолютизма. Его Общество было, помимо республиканцев, также направлено и против якоби-

---

сб. статей международной научной конференции. Вып. 4. [13-14 сентября 2018 г.] / Под науч. ред. А.Б. Соколова. Ярославль, 2018. С. 436.

[1] Reeves J. Thoughts on the English government. Addressed to the quiet good sense of the people of England in a series of letters. Letter the first. L., 1795. P. 2-8.

тов. Сильная королевская власть в его интерпретации имела ряд нюансов. Согласно традиционному представлению о монархии, король никогда не умирает (ему наследует новый король) и не может ошибаться, поскольку его персона сакральна. С одной стороны, именно монарх издаёт обеспечивает исполнение законов. Все государственные учреждения черпают свой авторитет у него. С другой стороны, издаёт законы король не в одиночку, а в согласии и при помощи парламента. Исполнительная же его власть представлена судьями. Хотя по существу основную часть функций берут на себя парламент и судьи, сами они — вспомогательные и временные учреждения (деятельность которых может прерываться). Суверенитет же короля действует непрерывно, в своих решениях он самостоятелен, он является активной и видимой частью государственного механизма. Во временные промежутки между сессиями парламента власть монарха никуда не исчезает.

Таким образом, все государственные учреждения предстают как ответвления королевской власти. Ривз отождествляет их с ветвями и стволом соответственно и заключает рассуждением парафразой из Библии, что отсечением ветвей, дерево не погибает[1]. Хотя сам автор не ссылается на памфлет виконта Болингброка «Идея о короле-патриоте», эту аналогию проводит судья Дж. Брэнд, годом позднее (1796 г.) выпустивший трактат в защиту письма Ривза[2]. Правда, следует заметить, что Ривз не применял к своим взглядам наименование «патриотизм», ассоциируя его скорее с республиканизмом[3].

Именно такое государственное устройство (конституция) Ривз считает присущим английскому национальному

[1] Ibid. P. 10-12.

[2] Brand J. A defense of the pamphlet ascribed to John Reeves and entitled “Thoughts on the English government”. L., 1796. P. 33.

[3] Reeves J. Thoughts on the English government. Addressed to the quiet good sense of the people of England in a series of letters. Letter the first. L., 1795. P. 71.

духу. Большинство англичан почтительно относится к этому наследию предков. Республика же в Англии могла бы стать лишь бледной копией чуждого ей государственного строя, механически перенесённого на родную почву. Движущей силой английского радикализма он называет эгоизм отдельных групп среднего класса, стремившихся получить политическое влияние.

Свобода, утверждает мыслитель, не может быть достигнута одномоментно. Никакая группа философов не может сформулировать идею о свободе, чтобы общество смогло бы учредить на их основе новый общественный строй. Свободе нужно учиться — считает Ривз. Французы, по его мнению, сначала должны были сначала «очистить манеры». Тогда свободное правительство стало бы наградой за их труды. То есть автор предполагает эволюционный путь развития с опорой на существующие общественные институты. При Старом режиме французы имели возможность идти по этому пути, при королях имелась и законность, и изящные манеры. Однако революция привела к крушению цивилизации: лозунги свободы и конституции превратились в насмешку[1].

В ряде случаев аргументация автора схожа с бёрковской. Действительно, в «Размышлениях о революции во Франции» Э. Бёрк так же критикует абстрактно понимаемую свободу. Право, по его мнению, должно развиваться в русле политической традиции нации. Революция в таком случае вредит делу прогресса свободы, а не способствует ему[2]. Вряд ли имеет смысл говорить здесь об идейных заимствованиях.

---

[1] Reeves J. Thoughts on the English government. Addressed to the quiet good sense of the people of England in a series of letters. Letter the first. L., 1795. P. 18-19.

[2] Бёрк Э. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых революционных обществ в Лондоне, относящихся к этому событию, в письме, предназначенном для парижского дворянина, написанном достопочтенным Эдмундом Бёрком // Политнаука. Политология в России и мире. — http://www.politnauka.org/library/classic/berk.php (февраль, 2022).

Представляется более правдоподобной точка зрения современного философа А.М. Руткевича: консерваторы конца XVIII в. не создавали новых теорий, но в условиях Французской революции актуализировали классическую общественно-политическую мысль Просвещения (в значительной мере — шотландского)[1]. Кроме того, сам Э. Бёрк критически отозвался о сочинении своего единомышленника за неуважительное, по его мнению, отношении к Палате общин[2]. Концепция Ривза и впрямь выглядит несколько архаично для своего времени. Но ярче всего это проявляется в «пуританском» факторе политического радикализма, рассмотрению которого посвящена значительная часть памфлета.

В общественно-политической мысли XVII–XVIII вв. сложилась традиция восприятия Английской революции, а также связанных с ней республиканских идей как политического выражения кальвинизма[3]. Дж. Ривз применил модель «пуританской революции» к современным ему событиям во Франции. Прежде всего, он отождествляет демократов и крайних протестантов. В качестве оснований для такого сопоставления он выдвигает фанатизм и мятежный дух тех и других. Если ранее, говорит Ривз, французы (в лице гугенотов) пытались реформировать церковь, теперь пришла очередь государства. Ведь вопросы церковного и политического устройства тесно переплетены. Идеей Жана Кальвина было — создать пресвитерию на руинах епископии. Его последователи не создали никаких прочных учреждений в виде правительства, церкви, системы права. Республиканцы действуют похожим образом. Кроме того, гражданские ритуалы домкратов носят религиозный оттенок: гражданская клятва

[1] Руткевич А.М. Что такое консерватизм? М., 1999. С. 41-42.

[2] Beddel A.V. John Reeves's prosecution for a seditious libel, 1795-6: a study in a political cynicism // The Historical Journal. 36. 4 (1993). P. 802.

[3] См.: Креленко Н.С. «Пуританская» революция и английская общественная мысль XVII–XIX вв. Саратов, 1991.

(в Зале для игры в мяч 20 июня 1789 г.), праздники и т.д. Сама идея всеобщего братства, равно как и Конвента восходит к радикальному протестантизму[1].

Особую опасность в глазах Ривза представляет наднациональный характер республиканской идеи, которую «апостолы свободы» с характерным для французов тщеславием провозглашают по всему миру. Они объявили народ источником власти, тем самым подрывая суверенитет всех монархов Европы. Поэтому англичане должны отстаивать свой путь, заложенный местной Реформацией. В Англии вопросы религии и церкви были переданы авторитетным органам государства — королю и парламенту. На континенте же они оказались в руках неподготовленных для этого людей. В Англии задачи Реформации соединились с интересами короны, которая была поддержана общественными силами. По ту сторону Ла-Манша она привела лишь к мятежам. Несмотря на сохранение в стране католиков, они не представляют собой политической угрозы, в отличие от радикальных протестантов[2]. Надо заметить, что подобная аргументация совпадает с позицией части просветителей из торийского лагеря, например, Дж. Свифта, уделявшего большое внимание проблемам церкви[3].

«Умеренное» решение вопроса о Реформации на английской почве заложило основы поступательного развития. Английские законы и правительство — не созданы по лекалам мечтателей, а основаны на неписанной конституции, складывавшейся веками. На страже законов стоят корпорации профессиональных юристов. В связи с этими рассуждениями встаёт вопрос об интерпретации автором событий

[1] Reeves J. Thoughts on the English government. Addressed to the quiet good sense of the people of England in a series of letters. Letter the first. L., 1795. P. 22-24.

[2] Ibid. P. 20, 27, 32.

[3] Swift J. Reasons humbly offered to the parliament of Ireland for repealing the sacramental test, & c. P. 92, 96 // Swift J. The prose works. Vol. 4. L., 1898. P. 92-96.

Славной революции. «Революция» 1688 г., согласно автору, была таковой, лишь по названию, но не по сущности. Она восстановила британскую конституцию, уже успевшую к тому времени сложиться, от посягательств тирании. Несмотря на свои крайне торийские взгляды, Ривз отвергает «божественное право» королей. Он считает его отброшенным самим ходом исторического развития как не соответствующим традициям страны[1].

Значительное место в тексте уделено проблеме формирования вигов и вигизма как системы взглядов. Автор памфлета указывает на роль, которую сыграли шотландские пресвитериане в период Английской революции. К числу предшественников демократов он относит также индепендентов, людей пятой монархии, анабаптистов, квакеров, людей республики (Дж. Тренчард, Т. Гордон). Целями подобного рода сект автор считает цареубийство и уничтожение иерархии, попрание прав свободы личности и собственности и установление диктата Евангелия[2].

В период реставрации Стюартов виги, хотя и восходили к революционным течениям, сохраняли лояльность, как и во все дальнейшие периоды. Сыграв свою позитивную роль в Славной революции, они стали частью двухпартийного баланса сил. Что же касается вигов в период Ганноверской династии (с 1714 г.), то они и вовсе занимают место тори. То есть в понимании автора виги могут быть как конституционным, так и нет. Торийско-вигский политический консенсус базируется на исключении «сектантов», равно как и католиков. Партии Великобритании основываются на единых принципах, в то время как радикалы представляют собой партию не в государстве, а против государства[3].

---

[1] Reeves J. Thoughts on the English government. Addressed to the quiet good sense of the people of England in a series of letters. Letter the first. L., 1795. P. 50, 52, 57.

[2] Ibidem. P. 31, 36-38.

[3] Ibid. P. 59, 64, 66-70.

Межу тем, радикальный вигизм к исходу XVIII в. не исчез полностью. Автор отмечает наличие в стране вигских клубов, не всегда занимающих лояльную позицию. Внутри самой парламентской фракции существуют группировки радикального характера (возможно, здесь Ривз намекал на «фокситов»). К вигской идеологии примешиваются доктрины, несвойственные английским традициям, вроде идеи неотъемлемых прав человека. Своей целью автор памфлета ставит сорвать маску с демократов, прикрывающихся благородным именем вигов[1].

Давая оценку взглядам Дж. Ривза, следует иметь в виду, что его памфлет по содержанию представлял собой в первую очередь историческую ревизию вигизма. Демократический потенциал вигов казался мыслителю опасным в силу их происхождения от протестантских сект. В условиях отрыва от принципов британского конституционализма вигизм мог бы принять антигосударственный характер, превратившись в английский вариант якобинства. Хотя уже в 1796 г. с Ривза было снято обвинение в клевете, и он продолжил публикацию писем, традиция крайнего торизма не составила серьёзной конкуренции бёрковскому варианту консерватизма. Устаревшая религиозная акцентуация проблемы, относительная не оригинальность идей не могли быть компенсированы блестящей юридической аргументацией высокообразованного автора.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

Бёрк Э. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых революционных обществ в Лондоне, относящихся к этому событию, в письме, предназначенном для парижского дворянина, написанном достопочтенным Эдмундом Бёрком // Политнаука. Политология в России и мире. —

[1] Ibid. P. 71-73, 75.

http://www.politnauka.org/library/classic/berk.php (апрель, 2022).

Brand J. A defense of the pamphlet ascribed to John Reeves and entitled “Thoughts on the English government”. L., 1796.

Reeves J. Thoughts on the English Government. Addressed to the quiet good sense of the people of England in a series of letters. Letter the first. L., 1795.

Swift J. Reasons humbly offered to the parliament of Ireland for repealing the sacramental test, & c. // Swift J. The prose works. Vol. 4. L., 1898. P. 87-101.

Исследования

Айзенштат М.П. Исторический миф в политической культуре Британии XVIII в. // Британия: История, культура, образование: сб. статей международной научной конференции. Вып. 4. [13-14 сентября 2018 г.] / Под науч. ред. А.Б. Соколова. Ярославль, 2018. С. 434-439.

Васильева Т.Н. Александр Поп и его политические сатиры. (Поэмы 20-40-х гг. XVIII в.). Кишенёв, 1979.

Гарбузов В.Н. Консерватизм: ценности, идеи, политика // Метаморфозы истории. Альманах. 1997. № 1. С. 138-139.

Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности. М., 2012.

Дубашинский И. А. Памфлеты Свифта. Рига, 1968.

Креленко Н.С. «Пуританская» революция и английская общественная мысль XVII–XIX вв. Саратов, 1991.

Лабутина Т.Л. Культура и власть в эпоху Просвещения. М., 2005.

Лабутина Т.Л. У истоков современной демократии. Политическая мысль английского Просвещения. 1689–1714 гг. М., 1994.

Лабутина Т.Л., Ильин Д.В. Английское Просвещение: общественно-политическая и педагогическая мысль. СПб., 2012.

Муравьёв В.С. Джонатан Свифт. М., 1968.

Робин К. Реакционный дух. Консерватизм от Эдмунда Бёрка до Сары Пейлин. М., 2013.

Руткевич А.М. Что такое консерватизм? М., 1999.

Сидорченко Л.В. Александр Поуп. В поисках идеала. Л., 1987.

Сидорченко Л.В. Александр Поуп и художественные искания в английской литературе первой четверти XVIII века. СПб., 1992.

Станков К.Н. Король Яков II Стюарт и становление движения якобитов. 1685–1701. СПб., 2015.

Чудинов А.В. Размышления англичан о Французской революции. Э. Бёрк. Дж. Макинтош. У. Годвин. М., 1996.

Beddel A.V. John Reeves's prosecution for a seditious libel, 1795-6: a study in a political cynicism // The Historical Journal. 36. 4 (1993). P. 799-824.

Eccleshall R. English conservatism since the Restoration. An introduction and anthology. L., 1990.

Hearnshaw F.J. Conservatism in England: an analytical, historical, and political survey. L., 1933.

Honderich T. Conservatism: Burke, Nozick, Bush, Blair? L., 2005.

Jones E. Edmund Burke and the invention of modern conservatism, 1830–1914: An intellectual history. Oxford, 2017.

Morley J. Burke. L., 1909.

Nigel A. A "lay divine": Burke, Christianity, and the preservation of British State, 1790–1797. L., 1997.

Owen A.A. The collapse of the British Empire as seen by Frankclin, Paine, and Burke. Bethlehem, 1998.

REFERENCES

Sources

Bjork Je. Razmyshlenija o revoljucii vo Francii i zasedanijah nekotoryh revoljucionnyh obshhestv v Londone, otnosjashhihsja k jetomu sobytiju, v pis'me, prednaznachennom dlja parizhskogo dvorjanina, napisannom dostopochtennym Jedmundom Bjorkom // Politnauka. Politologija v Rossii i mire. — http://www.politnauka. org/library/classic/berk.php (April, 2022).

Brand J. A defense of the pamphlet ascribed to John Reeves and entitled "Thoughts on the English government". L., 1796.

Reeves J. Thoughts on the English Government. Addressed to the quiet good sense of the people of England in a series of letters. Letter the first. L., 1795.

Swift J. Reasons humbly offered to the parliament of Ireland for repealing the sacramental test, & c. // Swift J. The prose works. Vol. 4. L., 1898. P. 87-101.

Scientific research

Ajzenshtat M.P. Istoricheskij mif v politicheskoj kul'ture Britanii XVIII v. // Britanija: Istorija, kul'tura, obrazovanie: sb. statej mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Vyp. 4. [13–14 sent. 2018 g.] / Pod red. A.B. Sokolova. Jaroslavl', 2018. S. 434-439.

Vasil'eva T.N. Aleksandr Pop i ego politicheskie satiry. (Pojemy 20–40-h gg. XVIII v.). Kishenjov, 1979.

Garbuzov V.N. Konservatizm: cennosti, idei, politika // Metamorfozy istorii. Al'manah. 1997. №1. S. 138-139.

Grinfel'd L. Nacionalizm. Pjat' putej k sovremennosti. M., 2012.

Dubashinskij I.A. Pamflety Svifta. Riga, 1968.

Krelenko N.S. «Puritanskaja» revoljucija i anglijskaja obshhestvennaja mysl' XVII–XIX vv. Saratov, 1991.

Labutina T.L. Kul'tura i vlast' v jepohu Prosveshhenija. M., 2005.

Labutina T.L. U istokov sovremennoj demokratii. Politicheskaja mysl' anglijskogo Prosveshhenija. 1689–1714 gg. M., 1994.

Labutina T.L., Il'in D.V. Anglijskoe Prosveshhenie: obshhestvenno-politicheskaja i pedagogicheskaja mysl'. SPb., 2012.

Murav'jov V.S. Dzhonatan Svift. M., 1968.

Robin K. Reakcionnyj duh. Konservatizm ot Jedmunda Bjorka do Sary Pejlin. M., 2013.

Rutkevich A.M. Chto takoe konservatizm? M., 1999.

Sidorchenko L.V. Aleksandr Poup. V poiskah ideala. L., 1987.

Sidorchenko L.V. Aleksandr Poup i hudozhestvennye iskanija v anglijskoj literature pervoj chetverti XVIII veka. SPb., 1992.

Stankov K.N. Korol' Jakov II Stjuart i stanovlenie dvizhenija jakobitov. 1685–1701. SPb., 2015.

Chudinov A.V. Razmyshlenija anglichan o Francuzskoj revoljucii. Je, Bjork. Dzh. Makintosh. U. Godvin. M., 1996.

Beddel A.V. John Reeves’s prosecution for a seditious libel, 1795-6: a study in a political cynicism // The Historical Journal. 36. 4 (1993). P. 799-824.

Eccleshall R. English conservatism since the Restoration. An introduction and anthology. L., 1990.

Hearnshaw F.J. Conservatism in England: an analytical, historical, and political survey. L., 1933.

Honderich T. Conservatism: Burke, Nozick, Bush, Blair? L., 2005.

Jones E. Edmund Burke and the invention of modern conservatism, 1830–1914: An intellectual history. Oxford, 2017.

Morley J. Burke. L., 1909.

Nigel A. A “lay divine”: Burke, Christianity, and the preservation of British State, 1790–1797. L., 1997.

Owen A.A. The collapse of the British Empire as seen by Franklin, Paine, and Burke. Bethlehem, 1998.

Е.А. Атапин
(Воронеж)

ИТОГИ БРИТАНСКОГО РЕФЕРЕНДУМА 2016 ГОДА КАК РЕЗУЛЬТАТ РАЗВИТИЯ АНГЛИЙСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА В НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

«Чего хочет Англия? В какой стране мы, называющие себя англичанами, хотим жить и частью какого общества хотим являться в эпоху наднациональных институтов, подвижных и сложных идентичностей, сотрудничающих и конфликтующих суверенитетов?[1]».

Так обратился к читателям журнала «Нью Стейтсмен» редактор издания Дж. Коули в конце 2013 г. В ожидании референдума о независимости Шотландии, который мог радикально изменить дальнейшую судьбу Соединенного Королевства, он предположил, что вопрос национальной идентичности должен встать особенно остро для англичан,

[1] Cowley J. England dreaming, the break-up of Britain and what Orson Welles knew // New Statesman. 19 December 2013. — http://www.newstatesman.com/2013/12/england-dreaming-break-britain-and-what-orson-welles-knew (август, 2020).

являющихся самой многочисленной нацией на Британских островах[1].

И если итоги шотландского референдума 2014 г. не спровоцировали драматичных последствий для Великобритании, то через 2 года было назначено не менее судьбоносное для государства голосование, перед которым приведенные выше вопросы зазвучали с новой силой. Существенное отличие двух референдумов заключалось в том, что если в 2014 г. жители Англии могли лишь наблюдать со стороны и ждать, в пользу какого сценария будет сделан выбор в Шотландии, то в 2016 г. они были непосредственными участниками процесса, от воли которых зависело и их будущее, и будущее всей Великобритании.

Волеизъявление англичан на референдуме 2016 г. отразило ход развития двух взаимосвязанных феноменов общественно-политической жизни: евроскептицизма и английского национализма. Исследованиями в данной области активно занимается австралийский историк Б. Веллингс. В его монографии «Английский национализм и евроскептицизм»[2] английский национализм рассматривается как производная евроскептицизма, основывающегося на стремлении к сохранению британского суверенитета. Кроме того, в его работе «Английский национализм, Брексит и Англосфера»[3] Брексит понимается как проект, обусловленный развитием английского национализма.

Очерченные выше проблемы по отдельности хорошо освещены в британской историографии. Так, в труде социолога К. Кумара «Создание английской национальной иден-

---

[1] Cowley J. England dreaming, the break-up of Britain and what Orson Welles knew // New Statesman. 19 December 2013. — http://www.newstatesman.com/2013/12/england-dreaming-break-britain-and-what-orson-welles-knew (август, 2020).

[2] Wellings B. Euroscepticism and English Nationalism: losing the peace. Bern: Peter Lang. 2012. 285 p.

[3] Wellings B. English Nationalism, Brexit and Anglosphere: wider still and wider. Manchester: Manchester University Press. 2019. 232 p.

тичности»[1] проводится глубокий исторический анализ факторов, поспособствовавших генезису английской идентичности, выделяется «миссионерский» тип национализма, выработанный англичанами для реализации имперского проекта. Следует также отметить книгу Дж. Блэка «Английский национализм: краткая история»[2], которая представляет собой исследование влияния английских правовых, политических и религиозных институтов на становление национального самосознания англичан. К тому же, можно выделить работу М. Кенни «Политика английской государственности»[3], в которой внимание сфокусировано на формах проявления английской идентичности в начале XXI в.

Обращаясь к историографии британского евроскептицизма в целом и Брексита в частности, необходимо обратить внимание на коллективную монографию Х. Кларка, М. Гудвина и П. Уайтли «Брексит: почему Британия проголосовала за выход из Европейского союза»[4], в которой авторы оценивают Брексит как результат развития определенных тенденций во внутренней политике Соединенного Королевства и в его отношениях с Евросоюзом, считая главной причиной итогов референдума изменения в партийной системе Великобритании. Здесь же стоит привести книгу К. О'Рурка «Краткая история Брексита»[5], в которой предлагается относиться к Брекситу как к историческому событию, обусловленному целым рядом экономических, политических и исто-

[1] Kumar K. The Making of English National Identity. Cambridge: Cambridge University Press. 2003. 367 p.

[2] Black J. English Nationalism: A Short History. London: Hurst. 2018. 196 p.

[3] Kenny M. The Politics of English Nationhood. Oxford: Oxford University Press. 2014. 320 p.

[4] Clarke H., Goodwin M., Whiteley P. Brexit: Why Britain Voted to Leave the European Union. Cambridge: Cambridge University Press. 2017. 268 p.

[5] O'Rourke K. A Short History of Brexit. London: Penguin Books. 2019. 320 p.

рических факторов. Наконец, в работе С. Джорджа «Неудобный партнер: Великобритания и Европейское сообщество»[1] Соединенное Королевство предстает как евроскептическое государство, критикующее углубление европейских экономических и политических интеграционных процессов и не желающее принимать в них участие ради сохранения собственного суверенитета.

В отечественной историографии рассматриваемые проблемы представлены гораздо скромнее. Вопросами английской идентичности занимается Д.Н. Караваева. Ее монография «Английская идентичность и ее дискурс»[2] представляет собой историко-антропологическое исследование идентичности современных англичан. Проблемы Брексита входят в сферу научных интересов К.А. Годованюк. В ее монографии «“Глобальная Британия” в преддверии брекзита»[3] проводится анализ британской внешней политики со времени проведения референдума 2016 г. до фактического выхода Соединенного Королевства из Евросоюза в январе 2020 г.

Как видно, и в отечественной, и в зарубежной историографии рассматриваемые проблемы освещаются в основном по отдельности. Поэтому проблема влияния английского национализма на развитие евроскептицизма, апогеем которого явился результат британского референдума 2016 г., требует более тщательного изучения.

Чем же так примечательна роль Англии в британском референдуме по вопросу членства в ЕС? В какой степени можно утверждать, что результаты голосования в Англии внесли решающий вклад в общие итоги референдума?

---

[1] George S. An Awkward Partner: Britain and European Community. Oxford: Oxford University Press. 1998. 308 p.

[2] Караваева Д.Н. Английская идентичность и ее дискурс: Британия — Англия — Северная Англия. Екатеринбург: УрО РАН. 2016. 344 с.

[3] Годованюк К.А. «“Глобальная Британия” в преддверии брекзита». М.: Ин-т Европы РАН. 2020. 160 с.

Лучше всего ответ на эти вопросы помогает отыскать рассмотрение и сравнение результатов референдума в разбивке по частям Великобритании. Так, число проголосовавших за выход из Евросоюза в Англии составило 53,4% избирателей, в то время как в Уэльсе — 52,5%, в Северной Ирландии — 44,2%, в Шотландии — 38,0%[1]. Англичане также показали наибольшую активность в ходе голосования: явка в Англии составила 73,0% избирателей против 71,7% в Уэльсе, 67,2% в Шотландии и 62,7% в Северной Ирландии[2]. Учитывая то, что в Англии проживает более 80% британского электората, английские голоса за Брексит перевесили более внушительную долю шотландцев и североирландцев, проголосовавших за сохранение членства в ЕС[3]. Как видно, данные действительно свидетельствуют о том, что именно голосование в Англии определило победу сторонников Брексита.

С одной стороны, нет ничего удивительного в том, что именно Англия оказалась наиболее евроскептически настроенной частью Соединенного Королевства. Историческая укорененность евроскептицизма в Англии — одна из фундаментальных причин выбора, сделанного английскими избирателями в пользу Брексита.

Исторические параллели можно найти еще в XVI в., когда в Англии начался процесс религиозного размежевания с Европой. Так, в те времена подавляющее большинство английских монастырей и церквей активно участвовало в зарабатывании денег путем взимания еженедельного сбора и продажи индульгенций. Все знали и должны были мириться с тем фактом, что значительная часть этих средств направлялась в Ватикан. Однако после того как М. Лютер разоблачил коррумпированность католической церкви, в Англии резко

---

[1] EU referendum results // BBC News. 2016. —https://www.bbc.com/news/politics/eu_referendum/results (август, 2020).

[2] Ibid.

[3] Henderson A., Jeffery C., Wincott D., Jones R. How Brexit was made in England // The British Journal of Politics and International Relations. Vol. 19, No. 3. 2017. P. 1.

возросло недовольство подобной церковной политикой. Широко зазвучал призыв к тому, что английские пожертвования должны использоваться в интересах Англии. Если провести параллель и заменить Ватикан Евросоюзом, то получится аналогичная жалоба: «Почему англичане должны делать взносы в пользу неподотчетной европейской бюрократии, которая навязывает свои законы и правила?»[1].

Генрих VIII пытался смягчать религиозные последствия полного разрыва с Римом, но он четко понимал, что в Англии светская и церковная власть должны воплощаться в лице монарха. Он заставил духовенство подчиниться своей власти, уменьшил, а затем полностью отменил выплаты Ватикану, и, в конце концов, стал главой англиканской церкви и защитником веры. Это положение английский монарх продолжает занимать до сих пор.

Отделение от Рима дало людям как политическое, так и духовное чувство национальной идентичности, которое было усилено поражением испанской армады в 1588 г. Все эти события способствовали укоренению стойкого ощущения необходимости постоянной обороны от агрессивных намерений европейских держав по отношению к Англии, которое продолжали подпитывать последующие конфликты, в том числе война за испанское наследство, наполеоновские войны и две мировые войны XX в.[2]

С другой стороны, на итогах референдума не могло не сказаться влияние английского национализма, поэтому интересно выяснить, в какой мере он обусловил победу сторонников Брексита.

Накануне референдума о членстве Великобритании в ЕС заголовок на первой странице редакционной статьи из-

[1] Fox J. England has been resenting Europe for a very long time // openDemocracy. 26 January 2017. — https://www.opendemocracy.net/uk/jeremy-fox/england-has-been-resenting-europe-for-very-long-time (август, 2020).

[2] Ibid.

дания «Дейли Мейл» от 3 февраля 2016 г. представлял собой риторический вопрос: «Кто будет выражать голос Англии?»[1]. Одна из самых влиятельных газет Великобритании представила себя в качестве выразителя подлинного голоса «средней Англии». В самой статье дается заверение, что под Англией подразумевается все Соединенное Королевство. Однако поразительно, что заголовок не повторялся в шотландском издании газеты, опубликованном в тот же день. Желая того или нет, редакционная коллегия «Дейли Мейл» отчетливо высветила наличие чисто английского измерения в дискуссии о членстве Великобритании в ЕС[2].

На протяжении веков шотландская, валлийская и ирландская национальные идентичности развивались как реакция против удушающего английского империализма. Прежде чем создать заморскую империю, расширившуюся от Северной Америки и Карибского бассейна до Индии и Юго-Восточной Азии, англичане построили сухопутную империю от юга Британских островов до их северо-западных окраин. Таким образом, в то время как «внешняя империя» допускала конвергенцию различных национальных идентичностей Великобритании вокруг общей британской идентичности, «внутренняя империя» была определенно английской.

На самом деле и «внешняя империя» тоже всегда было делом англичан, а младшими партнерами выступали валлийцы, шотландцы и ирландцы. На деле и «внутренняя», и «внешняя» империи были построены на основе английского общего права, английского парламента и английской монархии. Лондон был политической столицей и главным торговым и финансовым центром, а английский язык был языком

---

[1] Daily Mail comment: Who will speak for England? // Mail Online. 4 February 2016. —https://www.dailymail.co.uk/debate/article-3430870/DAILY-MAIL-COMMENT-speak-England.html (авг., 2020).

[2] Henderson A., Jeffery C., Liñeira R., Scully R., Wincott D., Jones R. England, Englishness and Brexit // The Political Quarterly. Vol. 87. No. 2. 2016. P. 187.

доминионов, колоний и протекторатов. С тех пор идентификаторы «британский» и «английский» стали по сути взаимозаменяемыми.

Но как только империя распалась, то же самое произошло и со скрепами, удерживавшими британцев в едином государстве. Внезапно англичане оказались единственными, у кого не было традиционной национальной идентичности. Будучи де-факто ядром двух империй, англичане всегда подавляли выражения этнического английского национализма в интересах единства и стабильности, а также для того, чтобы их не воспринимали как угнетателей.

История имперской славы Великобритании всегда способствовала ее скептицизму по отношению к европейскому интеграционному проекту, являясь недостижимым ориентиром, через призму которого происходила оценка текущего положения. Та же британская исключительность, которая когда-то оправдывала имперское правление, использовалась, чтобы доказать, что Великобритания не должна подчиняться европейской «колонизации» в лице Евросоюза. С этой точки зрения присоединение к европейским интеграционным процессам было равносильно отказу от провиденциальной миссии Британии, и только радикальное политическое решение, подобное Брекситу, воспринималось способным вернуть все на свои места.

Но Брексит — это не только разрыв отношений с ЕС. Речь также идет об укреплении внутренних связей между жителями Британских островов. В центре стратегии премьер-министра Б. Джонсона «Глобальная Британия» находится обещание восстановить былую имперскую славу страны за счет улучшения отношений с бывшими колониями Содружества. Скрытый мотив, конечно же, состоит в том, чтобы снова привить англичанам чувство собственной важности, вернув их в центр общего британского проекта[1].

[1] Campanella E. Disunited Kingdom: Brexit is a fantasy of English nationalism // Daily Maverick: Opinionista. 18 September 2019. —

Действительно, на рубеже XX–XXI вв. представления об Англии стали балансировать между славным прошлым, утраченным с распадом империи, и неоднозначным настоящим. При этом прошлое выступало в качестве эталона и подлинного источника идентичности англичан, в то время как настоящее, представляясь уверенным и прогрессивным, было все-таки не лишено тревог и опасений, связанных во многом с членством Соединенного Королевства в Евросоюзе[1]. Великобритания была наименее интегрированным государством-членом ЕС. Подобное положение государства в интеграционном объединении вполне могло быть продиктовано именно опасениями относительно риска утраты идентичности в случае углубления интеграции. Поэтому неудивительно, что чем более ЕС приближался к политическому союзу, тем более вероятным становился Брексит[2].

Поворотным моментом стал саммит глав государств ЕС в Брюсселе, состоявшийся в декабре 2011 г. На нем обсуждалась возможность внесения изменений в договор о ЕС, предполагающих ужесточение контроля над расходованием бюджетных средств и объемами государственных долгов. В обмен на одобрение реформы договора британский премьер-министр Д. Кэмерон потребовал внесения в договор отдельного протокола, который позволял бы освободить Великобританию от действия ряда правил, регулирующих финансовые механизмы, пригрозив в случае отказа наложением вето. Возмущенные европейские лидеры, не согласившись с условиями Д. Кэмерона, заключили отдельное соглашение, выходящее за рамки договоров о ЕС, которое было подписа-

https://www.dailymaverick.co.za/opinionista/2019-09-18-disunited-kingdom-brexit-is-a-fantasy-of-english-nationalism/ (август, 2020).

[1] Black J. Celebrating British multiculturalism, lamenting England / Britain's past // Nations and Nationalism. Vol. 22, No. 4. 2016. P. 787.

[2] Dennison, J., Noah C. The ultimate causes of Brexit: history, culture, and geography // LSE Politics and Policy. 18 July 2016. — http://blogs.lse.ac.uk/politicsandpolicy/explaining-brexit/ (авг., 2020).

но главами государств, входящих в еврозону[1]. С точки зрения английского национализма это была наглядная попытка Лондона защитить британский парламентский суверенитет, сыгравший большую роль в становлении английской идентичности, от влияния Евросоюза, после которой правительством Великобритании был окончательно взят курс на Брексит.

Что же касается самой кампании за Брексит, то она активно подпитывалась мифологией об Англии, гордо стоящей в одиночестве и стойко противостоящей угрозам, приходящим с европейского континента, будь то «Непобедимая армада» Испании, наполеоновская Франция или нацистская Германия. Если же попытаться ответить на вопрос, когда Англия действительно оставалась в одиночестве, то выяснится, что Англия была независимым политическим образованием всего лишь в течение двух относительно коротких временных периодов, охватывающих только около 250 из последних 1200 лет. Первый длился с начала X в., когда первое английское национальное королевство было образовано Этельстаном, до 1016 г., когда оно было завоевано датским королем Кнудом Великим. Второй период охватил отрезок с 1453 г., когда английские короли фактически отказались от своих попыток править Францией, по 1603 г., когда король Яков VI Шотландский стал одновременно королем Яковом I Английским, объединив троны Англии и Шотландии. В остальное время, включая последние 400 лет, Англия постоянно была частью, по крайней мере, одного более крупного образования: Англо-Французского королевства, Соединенного Королевства в его различных формах, Британской империи, Европейского союза. На самом деле англичане го-

[1] Barber L. Brexit and beyond: how a new strain of English nationalism has been let loose // The Irish Times: Opinion. 1 November 2019. — https://www.irishtimes.com/opinion/brexit-and-beyond-how-a-new-strain-of-english-nationalism-has-been-let-loose-1.4069131 (август, 2020).

раздо меньше привыкли быть предоставленными самим себе, чем может показаться[1].

Отсюда и вытекает тот факт, что английский национализм находил свое выражение не в узком пространстве Англии как ограниченной территории, а во всем том, что касалось Британии в целом: от экономики и политики до культуры и права. Являясь ядром государства и глобальной империи, англичане привыкли идентифицировать себя с общностями более крупного порядка, находя и реализуя в них свои роли, цели и миссии[2]. Поэтому, лишившись империи, англичане утратили значительную часть фундамента, на котором строилась их идентичность. Исторически обусловленная склонность англичан к пониманию себя в более широких категориях, чем сама Англия, вынудило их в новейшее время строить свою идентичность вокруг Соединенного Королевства в его современных границах, склонив их в политическом плане к защите британского суверенитета, что в результате и привело к росту евроскептицизма. В этом смысле членство Соединенного Королевства в Евросоюзе можно представить как промежуточный период между английским имперским прошлым и глобальным будущим[3].

В последние годы развитию английского национализма также поспособствовало новое положение Англии внутри самого Соединенного Королевства. Начатая правительством Т. Блэра в конце 1990-х гг. работа по деволюции, заключавшаяся в передаче части централизованной власти Вестминстера на местный уровень, была выполнена только наполо-

---

[1] O'Toole F. Brexit is being driven by English nationalism. And it will end in self-rule // The Guardian: Opinion. 19 June 2016. — https://www.theguardian.com/commentisfree/2016/jun/18/england-eu-referendum-brexit (август, 2020).

[2] Kumar K. The Making of English National Identity. Cambridge: Cambridge University Press. 2003. P. 36.

[3] Wellings B. Our Island Story: England, Europe and the Anglosphere Alternative // Political Studies Review. Vol. 14, No. 3. 2016. P. 369.

вину. В то время как права частичной политической автономии были предоставлены Уэльсу, Шотландии и Северной Ирландии, Англия осталась единственной частью Великобритании, которой реформа не коснулась. В ходе деволюции шотландцы, североирландцы и валлийцы приобрели национальные органы самоуправления, в то время как политическое представительство англичан по-прежнему сохранилось только в парламенте Великобритании в Вестминстере. Подобное положение вещей не могло не поспособствовать разжиганию пламени английского национализма[1].

С тех пор английский национализм начал существовать в двояком контексте. С одной стороны, интересы Англии призван защищать парламент Великобритании, поэтому у англичан сохраняется чувство идентификации с более широкой общностью, стремление отстаивать парламентский суверенитет государства. С другой стороны, с момента наделения особыми правами парламента Шотландии и ассамблеи Уэльса в 1998 г. крепнет ощущение того, что Англия является жертвой деволюции. Развивается идея о том, что англичанам следует прекратить скрываться за парламентом Великобритании, представляющим собой олицетворение давно изжившего себя имперского проекта, и стремиться к созданию парламента Англии[2]. Как видно, обе позиции способствуют укреплению английского национализма и усилению евроскептицизма, так как придерживаются принципа защиты парламентского суверенитета.

---

[1] De Waal T. Brexit, the English Revolt // Carnegie Europe: Strategic Europe. 21 June 2016. — https://carnegieeurope.eu/strategiceurope/63861 (август, 2020).

[2] Flatman B. Brexit is about English nationalism. It won't be settled until we build a new English parliament, anywhere but London // Building Design: Opinion. 6 February 2019. — https://www.bdonline.co.uk/opinion/brexit-is-about-english-nationalism-it-wont-be-settled-until-we-build-a-new-english-parliament-anywhere-but-london/5097720.article (август, 2020).

Безусловно, важным тезисом для Англии в последнее десятилетие стал поиск своего места как в Евросоюзе, так и в Соединенном Королевстве. В отношении ЕС Англия позиционировала себя в качестве либеральной силы, сопротивлявшейся ограничительной коллективной политике, навязываемой брюссельскими бюрократами. Но в этом можно было усмотреть и возрождение империалистического превосходства над декларируемой демократией и горизонтальностью европейских институтов[1]. Относительно положения в Великобритании вывод сторонников восстановления демократии в децентрализованном Соединенном Королевстве о том, что Англии необходим свой собственный парламент для обретения англичанами подлинной идентичности, противоречит представлениям, согласно которым суверенитет должен сохраняться за британским правительством в Вестминстере[2]. Так, противоречия английского национализма, вызванные ностальгией по империи и неудовлетворенностью результатами децентрализации, стали просматриваться как во внешнем, так и во внутреннем измерении.

Критики самой идеи существования английского национализма отмечают, что в Англии почти полностью отсутствуют какие-либо политические проявления национализма. Там нет основной националистической партии и публичных интеллектуалов, которые называли бы себя националистами. Культурное выражение английской идентичности неоднородно, непоследовательно и не связано с национальной политикой. В то время как юнионистские партии в Шотландии и Уэльсе считают важным говорить о национальной идентичности, основные партии в Англии отличаются тем, что они крайне редко произносят имя нации[3].

---

[1] Black J. From mood to movement: English nationalism, the European Union and taking back control // Innovation: the European Journal of Social Science Research. Vol. 32, No. 2. 2018. P. 199.

[2] Ibidem. P. 201.

[3] Denham J. Remainers who blame Brexit on English nationalism are making a big mistake // New Statesman: the Staggers. 27 July

Отчасти такое положение дел обусловлено упомянутой выше исторически сложившейся спецификой самоидентификации англичан. А отчасти оно связано с тем, что чувство принадлежности к определенной нации не обязательно должно исходить из политической плоскости. Оно может сформироваться на почве чувства обиды, побуждая политических деятелей вырабатывать и продвигать решения имеющейся проблемы[1]. Отсюда вполне закономерным является то, что после шотландского референдума 2014 г. в британском политическом дискурсе все чаще стали появляться ссылки на существование специфической английской идентичности и высказывания о том, что придерживающиеся этой идентичности чувствуют себя лишенными политического представительства, неуважаемыми и обиженными[2].

Если условно поделить национализм на интеграционистскую форму, которая тяготеет к узакониванию существующих границ государства, и сепаратистскую форму, которая стремится к обособлению какой-либо части территории путем изменения государственных границ или приобретения прав автономии, то можно увидеть, что во втором десятилетии XXI в. произошло историческое преобразование английского национализма из интеграционистской в сепаратистскую форму. Если ранее английский национализм легитимировал идентичности более высокого порядка, чем Англия, то возникшие в последние десятилетия противоре-

2018. — https://www.newstatesman.com/politics/staggers/2018/07/remainers-who-blame-brexit-english-nationalism-are-making-big-mistake (август, 2020).

[1] Wellings B. On St. George's Day: English nationalism between Brexit and Covid-19 // The UK in a changing Europe. 23 April 2020. — https://ukandeu.ac.uk/on-st-georges-day-english-nationalism-between-brexit-and-covid-19/ (август, 2020).

[2] Margulies B. English nationalism and its role in the referendum // openDemocracy. 20 June 2016. — https://www.opendemocracy.net/uk/ben-margulies/english-nationalism-and-its-role-in-referendum (август, 2020).

чия выявили невозможность самоидентификации англичан с ЕС и желание обладания равными правами автономии с другими частями Великобритании.

Успех националистического движения часто является продуктом случайного союза между массами или избирателями, выражающими недовольство, и хорошо организованными политическими группами, надеющимися достичь определенной политической цели. Подобного рода успех и был зафиксирован голосованием в Англии за Брексит[1].

Таким образом, выбор Англии в пользу Брексита в политическом плане был в значительной мере обусловлен ростом английского национализма, вызванным осознанием необходимости отыскания выхода из кризиса английской идентичности. Привыкшие на протяжении многих веков являться ядром крупных политических образований и идентифицировать себя через понятия, связанные с занимаемым местом и выполняемой ролью в этих образованиях, англичане на референдуме о членстве в ЕС обозначили чуждость европейского интеграционного проекта своим политическим взглядам и убеждениям, констатировав невозможность найти свою миссию и утвердить собственную идентичность в рамках его реализации.

Находясь в новейшее время в непростых условиях в связи с распадом Британской империи, недовольством по поводу участия в ЕС и необходимостью определения места Англии в условиях децентрализации Соединенного Королевства, английский национализм нуждался в той или иной политической форме заявления о себе. Другими словами, требовалось какое-то решительное действие, которое дало бы ответ на вопрос, приведенный в самом начале данной статьи. В результате такой формой самовыражения и стал

[1] Wellings B. On St. George's Day: English nationalism between Brexit and Covid-19 // The UK in a changing Europe. 23 April 2020. — https://ukandeu.ac.uk/on-st-georges-day-english-nationalism-between-brexit-and-covid-19/ (август, 2020).

референдум по вопросу членства в ЕС, на котором англичанам, как и во времена империи, довелось выполнить миссию по решению судьбы всего государства, поскольку их голоса перекрыли результаты, полученные во всех остальных частях Великобритании. Ответ на вопрос о том, чего хочет Англия, был получен.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Источники / Sources

Barber L. Brexit and beyond: how a new strain of English nationalism has been let loose // The Irish Times: Opinion. 1 November 2019. — https://www.irishtimes.com/opinion/brexit-and-beyond-how-a-new-strain-of-english-nationalism-has-been-let-loose-1.4069131 (April, 2022).

Campanella E. Disunited Kingdom: Brexit is a fantasy of English nationalism // Daily Maverick: Opinionista. 18 September 2019. — https://www.dailymaverick.co.za/opinionista/2019-09-18-disunited-kingdom-brexit-is-a-fantasy-of-english-nationalism/ (April, 2022).

Cowley J. England dreaming, the break-up of Britain and what Orson Welles knew // New Statesman. 19 December 2013. — http://www.newstatesman.com/2013/12/england-dreaming-break-britain-and-what-orson-welles-knew (April, 2022).

Daily Mail comment: Who will speak for England? // Mail Online. 4 February 2016. — https://www.dailymail.co.uk/debate/article-3430870/DAILY-MAIL-COMMENT-speak-England.html (April, 2022).

Denham J. Remainers who blame Brexit on English nationalism are making a big mistake // New Statesman: the Staggers. 27 July 2018. — https://www.newstatesman.com/politics/staggers/2018/07/remainers-who-blame-brexit-english-nationalism-are-making-big-mistake (April, 2022).

Dennison, J., Noah C. The ultimate causes of Brexit: history, culture, and geography // LSE Politics and Policy. 18 July 2016. — http://blogs.lse.ac.uk/politicsandpolicy/explaining-brexit/ (April, 2022).

De Waal T. Brexit, the English Revolt // Carnegie Europe: Strategic Europe. 21 June 2016. — https://carnegieeurope.eu/strategiceurope/63861 (April, 2022).

EU referendum results // BBC News. 2016. — https://www.bbc.com/news/politics/eu_referendum/results (Aperil, 2022).

Flatman B. Brexit is about English nationalism. It won't be settled until we build a new English parliament, anywhere but London // Building Design: Opinion. 6 February 2019. — https://www.bdonline.co.uk/opinion/brexit-is-about-english-nationalism-it-wont-be-settled-until-we-build-a-new-english-parliament-anywhere-but-london/5097720.article (April, 2022).

Fox J. England has been resenting Europe for a very long time // openDemocracy. 26 January 2017. — https://www.opendemocracy.net/uk/jeremy-fox/england-has-been-resenting-europe-for-very-long-time (April, 2022).

Margulies B. English nationalism and its role in the referendum // openDemocracy. 20 June 2016. — https://www.opendemocracy.net/uk/ben-margulies/english-nationalism-and-its-role-in-referendum (April, 2022).

O'Toole F. Brexit is being driven by English nationalism. And it will end in self-rule // The Guardian: Opinion. 19 June 2016. — https://www.theguardian.com/commentisfree/2016/jun/18/england-eu-referendum-brexit (April, 2022).

Wellings B. On St. George's Day: English nationalism between Brexit and Covid-19 // The UK in a changing Europe. 23 April 2020. — https://ukandeu.ac.uk/on-st-georges-day-english-nationalism-between-brexit-and-covid-19/ (April, 2022).

Исследования / Scientific research

Годованюк К.А. «"Глобальная Британия" в преддверии брекзита». М.: Ин-т Европы РАН. 2020. 160 с. [Godovanyuk K.A. «"Global'naya Britaniya" v preddverii brekzita». M.: In-t Evropy RAN. 2020. 160 s.]

Караваева Д.Н. Английская идентичность и ее дискурс: Британия — Англия — Северная Англия. Екатеринбург: УрО РАН. 2016. 344 с. [Karavaeva D.N. Angliiskaya identichnost' i ee diskurs: Britaniya — Angliya — Severnaya Angliya. Ekaterinburg: UrO RAN. 2016. 344 s.]

Black J. Celebrating British multiculturalism, lamenting England/Britain's past // Nations and Nationalism. Vol. 22, No. 4. 2016. P. 786-802.

Black J. English Nationalism: A Short History. London: Hurst. 2018. 196 p.

Black J. From mood to movement: English nationalism, the European Union and taking back control // Innovation: the European Journal of Social Science Research. Vol. 32, No. 2. 2018. P. 191-210.

Clarke H., Goodwin M., Whiteley P. Brexit: Why Britain Voted to Leave the European Union. Cambridge: Cambridge University Press. 2017. 268 p.

George S. An Awkward Partner: Britain and European Community. Oxford: Oxford University Press. 1998. 308 p.

Henderson A., Jeffery C., Liñeira R., Scully R., Wincott D., Jones R. England, Englishness and Brexit // The Political Quarterly. Vol. 87, No. 2. 2016. P. 187-199.

Henderson A., Jeffery C., Wincott D., Jones R. How Brexit was made in England // The British Journal of Politics and International Relations. Vol. 19, No. 3. 2017. P. 1-16.

Kenny M. The Politics of English Nationhood. Oxford: Oxford University Press. 2014. 320 p.

Kumar K. The Making of English National Identity. Cambridge: Cambridge University Press. 2003. 367 p.

O'Rourke K. A Short History of Brexit. London: Penguin Books. 2019. 320 p.

Wellings B. English Nationalism, Brexit and Anglosphere: wider still and wider. Manchester: Manchester University Press. 2019. 232 p.

Wellings B. Euroscepticism and English Nationalism: losing the peace. Bern: Peter Lang, 2012. 285 p.

Wellings B. Our Island Story: England, Europe and the Anglosphere Alternative // Political Studies Review. Vol. 14, No. 3. 2016. P. 368-377.

Т.Л. Лабутина
(Москва)

«ЖЕНЩИНЫ ЕКАТЕРИНИНСКОЙ РОССИИ ГЛАЗАМИ БРИТАНСКИХ ДИПЛОМАТОВ»

В последние годы одним из востребованных направлений в отечественной исторической науке сделалась имагология (от лат. Imago – образ) — комплексная дисциплина, находящаяся на стыке истории, культурологии, социологии, политологии, психологии. Данное научное направление изучает восприятие народами друг друга, механизмы формирования внешнеполитических стереотипов, особенности восприятия образов стран. Имагология (имэджинология – в англ. яз.) возникла на Западе в 1970-х гг. Саму же идею о необходимости всестороннего изучения этнических образов выдвинул в первой четверти XX в. американский социолог У. Липпман[1]. «Первооткрывателями» исторической имагологии в России стали ученые Л.А. Зак, Н.А. Ерофеев, С.В. Чугров[2].

Изучение межкультурных (инокультурных, кросскультурных) коммуникаций в отечественной науке за послед-

---

[1] Lippman W. Public Opinion. N.Y.,1950.

[2] Зак Л.А. Западная дипломатия и внешнеполитические стереотипы. М., 1976; Ерофеев Н.А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825–1853 гг. М., 1982; Чугров С.В. Россия и Запад. Метаморфозы восприятия. М., 1993.

ние годы заметно активизировалось. Появились теоретические статьи, а также монографические исследования по данной тематике[1]. Важную роль в изучении различных проблем, связанных с имэджинологией/имагологией, играют ежегодные научные семинары в Центре по изучению отечественной культуры Института российской истории РАН, а также международные научные конференции «Россия между Западом и Востоком», проводимые Центром истории межкультурных коммуникаций стран Запада и Востока в Институте всеобщей истории РАН. Столь активное обращение к проблемам взаимовосприятия культур различных государств со стороны ученых обусловлено прежде всего их актуальностью.

Источниками для изучения восприятия «иной» / «чужой» культуры чаще всего становятся описания путешественников (травелоги), дневники, мемуары и служебные записки иностранцев о стране пребывания. Один из интересных и важных источников для исследования восприятия иностранцами России и русских в правление Екатерины II является дипломатическая переписка британских послов с госсекретарем. Дипломаты, прибывавшие в Россию, в донесениях в Лондон, как правило, не ограничивались сугубо официальной информацией. Следуя указаниям своего монарха, они проявляли активный интерес к внутренней и внешней политике правительства, настроениям в обществе, а также к самой императрице и ее ближайшему окружению[2]. В ряде депеш послов сохранились их высказывания о месте и роли женщин в российском обществе. Какими представля-

[1] Среди недавно вышедших работ трехтомник под ред. Т.Л. Лабутиной: «Свой» / «Чужой» в кросс-культурных коммуникациях Запада и России. СПб., 2019; «Свои» и «Другие. Взаимодействие и восприятие культур Запада и России. СПб., 2020; «Свои»/ «Другие» / «Чужие». Из истории взаимодействия и противоборства Запада, Востока и России. СПб., 2021.

[2] См.: Лабутина Т.Л. Екатерина II и ее окружение в восприятии послов// Лабутина Т.Л. Британские дипломаты и Екатерина II. Диалог и противостояние. СПб., 2019. С. 365-450.

лись англичанам русские женщины? Какие черты их характера выделяли дипломаты? Что они писали об их социальном положении, занятиях, внешнем виде и т.д. На изучении данной проблемы, прежде не являвшейся предметом специального исследования историков, мы хотели бы остановиться в своей статье.

Естественно, что особый интерес послы проявляли в первую очередь к самой императрице. Каждый из них описывал внешность Екатерины II, ее поведение, присущие ей черты характера. Они также давали оценки ее внутренней и внешней политики.

Еще до вступления на престол великой княгини Екатерины Алексеевны британский посланник Роберт Кейт, прибывший в Петербург в марте 1758 г., обращал внимание на то, что великая княгиня Екатерина Алексеевна чувствовала себя «очень неуютно» при дворе. Свершившийся дворцовый переворот в 1762 г. не удивил дипломата. Описывая события тех дней, посланник, с одной стороны, утверждал, что они были похожи на «внезапную революцию», которая вспыхнула и совершилась «не более как в два часа времени, причем не было пролито ни капли крови», а с другой, подчеркивал, что все происшедшее «замышлялось давно»[1]. И в том не было ничего удивительного, поскольку замысел и конкретный план переворота разрабатывался великой княгиней с британским послом Чарльзом Уильямсом еще летом 1756 г.[2].

Посол Бэкингемшир, сменивший на посту Р. Кейта в 1764 г., обращался к характеристике императрицы. На его взгляд, Екатерина II «по способностям, познаниям и деятельности стоит неизмеримо выше всех ее окружающих». Пока она еще не решается действовать самостоятельно и не пытается освободиться от влияния некоторых приближенных к ней лиц, «несмотря на то, что их характеры и наклон-

[1] Memoires and Correspondence (Official and Familiar) of Sir Robert Murray Keith (далее — Memoires …). L., 2011. Vol. I. P. 53.

[2] Лабутина Т.Л. Британские дипломаты и Екатерина II. Диалог и противостояние. Указ. соч. С. 16-48.

ности должны внушать ей презрение»[1]. Дипломат обратил внимание на особое расположение Екатерины II к Англии «перед всеми прочими державами». В качестве подтверждения своих слов он привел высказывание императрицы о том, что «Англия всегда будет занимать первое место в ее дружбе»[2]. В секретной депеше посол извещал госсекретаря: императрица «никогда не пропускает случая выразить свое расположение к англичанам и к Англии»[3].

Бэкингемшир отметил «маленькие слабости» и непоследовательность в действиях императрицы, которые, на его взгляд, «почти стирают и затемняют некоторые великие качества, которые украшают ее». Он с одобрением отзывался о политике Екатерины после того, как она «посадила себя на трон». Ее деятельность была направлена на то, чтобы «сделать своих подданных счастливыми дома и уважаемыми за границей». Для этой цели, писал дипломат, императрица решила поощрять искусства, науки, торговлю; создать «либеральную систему образования» для молодых дворян обоих полов; расширить преимущества для людей низших слоев; увеличить государственный доход; контролировать «тиранические действия духовенства»; добиться спокойствия в обществе, а также уважения и добропорядочности, «которые преобладают в других европейских народах»[4].

Внешняя политика Екатерины II также заслужила одобрение посла. В течение последних лет императрица, свидетельствовал Бэкингемшир, направила свои усилия «для общего умиротворения Европы», дала Польше короля, «установила правителя для Курляндии» и приняла участие в ниспровержении «французской системы, которая так долго преобладала в Швеции». Однако «столь светлую картину»,

---

[1] Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе // Сборник императорского русского исторического общества (далее — СИРИО). Т. XII. СПб, 1883. С. 52-53.

[2] Там же. С. 69, 99.

[3] Там же. С. 62.

[4] Там же. С. 123-124.

на его взгляд, «затемняют» тщеславие, самомнение, жадность и «вкус к мелочным удовольствиям», присущие императрице. Посол полагал, что Екатерина II совершает две серьезные и непростительные ошибки: «низость», с которой принимает «грубое невнимание Орловых», и недостаточную привязанность к сыну — великому князю Павлу Петровичу[1].

Отмечая негативные черты в характере Екатерины, такие как склонность к политическим интригам, «буйное воображение», нежелание прислушиваться к дружеским советам, дипломат в то же время отдал должное ее смелости и решительности. «Я видел ее на военном смотре, — вспоминал посол в своих мемуарах, — когда батальоны, отступая, стреляли. Она стояла близко к тому углу, где они должны были развернуться… и матрос, находившийся от нее не более чем в двадцати шагах, был смертельно ранен... В этот момент я разговаривал с ней, и я не заметил в ней иного чувства, кроме жалости к этому несчастному»[2].

В декабре 1764 г. в Петербург прибыл новый посол Великобритании 27-летний граф Джордж Макартни. По мнению его биографа, красивая наружность Макартни, привлекательные манеры, обходительность «могли служить немалым ручательством успеха при дворе, где царствующей особой была женщина»[3]. На использование слабости Екатерины II к «сильному полу» намекал в своем письме к Макартни и его покровитель лорд Холланд, когда в шутку или всерьез писал: «Русская императрица в том возрасте, который пользуется вашим особенным предпочтением, а я добавлю, со своей стороны, что она стареется с каждым днем. Поэтому советую выехать из России, как только вы заметите, что красота ее начинает блекнуть»[4].

---

[1] Там же. С. 124.

[2] Там же.

[3] Цит. по: Белозерская Н.А. Россия в шестидесятых годах прошлого века // Русская старина. СПб., 1887. Кн. IX. С. 499-500.

[4] Там же. С. 500.

Уже в первых своих донесениях в Лондон дипломат обращал внимание на то, что императрица «совершенно утвердилась на престоле». Он полагал, что в ее правительстве «не произойдет никакой перемены, по крайней мере, в течение нескольких лет», пока великий князь не достигнет совершеннолетия.

Хотя Макартни весьма нелицеприятно отзывался о русском народе в целом, об императрице он писал с восхищением. Он отмечал, что Екатерина II обладала проницательным умом, вследствие которого не только находила недостатки в управлении, но тотчас же изыскивала средства для их исправления. Поскольку императрица убедилась «в беспорядке, сложности, запутанности и несправедливости законов» своей империи, их исправление составляло «предмет ее честолюбия». Для этой цели она «с величайшим вниманием и точностью» рассмотрела и изучила законодательство других стран. На основании собственных замечаний по этому предмету и мнений «самых ученых и способных ее советников» она составила уложение. «Уложение это, — продолжал Макартни, — будет предложено на рассмотрение депутатов империи, которые соберутся в Москве… причем им будет предоставлено право высказывать свои мнения о нем, указывать на те недостатки, которые они найдут в нем, и предлагать изменения. Когда по всем этим вопросам произойдет соглашение, и они будут окончательно утверждены, уложение это будет обнародовано и составит основное законодательство империи на будущее время. Поистине, это высокое предприятие достойно честолюбия великого монарха», — с восторгом заключал дипломат[1].

Макартни также подчеркнул заслуги императрицы в улучшении жизни подданных. Екатерина II, писал он, «заботится о счастье своих подданных всех рангов, желает улучшить положение крестьян и горожан». Она пытается наделить какой-нибудь собственностью возможно большее число

[1] СИРИО. Т. XII. С. 291.

людей, что позволит эффективно увеличить достижения сельского хозяйства и торговли империи. Для этой же цели императрица предложила значительные преимущества всем иностранцам, которые пожелают поселиться в ее владениях как колонисты. «Большое число людей (не менее 35.000) уже согласилось приехать сюда, — свидетельствовал Макартни, — им выделены земли в лучших провинциях империи, и свободное владение для них гарантировано на 20 лет, с освобождением от уплаты каких-либо налогов»[1].

Несмотря на восторженные отзывы о менталитете и деловых качествах Екатерины II, Макартни с осуждением отзывался о той неограниченной власти, которой она обладала. Суверену принадлежит законодательная и исполнительная власть, поэтому царствующая императрица может без всякого судебного процесса лишить жизни, свободы или имущества любого подданного, утверждал дипломат. Императрица вправе присвоить общественную казну; увеличивать или снижать стоимость монеты; объявлять мир или войну; увеличивать или сокращать свои войска; предлагать новые законы или отменять прежние; наконец, назначать своего преемника на трон, невзирая на обстоятельства, которые могут вызвать право наследования в других королевствах. «Все это бесспорные и не подлежащие обсуждению прерогативы короны», заключал посол[2].

Довольно резко высказывался о деспотическом правлении Екатерины II посол Г. Ширли. Намерения императрицы первоначально клонились к тому, чтобы заявить о своей заботе о счастье подданных, отмечал он. «Но так как намерения эти проистекают из оснований, не совсем чистого свойства, дела ее, как поддельный жемчуг, имели более блеска, но меньше ценности, чем жемчуг настоящий». Ширли полагал, что среди русских есть лица, сознающие эту истину, но так как «лесть и слепое повиновение составляют для боль-

[1] An Account of Russia. 1767. Lnd., 1768. P. 27-28.
[2] Ibid. P. 90-91.

шей части их единственный путь к богатству, могуществу и влиянию, они еще усерднее восторгаются всем, исходящим из дворца императрицы, чем те, чьи похвалы искренни». Подобная лесть, продолжал посол, воодушевила всех французских писателей, и теперь принято модой превозносить славу русской императрицы. Общее восхищение усилило тщеславие правительницы до такой степени, что она начинает считать себя выше остального человечества, и «непоколебимо утвердила за собой престол русской империи». Стремясь к дальнейшему усилению власти, и зная о «беспокойном» характере своих подданных, продолжал Ширли, она поставила главнейшей целью своей политики «занимать их как можно больше, как дома, так и за границей»[1]. Как видно, дипломатам, прибывшим из страны, где утвердилась конституционная монархия, явно претила такая форма правления, как абсолютная монархия.

Посол Чарльз Кэткарт, находившийся при дворе Екатерины с 1768 по 1772 гг., на все лады расхваливал Екатерину. Российская императрица, писал он, «обладает весьма просвещенным умом, быстрым соображением, замечательной решимостью, большою твердостью»[2]. Примечательно, что еще до первой встречи с императрицей Кэткарт, наслышанный по-видимому, от своих предшественников о Екатерине II, сообщал в Лондон, какая замечательная она правительница, и что «между всеми женщинами на свете императрица едва ли не способнейшая для ведения столь сложного механизма», как государственное управление. Посол отмечал «необыкновенный ум» Екатерины, подчеркивал, что она «предприняла огромные общественные работы» и создала «великолепные учреждения». К достижениям Екатерины II Кэткарт причислял укрепление российской армии («никогда русская армия не достигала такой силы»), а также экономики страны, прежде всего финансов и торговли («финансы ее в

[1] СИРИО. Т. XII. С. 329.
[2] СИРИО. Т. XIX. СПб., 1876. С. 13-14.

порядке и баланс ее торговли значительнее, чем когда бы то ни было»)[1] .

Из разговора во время бала, на котором императрица уделила внимание послу, Кэткарт узнал о ее распорядке дня. Начиная с пяти утра, Екатерина ежедневно занимается делами, предпочитая лично руководить «всяким делом, вникая в малейшие его подробности». Предметом ее разговора, продолжал посол, всегда служат «различные улучшения» относительно дел в империи, о чем она рассуждает «не только не напыщенно, но даже без всякой примеси важности или серьезности»[2]. Кэткарт подметил, что «императрица обладает необыкновенной способностью нравиться, которой… пользуется с видимым удовольствием»[3].

Многих дипломатов приводила в недоумение расточительность императрицы, которая распространялась не только на всевозможные празднества при дворе. Самой значительной статьей в расходах Екатерины II, по утверждению послов, являлись ее траты на фаворитов. Об этом госсекретарю сообщал посол Дж. Гаррис «Со времени моего приезда сюда, — писал он лорду Стормонту 23 апреля 1782 г., — на это ежегодно тратилось не меньше миллиона рублей, кроме огромных пенсий князей Орлова и Потемкина»[4].

Дж. Гаррис отмечал «высокие и блестящие качества» Екатерины, ее образованность, «блестящие способности», «возвышенный ум», «редкую сметливость»[5]. Его поразило знакомство императрицы с культурой Греции («Недавно императрица долго рассуждала со мной о древних греках, об их искусстве и превосходстве их способностей»), а также с за-

[1] Там же. С. 348.

[2] Там же. С. 356-357.

[3] Там же. С. 364.

[4] Лорд Мальмсбюри (Гаррис) в России в царствование Екатерины II. 1781–1783 годы // Русский архив. М., 1874. Кн. II. № 11. С. 841.

[5] Там же. С. 770, 856.

конодательством Англии («императрица постоянно обращается к Блекстону»)[1].

Во время бесед с дипломатом Екатерина затрагивала не только взаимоотношения Англии и России. Порой она касалась иных, не связанных с политикой тем. Однажды Екатерина пригласила посла в свой загородный дворец в Царском Селе, где один из залов был украшен коллекцией английского фарфора Уиджвуда с изображением лягушки. Произведения коллекции представляли различные рисунки деревенских домов и садов в Англии. Это подало повод к разговору об английском садоводстве, в котором, как подметил посол, императрица «большой знаток». Другие залы дворца были украшены портретами «всех коронованных лиц Европы», что позволило Гаррису завести с Екатериной беседу о живописи. «Мы много толковали об их различных достоинствах, — продолжал англичанин, — а еще больше о важных недостатках новейших живописцев, занимающихся портретами». Разговор с императрицей не исчерпался темой искусства, но коснулся также законодательства, в частности законов Блекстона, в которых она «просто озадачила» Гарриса своими познаниями. «По-моему, она сама годилась бы в судьи: так хорошо ей известны наши законы и наша конституция», с удовлетворением заключал дипломат[2].

В то же время Гаррис нередко высказывался критически о характере и деятельности Екатерины II. И происходило это чаще всего под влиянием неуступчивости императрицы в переговорном процессе с дипломатом. «Эта великая жена, несмотря на многие замечательные и высокие качества, часто обращается в простую женщину и нередко играет веером, думая, что держит скипетр», — докладывал Гаррис госсекретарю 14 октября 1782 г.[3] Один из серьезных недостатков императрицы он усматривал в ее «чрезмерной склонности»

[1] Русский архив. М., 1866. № 7. С. 155.
[2] Там же. С. 149.
[3] Русский архив. М., 1874. Кн. II. № 11. С. 861.

к чувственным удовольствиям. «Старость не усмиряет страстей: они скорее усиливаются с летами, — продолжал Гаррис, — и близкое знакомство с одной из самых значительных европейских барынь убеждает меня в том, что молва преувеличила ее замечательные качества и умалила ее слабости»[1].

Поскольку ближайшей приятельницей и сподвижницей Екатерины II являлась княгиня Екатерина Романовна Дашкова, то неудивительно, что и она явилась объектом особого внимания дипломатов. Одним из первых о Дашковой написал Роберт Кейт. Как оказалось, посланник был знаком с княгиней лично. В своих мемуарах Дашкова писала, что они с супругом находились в прекрасных отношениях с этим «уважаемым пожилым джентльменом» (Р. Кейтом. — *Т. Л.*), который относился к ней, как к дочери, и даже нередко так ее и называл. Обращаясь к событиям переворота, Кейт утверждал, что Дашкова принимала «самое ревностное участие в заговоре и от начала до конца много содействовала его успеху». Между тем, Екатерина II была более скромного мнения о действиях приятельницы. Княгиня, «хоть и желает приписать себе всю честь, так как была знакома с некоторыми из главарей, не была в чести вследствие своего родства и своего девятнадцатилетнего возраста и не внушала никому доверия; хотя она уверяет, что все ко мне проходило через ее руки, — писала императрица своему возлюбленному С. Понятовскому. — Однако все лица имели сношения со мною в течение шести месяцев прежде, чем она узнала только их имена. Правда, она очень умна, но с большим тщеславием… соединяет взбалмошный характер и очень нелюбима нашими главарями; только ветреные люди сообщали ей о том, что знали сами, но это были лишь мелкие подробности». Императрица напоминала, что ей приходилось скрывать от княгини «пути, которыми другие сносились» с ней, и что ей сообщали «так мало, как только могли». Поэтому императрица

[1] Русский архив. М., 1868. Т. 4. С. 594.

не скрывала своего возмущения поведением «самого низкого и самого подлого из людей» — И.И. Шувалова за то, что тот осмелился написать Вольтеру, будто бы «девятнадцатилетняя женщина (Дашкова. — *Т. Л.*) переменила правительство этой империи». Она настоятельно просила Понятовского «вывести из заблуждения» великого писателя[1]. Заметим, что современники и историки неоднозначно оценивали роль Дашковой в подготовке дворцового переворота, но большинство склонялось к выводу о чрезмерно преувеличенной, или даже вымышленной ее роли в указанных событиях[2].

Граф Бэкингемшир, освещая положения дел в стране в первые месяцы правления Екатерины II, отмечал, что они отличались нестабильностью в обществе и неразберихой в управлении делами империи. Все это приводило к попыткам организации нового заговора среди придворных. До посла доходили слухи, будто княгиня Е.Р.Дашкова «возбуждала и поощряла всех недовольных настоящим правительством». Лица, замешанные в беспорядках, уверяли, что их цель состояла в удалении графа Орлова от «той особой милости, которой он пользуется». Бэкингемшир упомянул о роли Дашковой в описываемых событиях и о реакции на ее участие в них императрицы. «Княгиня Дашкова, отличившаяся во время революции, получила приказание отправиться вместе с мужем в Ригу, где стоит его полк. Гордость этой дамы, — продолжал посол, — значительно ослабила уважение к ней императрицы... Характер ее был слишком непреклонен для того, чтобы стараться умилостивить государыню или покорно подчиняться ее немилости, и… подозревают, что

[1] Письма Екатерины к Понятовскому // Тайны и истории Екатерины II в воспоминаниях современников, оценках историков. М., 1998. С. 133-134.

[2] См.: Суворов А.А. Княгиня Екатерина Романовна Дашкова. СПб., 1888. С. 34, 42-48; Лозинская Л.Я. Во главе двух академий. М., 1983. С. 18-22; Тычинина Л.В., Бессарабова Н.В. «… Она была рождена для больших дел». Летопись жизни княгини Е.Р. Дашковой. М., 2009. С. 29.

она возбуждала и поощряла всех недовольных настоящим правительством»[1].

В своих мемуарах Бэкингэмшир описал внешность и характер Екатерины Романовны: «Княгиня Дашкова, дама, чье имя, как она того несомненно желает, останется в памяти следующих поколений, замечательно хорошо сложена и производит приятное впечатление… Лицо ее красиво и черты его совсем недурны»[2]. Она много читает, обладает «одинаковой живостью тела и ума и быстро схватывает ситуацию». Посол отметил, что Дашковой присущи «превосходящая всякое описание смелость», а также… черствость. При определенных условиях, полагал он, первой ее мыслью было бы освободить все человечество, а следующей — «превратить людей в своих рабов». Ему явно импонировала расположенность Екатерины Романовны к английской нации. Однажды в разговоре с ним Дашкова заявила: «Почему я не родилась англичанкой? Я обожаю свободу и порыв вашей нации»[3].

Рассуждая об особой привязанности ряда высокопоставленных чиновников к Англии, Бэкингэмшир считал, что таковых было при дворе Екатерины II немного. Большинство же сановников, особенно тех, кто выполнял дипломатические поручения при иностранных дворах, по его мнению, были «весьма пристрастны» к французской нации. «Правами, обычаями и языком» французов они приучены восхищаться, вследствие данного им воспитания, и потому «в силу ли этого пристрастия или просто невежества, их депеши наполнены внушениями неутомимых эмиссаров этой страны»[4]. К «франкофилам» Бэкингэмшир поначалу причислял и кня-

---

[1] СИРИО. Т. XII. С. 113.

[2] Секретные мемуары, относящиеся к кабинету в Санкт-Петербурге // Соколов А.Б. Английский дипломат о политике и дворе Екатерины II. Вопросы истории. М., 1999. № 4–5. С. 122.

[3] Там же. С. 128.

[4] СИРИО. Т. XIX. С. 159.

гиню Дашкову. Дипломат полагал, что она «сильно предана интересам Франции»[1]. Между тем, современный историк Э. Кросс считал княгиню англоманкой, одной из тех, кто «глядел на Англию с почтением и восторгом»[2]. Подобное противоречие в оценках пристрастий Дашковой к той или иной европейской культуре объяснялось, на наш взгляд, довольно просто. В юности княгиня, как и большинство представителей аристократических семейств, получила французское образование, интересовалась французской культурой, в зрелые же годы, особенно после посещения Великобритании в 1769–1771 гг., она увлеклась трудами английских просветителей, с некоторыми из них даже познакомилась лично. В своих «Путевых заметках» Дашкова с восторгом писала: «Англия мне более других государств понравилась. Правление их, воспитание, обращение, публичная и приватная их жизнь, механика, строения и сады, все заимствует от устройства первого и превосходит усильственные опыты других народов в подобных предприятиях»[3]. Как видно, культурные пристрастия княгини с годами заметно изменились: из галломанки она превратилась в англоманку.

Остановился на характеристике княгини Дашковой в одном из своих донесений и Макартни. Так, он подметил, что, овдовев, княгиня стала вести уединенный образ жизни, а вскоре решила переехать в Москву. Перед отъездом она пришла проститься с императрицей. Поскольку ей давно уже был запрещен приезд ко двору, потребовалось ходатайство графа Панина, чтобы Екатерина II согласилась увидеться с ней перед отъездом. «Прием, оказанный ей, был таков, как ей и следовало ожидать, т.е. холоден и неприветлив; кажет-

[1] Там же. С. 80, 113.

[2] Кросс Э. У Темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке. СПб., 1996. С. 151.

[3] Путешествие одной российской знатной госпожи по некоторым англинским провинциям // Опыт трудов Вольного российского собрания при имп. Московском университете. М., 1775. Ч. 2. С. 106.

ся, все рады ее отъезду», — сообщал посол, а затем дополнял свою информацию собственными наблюдениями о княгине. «Будучи лишь двадцати двух лет от роду, — писал Макартни, — она уже участвовала в полудюжине заговоров; первый из них (дворцовый переворот 1762 г. — *Т. Л.)* удался, но не получив заслуженной, по ее мнению, награды, она принялась за новые заговоры, которые оказались неуспешными; единственное ее наказание состояло в лишении милостей государыни, сохранившей к ней до тех пор некоторое расположение. Эта женщина, — продолжал дипломат, — обладает редкой силой ума, смелостью, превосходящей храбрость любого мужчины и энергией, способной предпринимать задачи самые невозможные, для удовлетворения преобладающей ее страсти; такого рода характер весьма опасен в стране, подобной здешней, особенно, когда он является рядом с привлекательным обращением и красивой наружностью»[1].

Любопытные детали о близкой приятельнице императрицы сообщал Генрих Ширли. «Я окружен врагами, внушающими мне тем большее опасение, что все они прикрываются личиной дружбы и не имею ни одного друга, кроме княгини Дашковой, пользующейся величайшей милостью графа Панина, — сообщал дипломат в депеше от 4 ноября 1767 г. — Нельзя сказать, чтобы императрица имела личное уважение к ней; но она сильно ее опасается и чрезвычайно вежлива к ней. Я уже испытал благие последствия ее покровительства; и при дворе, подобном здешнему, дружба министра составляет единственную желательную цель»[2]. Ширли упомянул о Дашковой также в связи со своими рассуждениями о предполагаемом или замышляемом дворцовом перевороте, когда великому князю исполнится 16 лет, и встанет вопрос о его притязаниях на трон.

Как видно, все дипломаты информировали официальный Лондон только о женщинах-аристократках, главным

[1] СИРИО. Т. XIX. С. 199-200.
[2] Там же. С. 322.

образом о Екатерине II и ее сподвижнице Е.Р. Дашковой. Исключение составлял Джордж Макартни, который, характеризуя российское общество в книге «Очерк о России 1767 года», рассматривая социальное положение отдельных групп российского общества, особое внимание уделил также роли женщин в нем. Женщины из простонародья, писал он, продолжают оставаться в том же «состоянии варварства и подчинения своим мужьям», которое не раз описывали прежние путешественники. Что касается жен горожан или купцов, то они, как говорят, обладают качествами, которые составляют тип «la bonne femme du vulgaire» («заурядных женщин»). Среди некоторых дам из высшего света, с которыми Макартни довелось познакомиться за время пребывания в России, превалировали, на его взгляд, «распутство и безграничная распущенность». Да, и вообще, по его мнению, женское целомудрие редко процветало при дворе и не особенно ценилось. Причина тому — воспитание, полученное девушками в юности. В России воспитание доверено французским авантюристам, либо гувернанткам-француженкам, — писал Макартни, «отсутствие способностей которых является наименьшим недостатком, а предыдущая деятельность не заслуживает доверия». Этим объясняется, почему в умении одеваться, в элегантности русские женщины высшего круга превосходят женщин соседних государств. В то же время испорченные «небрежным или уродливым воспитанием», они не находят никаких ресурсов в себе и бросаются на любой объект, который может развлечь или занять их внимание. Не испытывая чувств, непостоянные в своем выборе, девицы часто капризны и ветрены в своих сердечных привязанностях. Они тщеславны и легкомысленны, не обращают внимания на ожидающую опасность их бесчестия, не стыдятся огласки, равнодушны к позору.

Макартни обратил внимание на одну из характерных черт, присущих русскому дворянству в целом и дамам света, в частности. Это — подражание чужой жизни и нравам при игнорировании своего национального, когда, вопреки здра-

вому смыслу, перенимаются несоответствующие местному климату мода и чужие обычаи. В подтверждение своих слов дипломат приводил в пример русских дам, которые, подражая француженкам, на Пасху надевают весенние наряды, хотя на дворе в эту пору лежит снег и стоит холод.

Критически отзываясь о дамах высшего света, англичанин вынужден был признать, что подобные характеристики относятся не ко всем придворным дамам, поскольку среди них он может назвать таких, которые «составляют украшение своего пола», хотя число их незначительно, и они являются исключением из общего правила[1]. Возможно, что именно наблюдения за деятельностью княгини Дашковой, привели дипломата к выводу о заметной роли женщин в российском обществе. «Несмотря на свирепость этого народа, - писал он, — женщина, по-видимому, пользуется здесь таким же влиянием, как и между самыми цивилизованными нациями»[2].

Итак, как показал анализ высказываний о российских женщинах британских послов, в поле их зрения оказались исключительно дамы высшего света, прежде всего сама императрица и ее ближайшая соратница княгиня Е.Р. Дашкова. В том не было ничего удивительного, поскольку дипломаты практически не покидали Петербург и вращались главным образом среди придворных и сановников. Общаться с протолюдинками им просто не довелось. Что касается оценок характера и деятельности Екатерины II, о которой больше всего и писали послы, то во многом они были объективными. И хотя более критические оценки политики императрицы давали те из них, чья профессиональная деятельность завершилась неудачно из-за неуступчивости российской дипломатии в переговорах, в осуждении деспотического правления Екатерины II все послы были единодушными. В то же время британские дипломаты были вынуждены признать

[1] An Account of Russia. 1767. L., 1768. P. 57-58.
[2] СИРИО. Т. XII. С. 200.

большие заслуги императрицы в проводимой ею внутренней и внешней политике, а также высоко оценить такие ее качества, как смелость, решительность, незаурядный ум и целеустремленность к достижению блага России. Что касается представленного британцами портрета княгини Е.Р. Дашковой, то он убеждает, что дамы света в России ни в чем не уступали жительницам европейских городов. Воспитание и образование, следование европейской моде и этикету, манеры поведения — все это сближало российских аристократок с дамами из европейских стран, что в свою очередь, позволяло отдельным дипломатам причислять, хотя бы и отчасти, Россию к «цивилизованным нациям». Как бы то ни было, знакомство с восприятием дипломатов известных женщин России расширяет и обогащает наши представления о культурной и социальной истории страны второй половины XVIII века.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе // Сборник императорского русского исторического общества. Т. XII. СПб., 1883.

Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе // Сборник императорского русского исторического общества. Т. XIX. СПб, 1876.

Лорд Мальмсбюри (Гаррис) о России в царствование Екатерины II. 1781–1783 годы // Русский архив. М., 1868. №. 4.

Лорд Мальмсбюри (Гаррис) о России в царствование Екатерины II. 1781–1783 годы // Русский архив. М., 1866. № 7.

Лорд Мальмсбюри (Гаррис) о России в царствование Екатерины II. 1781–1783 годы // Русский архив. М., 1874. № 11.

Письма Екатерины к Понятовскому // Тайны и истории Екатерины II в воспоминаниях современников, оценках историков. М., 1998.

Путешествие одной российской знатной госпожи по некоторым англинским провинциям // Опыт трудов Вольного российского собрания при имп. Московском университете. М., 1775. Ч. 2.

Секретные мемуары, относящиеся к кабинету в Санкт-Петербурге // Соколов А.Б. Английский дипломат о политике и дворе Екатерины II. Вопросы истории. М., 1999. № 4–5.

An Account of Russia. 1767. L., 1768.

Memoires and Correspondence (Official and Familiar) of Sir Robert Murray Keith. L., 2011. Vol. I.

Исследования

Белозерская Н.А. Россия в шестидесятых годах прошлого века // Русская старина. Кн. IX. СПб., 1887.

Кросс Э. У Темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке. СПб., 1996.

Лабутина Т.Л. Британские дипломаты и Екатерина II. Диалог и противостояние. СПб., 2019.

REFERENCES

Sources

Diplomaticheskaya perepiska anglijskikh poslov i poslannikov pri russkom dvore // Sbornik imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshhestva. T. XII. SPb., 1883.

Diplomaticheskaya perepiska anglijskikh poslov i poslannikov pri russkom dvore// Sbornik imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshhestva. T. XIX. SPb., 1876.

Lord Mal`msbyuri (Garris) o Rossii v czarstvovanie Ekateriny` II. 1781-1783 gody`// Russkij arkhiv. M., 1868. №. 4.

Lord Mal`msbyuri (Garris) o Rossii v czarstvovanie Ekateriny` II. 1781-1783 gody`// Russkij arkhiv. M., 1866. № 7.

Lord Mal`msbyuri (Garris) o Rossii v czarstvovanie Ekateriny` II. 1781-1783 gody`// Russkij arkhiv. M., 1874. № 11.

Pis`ma Ekateriny` k Ponyatovskomu// Tajny` i istorii Ekateriny` II v vospominaniyakh sovremennikov, oczenkakh istorikov. M., 1998.

Puteshestvie odnoj rossijskoj znatnoj gospozhi po nekotory`m

anglinskim provincziyam// Opy`t trudov Vol`nogo rossijskogo sobraniya pri imp. Moskovskom universitete. M., 1775. Ch. 2.

Sekretny`e memuary`, otnosyashhiesya k kabinetu v Sankt-Peterburge // Sokolov A.B. Anglijskij diplomat o politike i dvore Ekateriny` II. // Voprosy` istorii. M., 1999. № 4–5.

An Account of Russia. 1767. L., 1768.

Memoires and Correspondence (Official and Familiar) of Sir Robert Murray Keith. Lnd., 2011. Vol. I.

Scientific research

Belozerskaya N.A. Rossiya v shestidesyaty`kh godakh proshlogo veka // Russkaya starina. Kn. IX. SPb., 1887.

Kross E. U Temzskikh beregov. Rossiyane v Britanii v XVIII veke. SPb., 1996.

Labutina T.L. Britanskie diplomaty` i Ekaterina II. Dialog i protivostoyanie. SPb., 2019.

И.В. Дайнеко
(Ростов-на-Дону)

АНГЛИЧАНИН ВО ФРАНЦИИ В 1802 ГОДУ

ЧАРЛЬЗ ДЖЕЙМС ФОКС В ПАРИЖЕ

(ПО МАТЕРИАЛАМ ОТЧЕТА ЛИЧНОГО СЕКРЕТАРЯ ФОКСА — ДЖОНА БЕРНАРДА ТРОТТЕРА)

В марте 1802 года между Великобританией и Францией был заключен мирный договор в Амьене. Это событие поспособствовало потеплению отношений между двумя государствами. Англичане получили возможность отправиться в путешествие во Францию, как считалось, для укрепления связей, в том числе и культурных.

В августе в Париж прибыл глава вигской «партии» Чарльз Джеймс Фокс. Основной целью поездки лидер британской парламентской оппозиции обозначил изучение французских архивов и написание работы по истории правления Якова II[1]. Фокс действительно провел большую часть времени в музеях и библиотеках французской столицы, но прибытие такого крупного политика не могло остаться незамеченным в Париже. Вождь вигов стал желанным гостем в

[1] Trotter J.B. Memoirs of the latter years of the Right Honourable Charles James Fox. London: Printed for R. Phillips by G. Sidney, 1811. P. 177.

домах представителей французской элиты. Сторонник революции 1789 г. и либерал Фокс был одним из немногих англичан, которым восхищались и которого уважали в кругах сторонников Наполеона.

Таким образом, представляется интересным проанализировать как саму поездку Ч. Фокса, так и оценки лидером британской парламентской оппозиции представителей французской элиты.

Базовым источником для написания статьи является отчет о поездке в Париж в работе «Воспоминания о последних годах жизни достопочтенного Чарльза Джеймса Фокса»[1], написанной личным секретарем Фокса Джоном Бернардом Троттером. Поскольку большую часть путешествия они провели вместе, описание действий главы вигов вышло довольно подробным. Данный источник ранее не привлекал должного внимания в отечественной историографии, так что эта довольно ценная информация, позволяющая нам увидеть то, как либеральная политическая элита Великобритании относилась к Франции и представителям ее политической и военной элиты, является практически незатронутой российскими исследователями.

В исторической науке анализ деятельности Фокса в Париже в 1802 году дается в контексте общения лидера вигов с Наполеоном Бонапартом. Начиная с XIX века, эта проблема неизменно рассматривалась исследователями биографии британского политика. Так, в опубликованном в 1859 году третьем томе труда «Жизнь и время Чарльза Джеймса Фокса»[2] лорд Джон Рассел описывал поездку лидера британской парламентской оппозиции в Париж. Автор, опираясь в качестве источника на личную переписку Фокса, дал краткий анализ визита, показав бытовую сторону жизни высшего общества во Франции. В начале XX века опубликовал рабо-

[1] Ibid.

[2] Russel J.R. The life and times of Charles James Fox. London, 1859. Vol. 3.

ту «Чарльз Джеймс Фокс: политическое исследование»[1] Дж. Л. Хаммонд. Монография представляла собой изложение основных событий жизни главы вигской партии в столице Франции. Визиту в Париж в этом труде уделено достаточно мало места, но представлена авторская позиция относительно взаимодействия британского политика с французской политической элитой.

Ближе к концу прошлого века выходят несколько биографических работ посвященных Фоксу. Это труды таких авторов как: Л. Рид[2], Д. Пауэлл[3], Дж. Дерри[4], С. Эйлинг[5] и Л. Митчелл[6]. Первые четверо историков рисовали довольно схожую картину событий июля – ноября 1802 года. Исследователи демонстрируют частную жизнь Фокса в Париже. В своих работах авторы придавали большое значение освещению мелких бытовых аспектов парижской жизни, в то же время политические и культурные составляющие являются для них зачастую лишь фоном. Общим среди оценок исследователей представляется утверждение о доброжелательной позиции главы вигов по отношению к Наполеону.

Пожалуй, только один Л. Митчелл трактовал события 1802 года совершенно иным образом[7]. В монографии автор сосредоточился на отношениях Фокса с Наполеоном, частично проигнорировав других политических деятелей, среди которых, в частности, особенно можно выделить Лафайета и

---

[1] Hammond J.L. Le B. Charles James Fox: a political study. L.: Methuen & Company, N. Y.: James Pott & Company, 1903.

[2] Reid L. Charles James Fox: a man for the people. Columbia: University of Missoury Press, 1969.

[3] Powell D. Charles James Fox. L.: Hutchinson, 1989.

[4] Derry J.W. Charles James Fox. L.: Batsford, 1972.

[5] Ayling S.E. Fox: the life of Charles James Fox. L.: J. Murray, 1991.

[6] Mitchell L.G. Charles James Fox. Oxford University Press, 1992. — https://archive.org/details/charlesjamesfox00mitc (февраль, 2022).

[7] Ibid.

Талейрана. И если отношения с министром иностранных дел Франции еще как-то затрагиваются, то «герой Старого и Нового света» практически не упоминается. Оригинальным является взгляд на позицию Фокса относительно мирных намерений Наполеона. Л. Митчелл приводит аргументы, свидетельствующие о явном недовольстве лидера вигской «партии» действиями Первого консула Франции. В конце главы исследователь констатирует факт полного разочарования Фокса относительно поездки в Париж и личности Наполеона[1]. Такой взгляд оригинален, особенно на фоне представителей отечественной историографии.

Интересна позиция зарубежных исследователей наполеоновской эпохи. Например, Верне в монографии «История Наполеона»[2] рассматривает поездку 1802 года в рамках встречи Фокса с первым консулом Франции. Автор считает, что именно в этот период сложились теплые отношения между лидером британской парламентской оппозиции и Наполеоном[3]. Джон Голдворт Элджер в монографии «Британские ские гости и пленники Наполеона»[4] подробно описывает путешествие Фокса в Париж в 1802 году. Исследователь предлагает в работе воспринимать поездку не только как желание главы вигов изучить историю своего дальнего предка Якова II, но и как возможность встретиться с Первым консулом Франции лично[5]. В центре внимания историков всегда были контакты Фокса с Наполеоном, в то же время взаимодействие главы вигов с другими политическими акторами практически не рассматривалось.

Российские исследователи ввиду полного отсутствия работ о самом Фоксе, в основном анализируют поездку ли-

---

[1] Ibid.

[2] Верне Г. История Наполеона. СПб.: Издательство В. Семененко-Крамаревского и А. Красовского, 1842.

[3] Там же. С. 206-207.

[4] Alger J.G. Napoleon's British visitors and captives 1801–1815. Westminster, 1904.

[5] Ibid. P. 29.

дера британской парламентской оппозиции в связи с политикой Наполеона. Опуская взаимоотношения главы вигской «партии» с элитой Франции, историки слегка затрагивают сюжет о встрече главы вигов с Первым консулом. Так, О.В. Соколов, отмечает, что Чарльз Джеймс Фокс положительно оценивал Наполеона и верил в искренность его намерений относительно мира между Великобританией и Францией[1].

Прежде чем приступить к анализу контактов Фокса в Париже 1802 года, следует отметить несколько важных фактов касающихся причины поездки. Глава «партии» вигов направился во Францию в июле, спустя 14 лет после своего первого путешествия туда в 1788 году. В новой поездке его сопровождали — жена, миссис Армистед, личный секретарь Джон Бернард Троттер и член британского парламента от Сент-Эндрю Сент-Джон. Официальная версия поездки — работа с источниками о правлении Якова II. Но, как считалось в Англии, основная причина путешествии главы вигов в Париж состояла в его стремлении лично встретиться с Первым консулом Франции. Знаменитый карикатурист Гилрей даже изобразил встречу Фокса и Наполеона в работе «Представление гражданина Вольпоне и его свиты в Париже»[2]. На картине глава вигов со своей женой изображены с ярко выраженным лишним весом и низко кланяющимися правителю Франции. Гилрей, будучи сторонником консерваторов, был довольно невысокого мнения о Фоксе, поэтому старался в максимально смешном виде представить британского либерального оппозиционера. Исходя из материала источников, достоверно неизвестна причина поездки лидера вигов в Париж. Но, как считает в своем отчете Троттер, Фокс не горел желанием встречаться с кем-либо и проводил большую часть

[1] Соколов О.В. Битва двух империй 1805–1812. СПб.: Астрель-СПб., 2012.

[2] Introduction of Citizen Volpone and his suite, at Paris. — https://www.npg.org.uk/collections/search/portrait/mw62657/Introduction-of-Citizen-Volpone-and-his-suite-at-Paris (февраль, 2022).

времени в архивах, библиотеках и музеях[1]. Подтверждают этот факт и данные записей министра иностранных дел Франции Шарля Мориса Талейрана, приведенные Д. Г. Элджером[2], который по просьбе своего друга — Чарльза Джеймса Фокса, послал тому кипу скопированных депеш Барильона[3].

Явившись в конце июля 1802 года в Париж, Фокс обустроился в отеле «Ришелье». Как указывает исследователь Д.Г. Элджер, это был тот же особняк, где жил глава вигов со своей женой во время путешествия в 1788 году[4]. Окончательно устроившись на месте жительства, Фокс практически сразу же отправился изучать архивы. Главу вигов слабо интересовали светские беседы во время поездки в Париж[5], считает Джон Троттер. Но, будучи английским джентльменом, лидер британской парламентской оппозиции не смог отказаться от приглашения в театр. Через несколько суток после прибытия в Париж о приезде знаменитого политика знала большая часть французской элиты. Во время спектакля, когда в театр зашел Фокс, публика взорвалась аплодисментами[6], глава вигской «партии» был давним любимцем среди либеральных сторонников Наполеона.

Спустя 12 дней пребывания в Париже Фокс был представлен английскими дипломатами лично Первому консулу

---

[1] Trotter J.B. Memoirs of the latter years of the Right Honourable Charles James Fox. L.: Printed for R. Phillips by G. Sidney, 1811. P. 183.

[2] Alger J.G. Napoleon's British visitors and captives 1801–1815. Westminster, 1904. P. 29.

[3] Пол Барильон д’Амонкур, маркиз де Бранж (1630–1691) — французский посол в Англии во времена правления Карла II и Якова II, с 1677 по 1688 гг.

[4] Ibid.

[5] Trotter J.B. Memoirs of the latter years of the Right Honourable Charles James Fox. L.: Printed for R. Phillips by G. Sidney, 1811. P. 177.

[6] Ibid. P. 204.

Франции. Это была их первая встреча. Наполеон старался произвести впечатление на лидера британских вигов. Его речь, видимо заранее подготовленная, как считает Лорен Рид[1], была наполнена комплиментами в адрес Фокса: «Мистер Фокс! С удовольствием услышал о вашем прибытии. Очень хотел вас увидеть. Я давно восхищался вашим ораторским мастерством и считаю вас другом моей страны. В вас, мистер Фокс, я с большим удовлетворением вижу того великого государственного деятеля, который может способствовать миру… который видел, что Европа была опустошена без всякой цели, и кто боролся за то, чтобы облегчить ее жизнь»[2]. Тем не менее, эта, достаточно хвалебная речь, не произвела особого впечатления на британского политика. Как пишет Троттер: «Мистер Фокс почти ничего не ответил на комплимент в свой адрес, он всегда испытывал непреодолимое отвращение к таким хвалебным речам; и при этом он не удостоил ни слова восхищения возвышенного персонажа, который обратился к нему»[3]. Таким образом, первая встреча Фокса и Наполеона, согласно секретарю лидера британской парламентской оппозиции, закончилась, по сути, неудачно. Данный факт подтверждается и в другом источнике. Очевидец событий генерал Фицпатрик, писал об этом следующее: «Наполеон был очень вежлив со всеми представленными ему англичанами, но особенно с мистером Фоксом. Консул обратился к нему с речью, очевидно, подготовленной, и, по-видимому, стремился не забыть ни одной ее части. Фокс был недоволен такими комплиментами... Во время ужина двое государственных мужей говорили о политике. Но результат был едва ли более удовлетворительным. Явно раздраженный,

[1] Reid L. Charles James Fox: a man for the people. Columbia: University of Missoury Press, 1969. P. 384.

[2] Ibidem.

[3] Trotter J. B. Memoirs of the latter years of the Right Honourable Charles James Fox. L.: Printed for R. Phillips by G. Sidney, 1811. P. 267.

Наполеон снова вернулся к идее большой постоянной армии, Фокс же выставил себя защитником политики Питта»[1].

Л. Митчелл считает это подтверждением негативного отношения Фокса к Наполеону[2]. Развивая свою мысль, исследователь полагает, что с этого момента и последующего ужина позиция лидера вигов касательно Первого консула кардинально изменилась. Если ранее Фокс считал намерения Наполеона заключить мир искренними, то теперь он увидел, что знаменитым полководцем двигали лишь политические мотивы[3]. Но, данный тезис слабо обоснован и не подтверждается источниками. В частности, Джон Троттер, относительно беседы во время ужина, пишет следующее: «Мистер Фокс, однако, был доволен или, можно сказать, удивлен. После ужина, который был коротким, Первый консул удалился с несколькими избранными в апартаменты мадам Бонапарт в Тюильри, где и провел остаток вечера. Г-н Фокс, по-видимому, считал Бонапарта молодым человеком, который был сильно опьянен своим успехом и неожиданным взлетом, и не сомневался в его искренности в отношении поддержания мира»[4]. Таким образом, мнение относительно Наполеона у Фокса, несмотря на незначительные колебания между официальной встречей и светским ужином, было, в целом, положительным. Глава вигов считал, что если британские министры смогут с должным пониманием взаимодействовать с Первым консулом Франции, то мир между государствами продлится достаточно долго.

Как было отмечено выше, большинство историков склоняются к мнению, что поездка в Париж способствовала

---

[1] Mitchell L.G. Charles James Fox. Oxford University Press, 1992. — https://archive.org/details/charlesjamesfox00mitc (февраль, 2022).

[2] Ibid.

[3] Ibid.

[4] Trotter J.B. Memoirs of the latter years of the Right Honourable Charles James Fox. L.: Printed for R. Phillips by G. Sidney, 1811. P. 316.

формированию положительных оценок Наполеона Фоксом. Например, Стивен Эйлинг считает, что Фокс был уверен в намерении Бонапарта сделать все для мира между государствами. Как отмечает историк, в Великобритании главу вигов считали в некоторой мере профранцузским политиком, практически не замечавшим преступления Первого консула, совершенные им во время захвата власти в стране и агрессии против союзников англичан по второй коалиции[1].

Вечером, после официального приема у Наполеона, Фокс отправился в гости к своему знакомому — министру иностранных дел Франции Шарлю-Морису Талейрану. Троттер пишет, что мистера Фокса приняли с большой вежливостью и подчеркнутым вниманием»[2]. По-видимому, Талейран хотел лишь подчеркнуть теплые отношения между политиками и странами. Фокс был рад встрече и приему. Согласно записям Троттера не омрачил вечер даже тот факт, что у французского министра были рабы-негры: «За креслом мадам Талейран разместились два молодых негра, великолепно одетых в кружевные одежды»[3]. Фокс, известный аболиционист, вероятно, проигнорировал этот факт, по крайней мере, ни в одном источнике нет иной информации. Можно предположить, что данный инцидент свидетельствует о важности для британского оппозиционера отношений с Талейраном, поскольку в ином случае, вряд ли их общение продолжилось бы в благоприятном ключе. Косвенно подтверждает это и Троттер, считавший, что «Фокс и Талейран, самые талантливые люди в своих странах, которые способны повлиять на мирные переговоры в доброжелательной обстановке»[4].

---

[1] Ayling S.E. Fox: the life of Charles James Fox. L.: J. Murray, 1991. P. 214.

[2] Trotter J.B. Memoirs of the latter years of the Right Honourable Charles James Fox. L.: Printed for R. Phillips by G. Sidney, 1811. P. 281.

[3] Ibid.

[4] Ibid. P. 406.

Но, несмотря на старания министра иностранных дел Франции, британский политик все равно доверял ему с трудом. Репутация Талейрана уже в 1802 году была неидеальной. Совсем иные отношения сложились у Фокса с Лафайетом. Герой Войны за независимость Америки был давним другом лидера английских вигов. Как пишет Троттер: «В то время как Лафайет продвигал дело свободы в Америке, его благородный друг в британской Палате общин с равным рвением трудился, чтобы вдохновить упрямое и непросвещенное министерство с уважением относиться к правам человека и милосердием к замученным американцам»[1]. В августе 1802 года в Париже Фокс и Лафайет получили возможность встретиться и обсудить современные им политические проблемы. Троттер отмечает радость главы вигов при встрече со старым другом, который практически сразу пригласил британского политика к себе домой[2]. Лафайет был ярым сторонником либеральных идей, и с Фоксом они практически сразу нашли общий язык, несмотря на то, что не встречались уже много лет. Герой американской Войны за независимость с трудом принял провозглашение Наполеона пожизненным консулом. В этом вопросе Фокс с Лафайетом были абсолютно схожи, глава вигов также считал политическое решение Бонапарта не соответствующим идеалам республики[3]. Троттер упоминает в отчете хорошую атмосферу, которая царила в доме французского политика: «Мистер Фокс в этот день получил полное удовлетворение от теплой и чувственной беседы»[4].

Спустя две недели британский и французский политики вновь встретились в домашней обстановке. «Господин и ма-

[1] Trotter J.B. Memoirs of the latter years of the Right Honourable Charles James Fox. L.: Printed for R. Phillips by G. Sidney, 1811. P. 292.

[2] Ibid. P. 293.

[3] Ibid. P. 294-295.

[4] Ibid. P. 296.

дам Лафайет приняли мистера и миссис Фокс самым сердечным образом»[1]. Старые друзья в непринужденной атмосфере снова обсуждали интересующие их вопросы. Лафайет, побывавший в плену и тюрьме, выглядел довольно уставшим от проблем мира и войны и не желал больше заниматься политической деятельностью. Троттер отмечает, что «Фокс был очень счастлив в Ла-Гранж; каждая вещь подходила там его вкусу, и он был, кроме того, удовлетворен, видя, что его друг после жизни, полной опасностей, и нескольких лет плена, вернулся к мирной жизни в ла-Гранж, находится в окружении родных и доволен, что сделал все, что мог для своей страны и свободы»[2]. Таким образом, лидер вигов увидел уставшего от войн и революций политика, чьи амбиции теперь ограничивались лишь спокойной жизнью в лоне своей семьи. Фокс был рад за своего друга, который мог теперь отдохнуть. Позже, находясь уже в Англии, глава вигской «партии» писал своему племяннику Генри Ричарду Вассал-Фоксу: «Действительно, мне почти нечего рассказать вам о моей жизни в Париже, вид Лафайета и его семьи, а также совершенная привязанность их всех к нему и его к ним были очаровательны»[3].

Обращаясь к позиции Фокса в отношении менее значительных акторов, необходимо отметить его встречу с аббатом Сийесом. С бывшим консулом глава вигов встретился в сентябре 1802 года в предместье Парижа. Там Сийес наслаждался почти что сельским уединением в поместье, данном ему новым консульским правительством за заслуги перед Францией. Политик был доволен спокойной жизнью и выглядел счастливым человеком[4], как считает Троттер. Фокс же отзывался об аббате Сийесе довольно критично, скорее даже нега-

[1] Ibid. P. 321.

[2] Ibid. P. 327.

[3] Memorials and Correspondence of Charles James Fox / Ed. By J.R. Russel. Vol. 3. L.: R. Bentley, 1854. P. 202.

[4] Trotter J. B. Memoirs of the latter years of the Right Honourable Charles James Fox. L.: Printed for R. Phillips by G. Sidney, 1811. P. 277.

тивно: «Мистер Фокс, казалось, рассматривал его в положительном свете, но был о нем не очень высокого мнения»[1].

Относительно других политических деятелей Франции, информации в источнике довольно мало. Так, Троттер упоминает об ужине у генерала Бертье, но пишет о нем крайне скупо. Позже, из писем Фокса племяннику — Генри Ричарду Вассал-Фоксу можно понять, что глава вигов считает военачальника хорошим и честным человеком: «Бертье, с которым я очень сблизился после совместной охоты. Он мне очень нравится, и если бы я не был слишком невежествен в отношении кампаний, чтобы знать, какие вопросы следует задавать, я мог бы быть достаточно информирован, чтобы написать о них историю»[2].

В ноябре происходила встреча Фокса с другими представителями военной элиты Франции — Луи Антуаном де Бугенвилем и Андре Массена. К сожалению, Троттер пишет об этом довольно сжато, известно лишь то, что все собрались на ужине у Бертье и прекрасно провели время: «Развлечение было великолепным и поразительным»[3]. Секретарь составил собственное впечатление о военных, отметив их острый ум и прекрасную физическую форму[4].

После многочисленных встреч и работы в архивах Фокс стал серьезно подумывать о возвращении в Англию. Материал для работы о Якове II был собран, а от нахождения в компании французских знаменитостей британский политик уставал не меньше, чем от работы[5]. Троттер покинул Фокса на несколько недель раньше, глава вигов прибыл в Англию только в ноябре совместно со своим племянником Генри Ри-

---

[1] Ibid. P. 277.

[2] Memorials and Correspondence of Charles James Fox / Ed. By J.R. Russel. Vol. 3. L.: R. Bentley, 1854. P. 202.

[3] Trotter J.B. Memoirs of the latter years of the Right Honourable Charles James Fox. L.: Printed for R. Phillips by G. Sidney, 1811. P. 331.

[4] Ibid. P. 330-331.

[5] Ibid. P. 332-333.

чардом Вассал-Фоксом и другом генералом Фицпатриком. В ходе поездки Фокс осуществил задуманные ранее дела, и пришел к определенным выводам относительно политической элиты Франции. Но, тяга к Англии и родному дому была для британского оппозиционера сильнее, чем интерес к Наполеону, Талейрану, Лафайету, Сийесу и т.д. Как написал об этом позже сам Фокс в письме племяннику: «Конечно, я редко проводил время приятнее, чем в Париже, но все же я никогда в жизни не испытывал такого восторга от возвращения домой»[1].

Очевидно, в отношении путешествия во Францию можно сделать следующий вывод. Визит Фокса в Париж планировался скорее как светский и академический, установление дипломатических отношений не входило в первоочередные задачи британского политика, несмотря на противоположное мнение консервативной части английского парламента. Но, приезд столь знаменательной для Франции личности не мог остаться незамеченным и лидеру вигов на протяжении всего пребывания в столице составляли компанию ключевые политические и военные представители республики.

Таким образом, в ходе своей поездки «Бесподобный Чарли» встретился с существенной частью политической и военной элиты Франции. Несмотря на отдельные сложности в общении, глава вигов составил в целом положительное мнение о деятелях эпохи Наполеоновских войн. Оценка самого Первого консула вышла противоречивой, но Фокс, как считает большинство историков[2], был доволен лидером

[1] Memorials and Correspondence of Charles James Fox / Ed. By J.R. Russel. Vol. 3. L.: R. Bentley, 1854. P. 201.

[2] Hammond J.L. Le B. Charles James Fox: a political study. L.: Methuen & Company, N. Y.: James Pott & Company, 1903; Reid L. Charles James Fox: a man for the people. Columbia: University of Missoury Press, 1969; Powell D. Charles James Fox. L.: Hutchinson, 1989; Derry J.W. Charles James Fox. L.: Batsford, 1972; Ayling S.E. Fox: the life of Charles James Fox. L.: J. Murray, 1991; Соколов О.В. Битва двух империй 1805–1812. СПб.: Астрель-СПб, 2012.

Франции, хотя и расходился с ним в части вопросов. К министру иностранных дел глава британской парламентской оппозиции не питал особых чувств, но считал Талейрана важным политическим деятелем, укрепление связей с которым могло способствовать переговорам между двумя странами. Лафайет, старый друг Фокса, предстает в отчете ведущим тихую мирную жизнь, устав от постоянных конфликтов и войн. Глава вигов отзывается о французском политике сугубо в положительном ключе, но отмечает, что у того уже нет никаких амбиций. Второстепенные государственные акторы также получили определенную оценку. Если о способностях Сийеса Фокс не очень высокого мнения, то военная элита, в лице Бертье, Массена и Бугенвиля, представлены как достаточно талантливые военачальники Французской республики.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Источники / Sources

Introduction of Citizen Volpone and his suite, at Paris. — https://www.npg.org.uk/collections/search/portrait/mw62657/Introduction-of-Citizen-Volpone-and-his-suite-at-Paris (апрель, 2022).

Memorials and Correspondence of Charles James Fox / Ed. By J.R. Russel. Vol. 3. L.: R. Bentley, 1854.

Trotter J.B. Memoirs of the latter years of the Right Honourable Charles James Fox. L.: Printed for R. Phillips by G. Sidney, 1811.

Исследования / Scientific research

Верне Г. История Наполеона. СПб: Издательство В. Семененко-Крамаревского и А. Красовского, 1842 [Vernet H. Istoria Napoleona. SPb: Izdatelstvo V. Semenenko-Kramarevskogo i A. Krasovskogo, 1842].

Соколов О. В. Битва двух империй 1805–1812. СПб.: Астрель-СПб, 2012 [Sokolov O.V. Bitva dvyh imperiy. 1805–1812. SPb: Astrel-SPb, 2012].

Alger J.G. Napoleon's British visitors and captives 1801–1815. Westminster, 1904.

Ayling S.E. Fox: the life of Charles James Fox. L.: J. Murray, 1991.

Derry J.W. Charles James Fox. L.: Batsford, 1972.

Hammond J.L. Le B. Charles James Fox: a political study. L.: Methuen & Company, N. Y.: James Pott & Company, 1903.

Mitchell L.G. Charles James Fox. Oxford University Press, 1992. — https://archive.org/details/charlesjamesfox00mitc (апрель / April, 2022).

Powell D. Charles James Fox. L.: Hutchinson, 1989.

Reid L. Charles James Fox: a man for the people. Columbia: University of Missoury Press, 1969.

Russel J.R. The life and times of Charles James Fox. L., 1859. Vol. 3.

АННОТАЦИИ / SUMMARY

Атапин Евгений Александрович

ИТОГИ БРИТАНСКОГО РЕФЕРЕНДУМА 2016 ГОДА КАК РЕЗУЛЬТАТ РАЗВИТИЯ АНГЛИЙСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА В НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

На первый взгляд может показаться, что итоги референдума о членстве Великобритании в Евросоюзе, состоявшегося 23 июня 2016 г., символизировали победу британского евроскептицизма. Однако на деле все не так просто, особенно если сравнивать результаты, полученные в разных частях Соединенного Королевства: Англии, Уэльсе, Шотландии и Северной Ирландии. В данной статье дается объяснение, почему именно голосование в Англии предопределило Брексит. Исследуется, какую роль в таком исходе сыграл английский национализм. Анализируется, почему итоги волеизъявления могут быть закономерным следствием развития английского национализма в последние десятилетия.

Ключевые слова: английский национализм, референдум, Англия, евроскептицизм, Брексит.

Evgenii Atapin

THE RESULTS OF THE BRITISH REFERENDUM OF 2016 AS AN OUTCOME OF THE DEVELOPMENT OF ENGLISH NATIONALISM IN THE CONTEMPORARY HISTORY

At first glance, it might seem that the outcome of the 2016 referendum on UK membership in the European Union symbolized the victory of British euroscepticism. However, the reality is not so simple, especially when comparing the results obtained in different parts of the United Kingdom: England, Wales, Scotland and Northern Ireland. This article explains why the UK vote predetermined Brexit. It examines what role English nationalism played in this outcome. It is analyzed why the voting results can be a natural consequence of the development of British nationalism in recent decades.

Keywords: English nationalism, referendum, England, euroscepticism, Brexit.

ГАВРИЛОВ Сергей Николаевич

«ВЫ ВИДИТЕ В НАС НЕ ЛЮДЕЙ, А ЗВЕРЕЙ»

МОРЯКИ АНГЛИЙСКОГО КОРОЛЕВСКОГО ФЛОТА В КОНЦЕ XVI ВЕКА

Эпоха правления династии Тюдор в Англии — время рождения военного флота, его превращения из средневекового «события» в постоянно действующий институт. Не удивительно, что военно-морские силы этого периода традиционно привлекают внимание исследователей. В ходе развития науки менялись научные подходы и направления в исследовании истории королевского флота: от героической истории, объектом которой становились прославленные флотоводцы и победы, до институциональной истории, фокусировавшейся на исследовании повседневных механизмов функционирования военно-морских сил. Вне поля зрения ученых долгое время оставалась история простых моряков, без которых были бы невозможны как победы на море, так и само существование «морских стен Англии». Данная статья посвящена изучению положения английских моряков конца тюдоровской эпохи, ознаменовавшейся не только успешной защитой независимости страны, но и началом ее превращения в будущую Британскую империю.

Ключевые слова: Англия, Тюдоры, XVI век, становление королевского флота, моряки, военно-морское сообщество.

Sergey GAVRILOV

«YOU MAKE NO MEN OF US, BUT BEASTS»

SAILORS OF THE ENGLISH ROYAL NAVY AT THE END OF THE XVI CENTURY

The epoch of the Tudor dynasty in England is the time of the emergence of the navy, its transformation from a medieval “event” into a permanent institution. It is not surprising that the naval forces of this period traditionally attract the attention of researchers. In the course of the development of science, scientific approaches and directions in the study of the history of the Royal Navy changed: from heroic history, the object of which became famous naval commanders and victories, to institutional history, focusing on the study of everyday mechanisms of the functioning of naval forces. For a long time, the history of ordinary

sailors remained out of sight of scientists. But without sailors both victories at sea and the very existence of the “sea walls of England” would have been impossible. This article is devoted to the study of the history of sailors at the end of the Tudor epoch, which was marked not only by the successful defense of the independence of England, but also by the beginning of transformation this country into the future British Empire.

Keywords: England, Tudors, XVI century, emergence of the Royal Navy, sailors, naval community.

Дайнеко Илья Владиславович

АНГЛИЧАНИН ВО ФРАНЦИИ В 1802 ГОДУ

ЧАРЛЬЗ ДЖЕЙМС ФОКС В ПАРИЖЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ОТЧЕТА ЛИЧНОГО СЕКРЕТАРЯ ФОКСА — ДЖОНА БЕРНАРДА ТРОТТЕРА)

Статья посвящена визиту лидера британской парламентской оппозиции Чарльза Джеймса Фокса в Париж. Предпринята попытка рассмотреть цели поездки главы вигов и контакты с представителями французской политической и военной элиты. Основываясь на ключевом источнике исследования — отчете секретаря Фокса Джона Бернарда Троттера, была проанализирована царившая на момент прибытия англичан обстановка в Париже. Одним из ключевых моментов визита стала встреча британского политика с Наполеоном Бонапартом. Рассматриваются отношения между Фоксом и Первым консулом с точки зрения изменения личной позиции лидера вигов. В качестве подтверждения проблемности данного вопроса в исторической науке приводится заочная историографическая дискуссия Л. Митчелла, настаивавшего на негативном опыте переговоров политиков в Париже и основного пласта британских историков, представлявших рандеву государственных деятелей в положительном свете. Несколько второстепенны, но важны описания Троттером общения Фокса с министром иностранных дел Франции Шарлем-Морисом Талейраном и героем Американской войны за независимость Жильбером Лафайетом. Завершающим этапом пребывания в Париже можно считать контакты с аббатом Сийесом и военной элитой Франции — Бертье, Массена, Буггенвиль. В результате исследования автор приходит к выводу, что визит Фокса в Париж планировался скорее как светский и академический, установление дипломатических отношений

не входило в первоочередные задачи британского политика, несмотря на мнение консервативной части английского парламента. Но приезд столь знаменательной для Франции личности не мог остаться незамеченным и лидеру вигов на протяжении всего пребывания в столице составляли компанию ключевые политические и военные представители республики. В заключительном абзаце, с позиции Фокса, дается краткая характеристика представителей элиты эпохи консулата.

Ключевые слова: Чарльз Джеймс Фокс, Великобритания, Франция, международная политика, Наполеон Бонапарт, Джон Бернард Троттер.

Ilya DAYNEKO

AN ENGLISHMAN IN FRANCE IN 1802

CHARLES JAMES FOX IN PARIS (BASED ON THE REPORT OF FOX'S PERSONAL SECRETARY JOHN BERNARD TROTTER)

The article is devoted to the visit of the leader of the British parliamentary opposition, Charles James Fox, to Paris. An attempt is made to examine the purpose of the Whig leader's trip and his contacts with representatives of the French political and military elite. Based on the key source of the study, the report of Fox's secretary John Bernard Trotter, it analyzes the prevailing situation in Paris at the time of the British arrival. One of the key moments of the visit was the British politician's meeting with Napoleon Bonaparte. The relationship between Fox and the First Consul is examined in terms of the change in the personal position of the Whig leader. As evidence of the problematic nature of this issue in historical scholarship, the absentee historiographical discussion of L. Mitchell, who insisted on the negative experience of negotiations between the politicians in Paris, and the main stratum of British historians, who presented the rendezvous of the statesmen in a positive light, is cited. Somewhat secondary, but important, are Trotter's descriptions of Fox's interactions with French Foreign Minister Charles-Maurice Talleyrand and the hero of the American War of Independence, Gilbert Lafayette. The final stage of his stay in Paris can be considered contacts with Abbe Sieyes and the French military elite — Berthier, Massena, Bougainville. As a result of the study the author concludes that Fox's visit to Paris was planned more as a secular and academic, the estab-

lishment of diplomatic relations was not part of the primary tasks of the British politician, despite the opinion of the conservative part of the English Parliament. But the arrival to of such a prominent figure for France could not go unnoticed, and the Whig leader was accompanied by key political and military representatives of the republic throughout his stay in the capital. The concluding paragraph, from Fox's perspective, provides a brief description of the elite of the Consular era.

Keywords: Charles James Fox, Great Britain, France, international politics, Napoleon Bonaparte, John Bernard Trotter.

Киселев Александр Александрович

СЕБАСТЬЯН КАБОТ И ОРГАНИЗАЦИЯ АНГЛИЙСКИХ МОРСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ В СЕРЕДИНЕ XVI ВЕКА

Статья посвящена вкладу венецианского исследователя Себастьяна Кабота в подготовку английских морских экспедиций в 1550-е гг. В XV–XVI вв. английские купцы, подобно португальским и испанским, были заинтересованы в дальних заморских плаваниях и открытии новых земель. Главный интерес у них вызывал поиск доступных морских путей в страны Востока (Индия, Китай, Япония), а самую большую активность в этом направлении проявили торговцы из Бристоля и диаспора английских купцов из испанской Севильи. Наиболее известным среди них инициатором морских экспедиций «в Офир и Катай» был венецианец С. Кабот, прославившийся исследованиями побережья Северной и Южной Америки во имя английской, а затем испанской короны. Используя передовой опыт испанской навигации, Кабот внес основной вклад в подготовку первой английской экспедиции Х. Уиллоби и Р. Ченслера, отправившейся в 1553 г. на поиски Северо-Восточного прохода в Азию, однако открывшей морской путь из Англии в Россию. Также венецианец стал основателем и первым губернатором Московской торговой компании, осуществлявшей коммерцию между двумя странами. Деятельность С. Кабота слабо отражена в историографии. Основываясь на английских, испанских и венецианских источниках, автор исследует его вклад в становление тюдоровской Англии как морской державы и будущей колониальной империи.

Ключевые слова: Тюдоры, Кабот, Московская компания, Великие географические открытия, Северо-Восточный проход.

Aleksandr KISELEV

SEBASTIAN CABOT AND THE ORGANIZATION OF ENGLISH MARITIME EXPEDITIONS IN THE MIDDLE OF THE XVI CENTURY

The article focuses on the Venetian explorer Sebastian Cabot's contribution to the preparation of English maritime expeditions in the 1550s. In the fifteenth and sixteenth centuries English merchants, like those of Portugal and Spain, were interested in overseas voyages and the discovery of new lands. They were mainly interested in finding accessible sea routes to Eastern countries (India, China, Japan) and the most active in this direction were traders from Bristol and a diaspora of English merchants from Spanish Seville. The most famous among them was the Venetian Sebastian Cabot, who was known as explorer of the coasts of North and South America in the name of the English and then the Spanish crown. Using advanced Spanish navigational skills, Cabot was instrumental in preparing England's first expedition of Hugh Willoughby and Richard Chancellor, which set out in 1553 to find the Northeast Passage to Asia, but discovered a sea route from England to Russia. He was also the founder and the first governor of the Muscovy Company which conducted trade between Russia and England. Cabot's activities are poorly reflected in historiography. Based on English, Spanish and Venetian sources, the author examines his contribution to the formation of Tudor England as a maritime power and future colonial empire.

Keywords: Tudors, Cabot, Muscovy Company, Age of Exploration, Northeast Passage.

КЛОЧКОВ Виктор Викторович

СЭР РОБЕРТ ПИЛЬ (1788–1850) В БРИТАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ И В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННИКОВ

Статья посвящена политической биографии сэра Роберта Пиля (1788–1850) — выдающегося политического деятеля Великобритании первой половвины XIX в. При этом показывается, что с мо-

мента появления биографии Р. Пиля, созданной Н. Гэшем и считающейся сегодня классической (1972 г.), в британской историографии произошло серьезное переосмысление личности Р. Пиля, а его политические и интеллектуальные достижения оцениваются сегодня скромнее и с большей осторожностью. Также определенному пересмотру подверглись те аспекты биографии Р. Пиля, которые затрагивают его роль в основании современного консерватизма — в настоящее время его склонны оценивать скорее как протолиберала. Тем не менее, исследователи едины в том, что биографические подробности жизни Р. Пиля уже исвестны достаточно детально, а накопленный за последние полвека материал позволяет выделить несколько новых проблем, вокруг которых могла бы быть построена его современная проблемная биография. Одна из таких проблем особо затрагивается в статье — речь идет о несоответствии оценок Р. Пиля современниками и историографами: первые сосредоточены на его недостатках, вторые — на достоинствах. Показывается, что причиной этого несоответствия является его происхождение из рядов среднего класса и последующее перемещение в ряды аристократии: политическая биография Р. Пиля часто давала основания полагать, что интересы одной социальной группы он предавал, а вторая так и не признала его своим. Итогом работы стал вывод о том, что сегодня пришло время для написания новой, проблемной по своему построению биографии Р. Пиля, учитывающей особенности его ego и способной преодолеть разрыв в оценках этого незаурядного политика, которые давались ему современниками и историками.

Ключевые слова: Великобритания 20–50-х гг. XIX в., политическая система, сэр Роберт Пиль (1788–1850), политическая биография, партия тори, консервативная партия, эмансипация католиков, хлебные законы, британская историография, Р. Пиль в восприятии современников, новая биография Р. Пиля.

Victor Klochkov

SIR ROBERT PEEL (1788–1850) IN BRITISH HISTORIOGRAPHICAL RETROSPECT AND IN THE PERCEPTION OF CONTEMPORARIES

The article is devoted to the political biography of Sir Robert Peel (1788–1850), an outstanding British politician of the first half of the

XIX century. At the same time, it is shown that since the appearance of the biography of R. Peel, created by N. Gash and considered classic today (1972), there has been a serious rethinking of R. Peel's personality in British historiography, and his political and intellectual achievements are evaluated today more modestly and with greater caution. Also, those aspects of R. Peel's biography that affect his role in the foundation of modern conservatism have undergone a certain revision — at present they tend to evaluate him more as a protoliberal. Nevertheless, researchers agree that the biographical details of R. Peel's life are already known in sufficient detail, and the material accumulated over the past half century allows us to identify several new problems around which his modern problematic biography could be built. One of these problems is particularly touched upon in the article — we are talking about the discrepancy between the estimates of R. Peel by contemporaries and historiographers: the former focus on his shortcomings, the latter on his merits. It is shown that the reason for this discrepancy is his origin from the ranks of the middle class and his subsequent transfer to the ranks of the aristocracy: R. Peel's political biography often gave reason to believe that he betrayed the interests of one social group, and the second did not recognize him as its own. The result of the work was the conclusion that today it is time to write a new, problematic biography of R. Peel, taking into account the peculiarities of his ego and able to bridge the gap in the assessments of this extraordinary politician, which were given to him by contemporaries and historians.

Keywords: Great Britain of the 20–50s of the XIX century, political system, Sir Robert Peel (1788–1850), political biography, Tory Party, Conservative Party, Catholic Emancipation, Corn Laws, British historiography, R. Peel in the perception of contemporaries, a new biography of R. Peel.

Ковалёв Максим Александрович

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОЛЕМИКА В ВЕЛИКОБРИТАНИИ В 90-Е ГОДЫ XVIII ВЕКА

ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМФЛЕТА ДЖ. РИВЗА «МЫСЛИ ОБ АНГЛИЙСКОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ»

Статья рассматривает взгляды консервативного памфлетиста конца XVIII – нач. XIX вв. Дж. Ривза. Выступив с критикой кор-

респондентских обществ, появившихся в Англии под влиянием Французской революции, и в защиту королевской власти и «высокой церкви», мыслитель оказался обвинённым в клевете на английскую конституцию группой влиятельных вигов. На материале памфлета Ривза автор статьи анализирует особенности «крайнего торизма» конца XVIII в. как альтернативной по отношению к бёрковской традиции консерватизма. Основанная на ревизии вигизма, концепция Ривза оказалась для своего времени не актуальной в силу религиозной интерпретации общественно-политических событий своего времени.

Ключевые слова: Дж. Ривз, тори, консерватизм, конституция, монархия, республика, протестантизм, виги.

Maxim Kovalyov

POLITICAL POLEMICS IN GREAT BRITAIN IN THE 90S OF THE XVIIITH CENTURY

ON THE MATERIALS OF J. REEVS' PAMPHLET "THOUGHTS ON THE ENGLISH GOVERNMENT"

The article examines the views of J. Reeves, a conservative pamphleteer of the late XVIII century and the early XIX century. He criticized the corresponding societies that appeared in England under the influence of the French Revolution, and defended of the royal power and the "high church", and was accused of a libel on the English constitution by a group of influential Whigs. The author of the article analyzes the features of "extreme Toryism" of the XVIII century as an alternative to the Burkean tradition of conservatism on the material of Reeves' pamphlet. Reeves' concept was based on the revision of Whiggism and became not actual for his time due to the religious interpretation of the contemporary socio-political events.

Keywords: J. Reeves, Tory, conservatism, constitution, monarchy, republic, Protestantism, Whigs.

Лабутина Татьяна Леонидовна

«ЖЕНЩИНЫ ЕКАТЕРИНИНСКОЙ РОССИИ ГЛАЗАМИ БРИТАНСКИХ ДИПЛОМАТОВ»

В рамках востребованного в последние годы в отечественной науке направления (исторической имагологии) автор анализирует

взгляды британских послов при дворе Екатерины II на женщин-аристократок. Указанная проблема прежде не являлась предметом специального исследования в исторической науке. Опираясь на дипломатическую переписку дипломатов с госсекретарем Великобритании, а также их мемуары, в статье изучаются их высказывания об императрице и ее ближайшей сподвижнице княгине Е.Р. Дашковой. Выясняется, что послы обращали внимание исключительно на представительниц высших слоев российского общества не только потому, что были ограничены в возможностях контактировать с простолюдинками, но главным образом в силу полученных от короля инструкций — информировать правительство о Екатерине II и ее ближайшем окружении. Дипломаты обращали внимание на характерные черты, манеры поведения, внешность аристократок. Они критически оценивали проводимую императрицей внутреннюю и внешнюю политику, единодушно осуждая самодержавную форму правления в России. В то же время дипломаты были вынуждены признать большие заслуги Екатерины II в ее деятельности, а также высоко оценить такие качества, присущие ей, как смелость, решительность, незаурядный ум и целеустремленность к достижению блага России и ее граждан. Представленный британцами портрет княгини Е.Р. Дашковой позволяет сделать вывод о том, что дамы света в России мало, в чем уступали женщинам Европы, что в свою очередь, корректировало их оценки русского народа как «нецивилизованной нации». Знакомство с восприятием британских послов наиболее известных женщин России во второй половине XVIII века расширяет и обогащает представления современников о социокультурной истории страны.

Ключевые слова: Россия, Великобритания, вторая половина XVIII века, Екатерина II, княгиня Е.Р. Дашкова, послы, представления о женщинах.

Tatyana LABUTINA

“WOMEN OF CATHERINE'S RUSSIA THROUGH THE EYES OF BRITISH DIPLOMATS”

Within the framework of the direction demanded in recent years in Russian science (historical imagology), the author analyzes the views of the British ambassadors at the court of Catherine II on aristocratic women. This problem has not previously been the subject of special research

in historical science. Based on the diplomatic correspondence of diplomats with the Secretary of State of Great Britain, as well as their memoirs, the author examines their statements about the Empress and her closest associate Princess E.R. Dashkova. It turns out that the ambassadors paid attention exclusively to representatives of the upper strata of Russian society, not only because they were limited in their opportunities to contact with the people, but mainly because of the instructions received from the king — to inform the government about Catherine II and her inner circle. Diplomats paid attention to the characteristic features, demeanor, appearance of aristocrats. They critically assessed the domestic and foreign policy pursued by the Empress, and unanimously condemning the autocratic form of government in Russia. At the same time, the diplomats were forced to recognize the great merits of Catherine II in her activities, as well as to highly appreciate such qualities inherent in her as courage, determination, extraordinary intelligence and determination to achieve the good of Russia and its citizens. The portrait of Princess E.R. Dashkova presented by the British allows us to conclude that the ladies in Russia were little inferior to the women of Europe, which in turn corrected their assessments of the Russian people as an "uncivilized nation". Familiarity with the perception of British ambassadors of the most famous women of Russia in the second half of the 18th century expands and enriches the ideas of contemporaries about the socio-cultural history of the country.

Keywords: Russia, Great Britain, the second half of the 18th century, Catherine II, Princess E.R. Dashkova, ambassadors, imagens about women.

Лагошина Наталия Анатольевна

ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ ИРЛАНДКОЙ ЗНАТИ, ДЖЕНТРИ И НИЗШИХ СЛОЕВ НАСЕЛЕНИЯ В ЛОНДОНСКОМ ОБЩЕСТВЕ В КОНЦЕ XVII–XVIII ВЕКОВ

В данной статье анализируется процесс адаптации ирландцев в Лондоне в конце XVII–XVIII вв. Ирландская диаспора отличалась своей пестротой и разнообразием. Анализ источников позволяет выявить особенности адаптации представителей знати, джентри и низших слоев ирландского населения, а также изучить факторы и

степень ассимиляции, особенности менталитета и идентичности разных групп переселенцев. Выясняются причины эффективной ассимиляции ирландской аристократии и джентри в английском обществе, а также стратегии и механизмы взаимодействия, позволяющие им добиться успеха и занять высокие должности в мегаполисе. Показано, что неприятие лондонским обществом и устойчивые стереотипы способствовали усилению общинного самосознания и маргинализации неимущих ирландцев. Автор делает вывод о том, что лондонская среда и атмосфера в корпорациях повлияли на идентичность ирландских студентов-юристов, государственных деятелей и торговцев, обучение и опыт взаимодействия с иностранными студентами и партнерами способствовали формированию новой формы идентичности ирландцев метрополии.

Ключевые слова: адаптация ирландцев в Лондоне, XVIII век, ирландская идентичность, миграционные сети, маргинальность, общинное самосознание, общества взаимопомощи.

Natalia LAGOSHINA

FEATURES OF THE ADAPTATION OF THE IRISH NOBILITY, GENTRY AND LOWER SOCIAL ESTATE OF THE POPULATION IN LONDON SOCIETY AT THE END OF THE 17th – 18th CENTURIES

This article analyzes the process of adaptation of the Irish in London at the end of the 17th – 18th centuries. The Irish diaspora was distinguished by its diversity and diversity. The analysis of sources makes it possible to identify the features of adaptation of representatives of the nobility, gentry and the lower strata of the Irish population, as well as to study the factors and degree of assimilation, mentality and identity of different groups of settlers. The reasons for the effective assimilation of the Irish aristocracy and gentry in English society, as well as the strategies and mechanisms of interaction that allow them to succeed and take high positions in the metropolis, are clarified. It is shown that the rejection of the London society and persistent stereotypes contributed to the strengthening of communal self-awareness and the marginalization of the poor Irish. The author concludes that the London environment and atmosphere in corporations influenced the identity of Irish law students, statesmen and merchants, training and experience of interaction with

foreign students and partners contributed to the formation of a new form of identity for the metropolitan Irish.

Keywords: Irish adaptation in London, 18th century, Irish identity, migration networks, marginality, communal identity, mutual benefit societies.

Ласкова Наталья Васильевна

ОТ УРОДЛИВОГО ГОРБУНА К ГОЛУБОГЛАЗОМУ КРАСАВЦУ

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО ВИЗУАЛЬНОГО ОБРАЗА РИЧАРДА III В XXI ВЕКЕ

Прослеживается устойчивость диаметрально противоположных представлений в массовом сознании и историографии о Ричарде III: от имиджа уродливого злодея, сформировавшегося в рамках «Тюдоровского мифа», до отстаиваемого «ричардианцами» образа оклеветанного тюдоровской пропагандой достойного и мужественного монарха. Отдельное внимание уделяется археологическим находкам в Лестере 2012 г. и вопросу о роли современных научных технологий, в частности, генетической идентификации, позволяющих усилить доказательную базу в затянувшемся на столетия «великом споре» о Ричарде III.

Ключевые слова: Ричард III, Шекспир, Тюдоровский миф, Лестер, ричардианцы, Филиппа Лэнгли, Ричард Бакли, Майкл Ибсен, ДНК, реконструкция внешности, перезахоронение Ричарда III.

Natalia Laskova

FROM AN UGLY HUNCHBACK TO A BLUE-EYED HANDSOME MAN

THE FORMATION OF A NEW VISUAL IMAGE OF RICHARD III IN THE 21st CENTURY

The paper traces the persistence of diametrically opposite views of Richard III in the mass consciousness and historiography: from the image of an ugly villain, formed as part of the “Tudor myth”, to the image of a dignified and courageous monarch slandered by the “Richardians”, defended by the Tudor propaganda. Particular attention is paid to the archaeological finds in Leicester in 2012 and the role of modern scien-

tific technologies, in particular genetic identification, to strengthen the evidence in the “great controversy” about Richard III, which has been going on for centuries.

Keywords: Richard III, Shakespeare, Tudor myth, Leicester, Richardians, Philippa Langley, Richard Buckley, Michael Ibsen, DNA, reconstruction of appearance, Richard III's rebirth.

Мухин Максим Андреевич

«ЮНИОНИСТКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ» И УИЛЬЯМ РОБЕРТСОН

В рамках статьи оспаривается тезис исследователя Александра дю Туа, согласно которому шотландский историк Уильям Робертсон является ранним представителем «юнионистского национализма». Указывается на то, что «юнионистские националисты» испытывали гордость от принадлежности к шотландской нации, а чувства собственного достоинства и исключительности пронизывали их культуру, но при этом носители шотландской идентичности не были противниками единого с Англией государства. Выявляется отношение У. Робертсона к прошлому Шотландии, а также степень поддержки историком внутренней автономии Северной Британии. Рассматривается отношение У. Робертсона к объединению Англии и Шотландии в рамках Великобритании. Делается вывод о том, что нет существенных оснований полагать, что У. Робертсон придерживался взглядов, которые можно было бы отнести к «юнионистскому национализму». Отмечается, что исследование дю Туа поднимает проблему, которая не была затронута в более ранних научных работах и требует тщательного изучения.

Ключевые слова: Уильям Робертсон; юнионистский национализм; Александр дю Туа; Грэм Мортон; Шотландия.

Maxim Mukhin

«UNIONIST NATIONALISM» AND WILLIAM ROBERTSON

This article examines a statement by scholar Alexander du Toit that Scottish historian William Robertson is an early proponent of unionist

nationalism. It is pointed out that unionist nationalists were proud to be a part of Scottish nation, and the sense of their own dignity and pre-eminence ran through their culture. However, holders of Scottish identity were not opposed to a united states with England. The article points out how William Robertson felt towards the history of Scotland as well as the degree to which he supported autonomy for North Britain. The researchers make a conclusion that there is no substantial ground to claim that William Robertson had political views attributable to unionist nationalism. This article also notes that the work by du Toit raises an issue, not touched upon yet by earlier scientific studies, that demands a closer examination.

Keywords: William Robertson; unionist nationalism; Alexander du Toit; Graeme Morton; Scotland.

Рудая Ольга Ивановна

ИСТОРИЯ «ПОЛИТИЧЕСКИХ БЛУЖДАНИЙ» ДЖОНА СТРЭЧИ

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ БИОГРАФИИ В ПЕРИОД С 1924 ПО 1931 ГОДЫ

В статье рассматривается общественно-политическая деятельность британского экономиста, публициста и теоретика лейборизма первой половины XX в. Э. Джона Стрэчи. Главное внимание уделено характеристике семилетнего периода идеологических поисков и практических действий мыслителя, осуществлявшихся в 1924–1931 гг. Отмечается, что этот процесс происходил на фоне тех общественных изменений, которые переживала Британия после окончания Первой мировой войны. Показан вклад Стрэчи в разработку социально-экономической концепции лейбористского движения и программы Новой партии Освальда Мосли.

Ключевые слова: Великобритания, СССР, Э. Джон Стрэчи, Освальд Мосли, Независимая лейбористская партия (НРП), Новая партия (НП), капитализм, социализм, коммунизм, фашизм.

Olga RUDAYA

THE STORY OF JOHN STRACHEY'S "POLITICAL WANDERINGS"

SOME ASPECTS OF BIOGRAPHY IN THE PERIOD FROM 1924 TO 1931

The article examines the socio-political activity of the British economist, publicist and Labor theorist of the first half of the XX century, E. John Strachey. The main attention is paid to the characteristics of the seven-year period of ideological searches and practical actions of the thinker carried out in 1924-1931. It is noted that this process took place against the background of the social changes that Britain experienced after the end of the First World War. Strachey's contribution to the development of the socio-economic concept of the Labor movement and the program of the New Party of Oswald Mosley is shown.

Keywords: Great Britain, USSR, E. John Strachey, Oswald Mosley, Independent Labour Party (NRP), New Party (NP), capitalism, socialism, communism, fascism.

СКЛЯРОВА Елена Константиновна

ЛИВЕРПУЛЬ В ВИКТОРИАНСКОЙ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКЕ

В статье рассматриваются особенности социального развития Ливерпуля в контексте его роли во внутренней политике Великобритании в эпоху королевы Виктории. Крупнейший город и порт Соединённого Королевства Великобритании и Ирландии одним из первых ощутил на себе все негативные последствия промышленного переворота, урбанизации и миграции населения. Как и многие другие города Великобритании, Ливерпуль фигурировал в прессе, медицинских, статистических и парламентских отчётах, как город подвалов, центр массовой миграции, трущоб, высокой смертности населения, отсутствия санитарно-технических норм и антисанитарии. Парламентские расследования и пресса указали на Ливерпуль, а также Вулверхемптон, Глазго, Дублин, Лидс, Лондон, Манчестер, Шеффилд, как города, где необходимо первоочередное проведение социальных реформ. В середине XIX в. в эпоху королевы Виктории Ливерпуль израсходовал значительные суммы денег на

решение проблемы антисанитарии, уборки и мощения города, водоснабжения и освещения, жилищную реформу, организацию прачечных, общественных бань, библиотек, парков. Пионерами муниципализации и здравоохранения Ливерпуля стали — доктор Уильям Данкен, С. Хольм, Дж. Тинн. До введения общегосударственного Закона об обеспечении общественного здравоохранения 1848 г., Ливерпуль инициировал институт инспекции и санитарных врачей, жилищную реформу, систематическое вмешательство государства в решение социальных проблем.

Ключевые слова: Великобритания, Ливерпуль, урбанизация, общественное здравоохранение, миграция, санитарный врач, жилищная реформа, У. Данкен.

Elena SKLYAROVA

LIVERPOOL IN VICTORIAN DOMESTIC POLITICS

The article examines the features of Liverpool's social development in the context of its role in the domestic politics of Great Britain in the era of Queen Victoria. The largest city and port of the United Kingdom of Great Britain and Ireland was one of the first to feel all the negative consequences of the industrial revolution, urbanization and population migration. Like many other cities in the UK, Liverpool appeared in the press, medical, statistical and parliamentary reports as a city of basements, a center of mass migration, slums, high mortality, lack of sanitary standards and unsanitary conditions. Parliamentary investigations and the press have pointed to Liverpool, as well as WolverHampton, Glasgow, Dublin, Leeds, London, Manchester, Sheffield, as cities where social reforms are needed as a priority. In the middle of the XIX century in the era of Queen Victoria, Liverpool spent significant amounts of money on solving the problem of unsanitary conditions, cleaning and paving the city, water supply and lighting, housing reform, the organization of laundries, public baths, libraries, and parks. The pioneers of municipalization and health care in Liverpool were Dr. William Duncan, S. Holm, J. Thinn. Prior to the introduction of the National Public Health Law of 1848, Liverpool initiated the Institute of inspection and sanitary doctors, housing reform, and systematic state intervention in solving social problems.

Keywords: Great Britain, Liverpool, urbanization, public health, migration, sanitary doctor, housing reform, W. Duncan.

ЧЕРНОВА Лариса Николаевна

ЛОНДОНСКИЙ ПОРТНОЙ XV ВЕКА РАЛЬФ ХОЛЛАНД И ПОПЫТКИ РЕФОРМИРОВАНИЯ ГОРОДСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

В статье выявляется роль Ральфа Холланда в конфликте между портными и торговцами тканями, который стал проявлением экономического и социально-политического раскола между ремесленниками и торговцами Лондона в XV в. Показано, что благодаря своим личным качествам, богатству и влиянию Ральф Холланд сумел стать выразителем недовольства ремесленников и в 1438–1444 гг. возглавил оппозиционное движение, направленное на «демократизацию» городского управления Лондона.

Ключевые слова: Лондон, XV век, гильдия портных, компания торговцев тканями, борьба за рынок, олдермены, мэр, городская власть, избирательные процедуры.

Larisa CHERNOVA

THE 15TH-CENTURY LONDON TAILOR RALPH HOLLAND AND ATTEMPTS TO REFORM CITY GOVERNMENT

The article reveals the role of Ralph Holland in the conflict between tailors and drapers, which became a manifestation of the economic and socio-political schism between artisans and tradesmen of London in the 15th century. It is shown that thanks to his personal qualities, wealth and influence, Ralph Holland managed to become a spokesman for the discontent of artisans and in 1438–1444 led an opposition movement aimed at “democratization” the City Government of London.

Keywords: London, 15 century, tailors' guild, drapers' company, struggle for the market, City Government, Aldermen, Mayor, electoral procedures.

Авторы / Contributors

Атапин Евгений Александрович
Аспирант, кафедра истории зарубежных стран и востоковедения Воронежского государственного университета (Воронеж); atapinvrn@mail.ru

Evgenii Atapin
Postgraduate Student, Department of History of Foreign Countries and Oriental Studies, Voronezh State University (Voronezh); atapinvrn@mail.ru

Гаврилов Сергей Николаевич
Кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории и международных отношений Института истории и международных отношений Южного федерального университета (Ростов-на-Дону); sngavrilov@sfedu.ru

Sergey Gavrilov
PhD (History), Associate Professor of Department of Foreign History and International Relations, Institute of History and International Relations, Southern Federal University (Rostov-on-Don); sngavrilov@sfedu.ru

Дайнеко Илья Владиславович
Аспирант кафедры зарубежной истории и международных отношений Института истории и международных отношений Южного федерального университета (Ростов-на-Дону); dayneko_1997@bk.ru

Ilya Dayneko
Postgraduate Student, Department of Foreign History and International Relations of the Institute of History and International Relations of South Federal international relations Institute of Southern Federal University (Rostov-on-Don); dayneko_1997@bk.ru

Киселев Александр Александрович
Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Волгоградского государственного университета (Волгоград); alkiselev@mail.ru

Aleksandr KISELEV
PhD (History), Associate Professor of Department of History and International Relations, Volgograd State University (Volgograd); alkiselev@mail.ru

КЛОЧКОВ Виктор Викторович
Доктор исторических наук, профессор кафедры социологии, истории и политологии Института управления в экономических, экологических и социальных системах Южного федерального университета (Ростов-на-Дону); vicpeel@mail.ru

Victor KLOCHKOV
Dr Sc (in History), Professor of the Department of Sociology, History and Political Sciences, Institute of Management in Economic Ecological and Social Systems, Southern Federal University (Rostov-on-Don); vicpeel@mail.ru

КОВАЛЁВ Максим Александрович
Доцент кафедры истории, археологии и краеведения, Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых (Владимир); mkovalyov.89@mail.ru

Maxim KOVALYOV
Associated Professor of the Department of the History, Archeology and Local History, Vladimir State University (Vladimir); mkovalyov.89@mail.ru

КОГАН Евгений Александрович
Преподаватель кафедры истории зарубежных стран и востоковедения Воронежского государственного университета (Воронеж); kogan-zhenya@mail.ru

Evgeny KOGAN
Lecturer of Department of Foreign Countries History and Oriental Studies, Voronezh state university (Voronezh); kogan-zhenya@mail.ru

ЛАБУТИНА Татьяна Леонидовна
Доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель Центра истории межкультурных коммуникаций стран Запада и Востока Института всеобщей истории РАН (Москва); tlabutina2007@yandex.ru

Tatyana Labutina
Dr Sc (in History), Professor, Chief Research, Head of the Center of "History of cross-cultural communications of the West and East", Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); tlabutina2007@yandex.ru

Лагошина Наталия Анатольевна
Ассистент кафедры зарубежной истории и международных отношений Института истории и международных отношений Южного федерального университета (Ростов-на-Дону); lagoshina@sfedu.ru

Natalia Lagoshina
Assistant, Department of Foreign History and International Relations, Institute of History and International Relations, Southern Federal University (Rostov-on-Don); lagoshina@sfedu.ru

Ласкова Наталья Васильевна
Кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории и международных отношений Института истории и международных отношений Южного федерального университета (Ростов-на-Дону); nvlaskova@sfedu.ru

Natalia Laskova
PhD (History), Associate Professor of Department of Foreign History and International Relations, Institute of History and International Relations, Southern Federal University (Rostov-on-Don); nvlaskova@sfedu.ru

Мирошников Александр Викторович
Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории зарубежных стран и востоковедения Воронежского государственного университета (Воронеж); av_miroshnikov@mail.ru

Alexander Miroshnikov
Dr Sc (in History), Professor, Head of Chair of Foreign Countries History and Oriental Studies, Voronezh State University (Voronezh); av_miroshnikov@mail.ru

МУХИН Максим Андреевич
Аспирант кафедры зарубежной истории и международных отношений Института истории и международных отношений Южного федерального университета (Ростов-на-Дону); mmuhin@sfedu.ru

Maxim MUKHIN
Postgraduate Student, Department of Foreign History and International Relations of the Institute of History and International Relations of South Federal international relations Institute of Southern Federal University (Rostov-on-Don); mmuhin@sfedu.ru

РУДАЯ Ольга Ивановна
Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культурологии Донского государственного технического университета (Ростов-на-Дону); oiru2011@yandex.ru

Olga RUDAYA
PhD (History), Associate Professor of Department of History and Cultural Studies, Don State Technical University (Rostov-on-Don); oiru2011@yandex.ru

СКЛЯРОВА Елена Константиновна
Доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежной истории и международных отношений Института истории и международных отношений ЮФУ (Ростов-на-Дону); affina18@mail.ru

Elena SKLYAROVA
Dr Sc (in History), Professor of Department of Foreign History and International Relations, Institute of History and International Relations, Southern Federal University (Rostov-on-Don); affina18@mail.ru

ЧЕРНОВА Лариса Николаевна
Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского (Саратов); larisachernova@mail.ru

Larisa CHERNOVA
Dr Sc (in History), Professor, Head of the Department of World History of Saratov State University (Saratov); larisachernova@mail.ru

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакции..... 5

Памяти Андрея Германовича Глебова..... 13
Научное наследие профессора А.Г. Глебова..... 19

«ПРАВЬ, БРИТАНИЯ, МОРЯМИ»

А.А. Киселев (*Волгоград*)
Себастьян Кабот и организация английских морских экспедиций в середине XVI века..... 26

С.Н. Гаврилов (*Ростов-на-Дону*)
«Вы видите в нас не людей, а зверей»: моряки английского королевского флота в конце XVI века..... 60

URBI ET ORBI

Л.Н. Чернова (*Саратов*)
Лондонский портной XV века Ральф Холланд и попытки реформирования городского управления..... 89

Н.А. Лагошина (*Ростов-на-Дону*)
Особенности адаптации ирландкой знати, джентри и низших слоев населения в лондонском обществе в конце XVII–XVIII веков..... 121

ОБРАЗЫ, ИДЕИ И ЦЕННОСТИ

М.А. Мухин (*Ростов-на-Дону*)
«Юнионисткий национализм» и Уильям Робертсон..... 144

О.И. Рудая (*Ростов-на-Дону*)
История «политических блужданий» Джона Стрэчи: некоторые аспекты биографии в период с 1924 по 1931 годы..... 156

В.В. Клочков (*Ростов-на-Дону*)
Сэр Роберт Пиль (1788–1850) в британской историографической ретроспективе и в восприятии современников..... 172

Н.В. Ласкова (Ростов-на-Дону)
От уродливого горбуна к голубоглазому красавцу: формирование нового визуального образа Ричарда III в XXI веке..... 208

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ И ИНСТИТУТЫ

Е.К. Склярова (*Ростов-на-Дону*)
Ливерпуль в викторианской внутренней политике..... 227

М.А. Ковалев (*Владимир*)
Политическая полемика в Великобритании в 90-е годы XVIII века (по материалам памфлета Дж. Ривза «Мысли об английском правительстве»)..... 244

Е.А. Атапин (*Воронеж*)
Итоги британского референдума 2016 года как результат развития английского национализма в Новейшее время 261

БРИТАНИЯ И МИР

Т.Л. Лабутина (*Москва*)
«Женщины екатерининской России глазами британских дипломатов»..... 279

И.В. Дайнеко (*Ростов-на-Дону*)
Англичанин во Франции в 1802 году: Чарльз Джеймс Фокс в Париже (по материалам отчета личного секретаря Фокса — Джона Бернарда Троттера)..... 299

Аннотации / Summary..... 314

Авторы / Contributors..... 332

Contents..... 338

CONTENTS

NOTE FROM THE EDITORS..... 5

In Memory of Andrey Germanovich Glebov..... 13
Scientific legacy of Professor A.G. Glebov..... 19

"RULE THE SEAS, BRITAIN"

A. KISELEV (*Volgograd*)
Sebastian Cabot and the organization of English maritime expeditions in the middle of the 16 century……...…...…… 26

S. GAVRILOV (*Rostov-on-Don*)
«You make no men of us, but beasts»: sailors of the English Royal Navy at the end of the 16 century……..……. 60

URBI ET ORBI

L. CHERNOVA (*Saratov*)
The 15th-century London tailor Ralph Holland and attempts to reform City Government…… 89

N. LAGOSHINA (*Rostov-on-Don*)
Features of the adaptation of the Irish nobility, gentry and lower social estate of the population in London society at the end of the 17–18 centuries…...……. 121

IMAGES, IDEAS AND VALUES

M. MUKHIN (*Rostov-on-Don*)
«Unionist nationalism» and William Robertson……... 144

O. RUDAYA (*Rostov-on-Don*)
The story of John Strachey's "political wanderings": some aspects of biography in the period from 1924 to 1931. 156

V. KLOCHKOV (*Rostov-on-Don*)
Sir Robert Peel (1788–1850) in British historiographical retrospect and in the perception of contemporaries…...…… 172

N. LASKOVA (*Rostov-on-Don*)
From an ugly hunchback to a blue-eyed handsome man: the formation of a new visual image of Richard III in the 21st century…… 208

SOCIAL AND POLITICAL PRACTICES AND INSTITUTIONS

E. SKLYAROVA (*Rostov-on-Don*)
Liverpool in Victorian domestic politics……... 227

M. KOVALYOV (*Vladimir*)
Political polemics in Great Britain in the 90s of the 18th century on the materials of J. Reevs' pamphlet "Thoughts on the English government"…… 244

E. ATAPIN (*Voronezh*)
The results of the British referendum of 2016 as an outcome of the development of English nationalism in the Contemporary history……. 261

BRITAIN AND THE WORLD

T. LABUTINA (*Moscow*)
Women of Catherine's Russia through the eyes of British diplomats…….. 279

I. DAYNEKO (*Rostov-on-Don*)
An Englishman in France in 1802: Charles James Fox in Paris (based on the Report of Fox's personal secretary John Bernard Trotter)…… 299

SUMMARY…….. 314

CONTRIBUTORS…….. 332

CONTENTS…….. 338

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Поиск DOI: http://rads-doi.org/data/

БРИТАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
Выпуск VII (2022)
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.VII.VII.007

А.В. Мирошников
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.VII.VII.008
Е.А. Коган
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.VII.VII.009
А.А. Киселев
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.VII.VII.010
С.Н. Гаврилов
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.VII.VII.011
Л.Н. Чернова
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.VII.VII.012
Н.А. Лагошина
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.VII.VII.013
М.А. Мухин
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.VII.VII.014
О.И. Рудая
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.VII.VII.015
В.В. Клочков
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.VII.VII.016
Н.В. Ласкова
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.VII.VII.017
Е.К. Склярова
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.VII.VII.001
М.А. Ковалев
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.VII.VII.002
Е.А. Атапин
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.VII.VII.003
Т.Л. Лабутина
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.VII.VII.004
И.В. Дайнеко
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.VII.VII.005

БРИТАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ВЫПУСК VII

Главный редактор
Сергей Николаевич Гаврилов

Рецензенты
Ольга Владимировна Дмитриева
доктор исторических наук, доцент
профессор Московского государственного университета
имени М.В Ломоносова

Мария Александровна Пономарева
доктор исторических наук, доцент
директор Института истории и международных отношений
Южного федерального университета (Ростов-на-Дону)

Адрес редакции
Российская Федерация, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42
Электронная почта: british.stud@yandex.ru

Издательство «Аквилон»
Электронная почта: aquilopress@gmail.com
Сайт: aquilopress.com

Подписано к печати 26.05.2022
Формат 60x90/16. Гарнитура Times. Печать цифровая
Усл.-печ. л. 24. Тираж 500 экз.
Отпечатано в типографии Onebook.ru ООО «Сам Полиграфист»
Москва, 109316, Волгоградский пр., дом 42, Технополис МОСКВА
Тел. +7 (495) 545–37–10
Электронная почта: info@onebook.ru Сайт: www.onebook.ru

На обложке

Фрагмент статуи с аллегорическим изображением Британии, установленной в Плимуте 13 июня 2008 года

Изображение находится в открытом доступе, на основании лицензии:
Creative Commons Attribution 3.0 Unported
https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Britannia-Statue.jpg (май, 2022)

ISBN 978-5-906578-85-3

9 785906 578853